

H. Meyer del.

РОССІЙСКІЙ

ТЕАТРЪ

ИЛИ

Полное собраніе

всѣхъ

россійскихъ театральныхъ

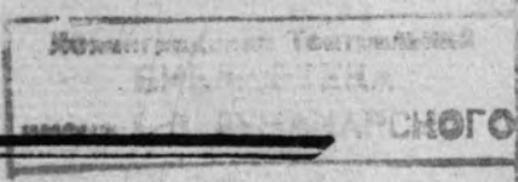
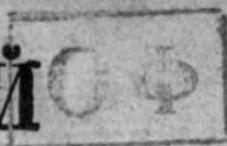
сочиненій.

Часть IV.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ,
1786 года.

89709

ПЛАМЕНА

ТРАГЕДІЯ,

МИХАЙЛА ХЕРАСКОВА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МСТИСЛАВЪ }
ПОЗВѢЗДЪ } Князя Кіевскіе , дѣши
Князя Владимира.

ПРЕВЗЫДЪ , плѣнный Князь.

ПЛАМЕНА , дочь Превзыдова.

ВИРСАНЬ , сродникъ Превзыдовъ.

ОСТАНА , наперсница Пламенина.

КОМНАТНОЙ МСТИСЛАВОВЪ.

ВѢСТНИКЪ.

ВОИНЫ обоихъ Князей.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ чертогахъ плѣннаго Князя.

ПЛАМЕНА ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЛАМЕНА и ОСТАНА.

ПЛАМЕНА.

Внимай, коль строгою гонима я судьбою:
Ужè не нахожу веселія съ шобою.
Грусна миѣ жизнь моя, послылѣ сей домѣ, сей градѣ,
По сердду томному распространился хладѣ;
Дни вѣ сукѣ провожу, вѣ смущенныхѣ мысляхѣ нѣчи;
Пошокамѣ горькихѣ слезѣ мои отверсты очи.
Увы! коль сердце чье печаль обременилѣ,
Спокойной самой видѣ на скорбиной премѣнишѣ.
Нѣшѣ радости ни гдѣ. О! грозная судьбина.

ОСТАНА.

Поняши не могу, что сей тоски причина.
Скучаешь ты Княжна среди пріятныхѣ мѣстѣ,

Сихъ мѣстѣхъ, гдѣ ты выросла и гдѣ живешъ Позвѣздѣхъ,
Гдѣ первой жарѣ любви въ сердцахъ у васъ рождался.

ПЛАМЕНА.

Ужѣ семь дней Позвѣздѣхъ со мною не видался.
Не знаю, можешъ бышь шоска моя пуста,
И страхъ души моей едина лишь мечта;
Но ежели сердца пламенны унываютьъ,
Не рѣдко близкую бѣду предузнаваютьъ.
Свиданье частое бываетъ цѣпь любви,
Ошвычка можешъ хладъ произвести въ крови.
Премѣны всѣмъ вещамъ на свѣтѣ семъ природны,
День слѣдуешъ за днемъ, но всѣ они несходны.
Мой рокъ, мой люшый рокъ вшорично воспикѣлъ,
Которымъ столько бѣдъ опецъ мой прешерпѣлъ:
Сверкнувши радости въ душѣ моей увидя,
Погубишь и меня, весь родъ мой ненавида.

ОСТАНА.

Робѣюшъ всякую минушу шѣ сердца,
Которыя своихъ нещасній ждуть конца;
Сомнѣнье малое ихъ мучишь, и шревожишь,
И мвишся щастье ихъ на вѣкъ судьба отложишь;
Но ты, увѣрь себя, любовію увѣрь.

ПЛАМЕНА.

Мяѣ воображается она какъ сонъ шеперь,
Предчувшвую, что я въ любви моей нещасна
И сихъ сомнѣнїевъ преодолѣть невластна;

Когда

Когда Позвѣздъ вѣнцы Геройски собиралъ,
 Побѣдоносной мечъ во браняхъ простираалъ,
 Природы слѣдуя всеобщему уставу,
 Любовью закипѣлъ, оставилъ громку славу,
 Угодно было такъ сердитымъ небесамъ,
 Чшо побѣдитель нашъ плѣнился мною самъ,
 Казалось, что соей гнѣвѣ смягчишь хотѣли Боги,
 Не въ плѣнѣ мы ведены, но въ Царскіе чертоги;
 Свиданья частыя, привычка, близость мѣстъ,
 То здѣлали, что миѣ пріятенъ спалъ Позвѣздъ;
 Но Царства моего и сердца побѣдитель,
 Теперь миѣ кажешся герой, а не любитель.
 Представь прошедшія, представь Остана дни,
 Позвѣзда прежняго съ Позвѣздомъ симъ сравни,
 Ахъ! шо ли сердце въ немъ и шѣлъ имѣетъ мысли?
 Представь мою любовь, и дни разлуки счисли.

ОСТАНА.

Причины не могу разлуки сей понять,
 Но я ни въ чемъ его не смѣю обвинять;
 Однако ибчто есть въ народѣ чрезвычайно,
 Весь Царской дворъ семь дней себя содержишь тайно.
 Народъ приходишь въ страхъ, не слышанъ гласъ Боговъ
 И Князи къ нимъ не шлютъ ни жершвы ни даровъ.
 Жрецы имъ предстоятъ въ слезахъ и не въ убранствѣ,
 Не знаю о какомъ вѣщають Христіанствѣ.

ПЛАМЕНА.

Не возмущался бы такой премѣной духъ,
 О Христіанахъ мой давно исполненъ слухъ,

Что добродѣтели святой законъ сей учишь,
 Кто просвѣщенъ имъ, шопъ ближняго не мучишь:
 Конечно бы меня Позвѣздъ не позабылъ,
 Когдабъ не варваръ онъ, а Христiянинъ былъ.
 Премъны сердца въ немъ страшуся, не закона,
 И кажешся боязнь другихъ страшнае она.

ОСТАНА.

Но чаю твой опецъ въ сей мысли не шаковъ,
 Не перемънишь онъ закона и Боговъ.

ПЛАМЕНА.

Топъ лучшей естъ законъ и поля преданiй ясныхъ,
 Которой дѣлаешъ щасливыми нещасныхъ,
 Которой къ честности удобенъ насъ привестъ,
 И Боги щедрые прямые Боги естъ.

ОСТАНА.

Превзыдъ идешъ, въ очахъ его изображенна,
 Душа въ глубокiя печали погруженна.

ПЛАМЕНА.

О! небо грусти намъ и скорби не прибавъ:
 Но ты отсель поди, и съ нимъ меня оставъ.

ЯВЛЕНIЕ II.

ПРЕВЗЫДЪ и ПЛАМЕНА.

ПРЕВЗЫДЪ.

Остатокъ жалостной нещасливаго рода,
 Коль кровь мою въ тебѣ еще хранишь природа;
 Всѣ

Всѣ радости въ своей неволѣ пошуша,
 Колю не лишилася всѣхъ силъ швоя душа;
 Достойна будь меня, о! дочь моя любезна,
 Мнѣ крѣпость швоея души шеперь полезна.
 Вооружай себя, и покажи шеперь,
 Чшо кровь моя въ шебѣ, и чшо моя шы дщерь.

ПЛАМЕНА.

Я жду единого, ошецъ мой, шолько слова,
 На все я для шебя предашь себя готова;
 Ты мнѣ ошецъ, шы мнѣ и повелишель будь,
 Я вся въ швоихъ рукахъ . . .

ПРЕВЗЫДЪ.

Позвѣзда позабудь.

ПЛАМЕНА.

(нѣскольго лодумавъ.)

Должна я, Государь, и сей приказъ исполнишь,
 Позвѣзда позабышь, и вѣкъ его не помнишь . . .
 Но я ль, родишель мой, ахъ! я ли въ шомъ винна,
 Чшо онъ пѣнился мной, чшо я къ нему склонна.
 Не шы ли позволяя пишашься нашей спрасши,
 Не вы ль съ Владимиромъ ошавили во власти,
 Другъ съ другомъ видѣшься, другъ друга намъ любишь!
 Трехлѣшней лзя ли жаръ въ минушу истребишь?

ПРЕВЗЫДЪ.

Я думалъ ешо самъ, чшо мы въ плачевной часши
 Отраду почерпнемъ изъ вашей нѣжной спрасши;

Что похищенное мнѣ царство отдадушѣ;
 Что лавры спадшія короны процвѣтушѣ,
 Которые въ рукахъ злодѣйскихъ нынѣ вянущѣ,
 Но ты недастлица, увы! я самѣ обманущѣ,
 Надежда рушилась намѣ льспяца прешей годѣ,
 И весь Владимировѣ ожесточился родѣ,
 И совѣсть изъ сердецѣ и ужасѣ испребили,
 Пламена! знаешь ли, они Боговѣ забыли.

ПЛАМЕНА.

Того забышѣ, кто намѣ дни наши даровалѣ,
 И благо жизни сей вкушати намѣ давалѣ?
 Не можно бышѣ ни въ комѣ душѣ такой ширанской.

ПРЕВЗЫДЪ.

Перебѣнили свой законѣ на христіанской,
 И святѣсть прежняя отѣ сихѣ убѣгла мѣстѣ,
 Пламена, ужѣ тебѣ невѣренѣ сталѣ Позвѣздѣ;
 Перебѣнился духѣ, перебѣнились мысли,
 Любовникомѣ своимѣ уже его не числи.
 Мстиславѣ къ себѣ въ чертогѣ прійми мнѣ приказалѣ,
 И прерывая рѣчь пришедшу мнѣ сказалѣ:
 Владимирѣ вѣчное оставилѣ согрѣшенѣ,
 И принялѣ во Христа и Вѣру и Крещенѣ,
 Перебѣнилѣ на свѣтѣ небесной вѣчну шьму,
 Послѣдовали мы въ Крещеніи ему;
 И ежели и ты Боговѣ своихѣ отступишѣ,
 И здѣсь и въ небесахѣ, о другѣ мой! Царство купишѣ.

Молиѣносная спрѣла не такъ разитѣ,
 Котора съ высоты изъ мрачныхъ тучъ лепитѣ,
 Какъ спрашныя слова сѣи меня разили,
 Смутили весь мой духъ и сердце сквозь пронзили;
 Окаменѣлъ я шутѣ, и силы всѣ губя,
 Воображалѣ себѣ, любезна дочь, себя,
 Какія горести почувствуешь жестоки,
 Вообразилися мнѣ слезѣ своихъ попоки;
 Однако, сколько я умѣлъ собрати силѣ,
 Намѣренье свое, отъ сихъ Князей шайлъ,
 И злобѣ полное далѣ въ сердцѣ я пространство,
 Мгновенно истребишь зловередно христіянство.
 Боговъ

ПЛАМЕНА.

Единого имѣемъ мы Творца;
 Не премѣняющся, любя его сердца:
 Лишь суевѣрїе намъ дѣлаетѣ соблазны;
 Единѣ во свѣтѣ Богѣ, хоша законы разны.
 За что меня ударомъ симъ губишь,
 Чшо измѣнилѣ Позевздѣ, и переспалѣ любить.

ПРЕВЗЫДЪ.

Кшо измѣнилѣ богамъ и въ дружбѣ лицемѣренѣ,
 Тотѣ можешѣ ли своимъ любезнымъ быши вѣренѣ?
 И ты причислиши къ злодѣямъ и врагамъ,
 Вступаясь за шого, кшо врагѣ своимъ богамъ;
 Вирсанѣ мой вѣрной другѣ не знаешѣ мѣдены мѣры,
 Колеблемы смѣлны увида нашей вѣры;

Поставь себѣ въ законѣ и въ долгѣ примѣръ такой.

ПЛАМЕНА.

Ужѣ не останется мнѣ казни никакой;
 Когда съ возлюбленнымъ Позвѣдомъ разлучаюсь,
 То милости боговъ на вѣки я ошчаюсь.

ПРЕВЗЫДЪ.

Стояя внутренно довольно я терпѣль,
 И мѣры своего упрямства зрѣшь хощѣль;
 Забудь жестокая, что я тебѣ родитель,
 Когда своею душѣ милай боговъ любитель.
 Лишаюсь дочери, о! Боги, наконецъ,
 Но чувствую, что я еще ея отецъ.
 Иль кровь моя въ тебѣ покорства не вѣщаетъ,
 Туши свою любовь, отецъ тебя продастъ;
 Ты ею махери своей превозишь прахъ,
 Которой въ тѣхъ лежишь разрушенныхъ стѣнахъ,
 Держава гдѣ моя во узы обращена,
 А ты родительскимъ злодѣемъ такъ прельщенна;
 Воспомни прежнія ширановъ сихъ дѣла;
 Представь гражданъ своихъ разбросанны тѣла,
 Которы на поляхъ терзаютъ хищны враны;
 Сочти свои бѣды, сочти ошцовы раны,
 Во общоительства мои свой умъ вперя,
 И добродѣтельно ль ты мыслишь? разбери.

ПЛАМЕНА.

Совѣспница любви свящая добродѣтель!
 Ты сердца моего и чувствѣ моихъ свидѣтель,

Бм-

Бывала ль ты отъ нихъ когда ослучена,
 И искра совѣсти моей помрачена?
 Хотя моя душа Позвѣздомъ сильно страшна,
 Я не виновна тѣмъ, но больше я нецастна;
 Но будетъ предпочтенъ любовнику отецъ,
 За жершву такову мнѣ будетъ смерть вѣнецъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Я жалость таковымъ почувствую урономъ,
 Но скрою въ гробъ себя не такъ съ великимъ стономъ,
 Какъ страшную себя къ злодѣю живу зрѣшь,
 И сродникомъ своимъ врага боговъ имѣшь;
 А ты гони любовь, гони koliko можно.

ПЛАМЕНА.

Что въ сердцѣ у меня, то съ сердцемъ вырвашь долж-
 но!

ПРЕВЗЫДЪ.

Волнуешь кровь мою прошивна рѣчь сѣя,
 Люби Позвѣзда ты, но дочь не будь мол.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢЖЪ и МСТИСЛАВОВЪ КОМНАТНОЙ.

КОМНАТНОЙ.

Мой Князь меня сюда съ прошенъемъ посылаетъ.
 Онъ самъ къ тебѣ въ чертогъ сей часъ прійши желаетъ;
 Обѣимъ вамъ велѣлъ сѣ сказаши мнѣ:
 Что хочешь съ вами онъ пребышь наединѣ.

ПРЕ-

ПРЕВЗЫДЪ.

Коль плѣнниковъ своихъ, о чемъ начальникъ просишь,
 Не утѣшася ихъ прошеньемъ, но поносишь.
 Скажи, что можешь оиъ почтешь приходомъ насъ,
 Его желаніе я спазваю за приказъ.

(Комнатной уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕВЗЫДЪ и ПЛАМЕНА.

ПРЕВЗЫДЪ.

А ты бесѣды сей спарайся удаляться,
 Гдѣ искры новыя досады воспалясь.
 Его пришествіе меня не веселишь,
 Отправу горести моей оно сулишь,
 Поди, и помни то, что ты хощя несчастна,
 Но мнѣ не дочь, когда со мною не согласна.

ПЛАМЕНА.

Послушну ты меня во всемъ воображай;
 Но ахъ! для слезъ моихъ Князей не раздражай;
 Подумай, что и жизнь и честь нвоя и слава,
 И я несчастная во власти у Мстислава;
 И что рабы шевон живущи во плѣну,
 Надежду на тебя имѣюшъ лишь одну;
 Не наведи на насъ послѣдняго удара,
 И малой искрою не причини пожара.

ПРЕ-

ПРЕВЗЫДЪ.

Я помню, что мое усердіе велитъ,
 Которое во мнѣ къ богамъ моимъ горитъ;
 Поди и возноси богамъ свое прошенье.

ПЛАМЕНА.

Пойду и принесу имъ плачъ и сокрушенье.

(ушла.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕВЗЫДЪ *одинъ*.

О! боги, я престолъ и царство потерялъ,
 Но васъ любя, на плахъ спокойно я взиралъ.
 Хоть въ смертныхъ шаковы сердца всегда бывають,
 Что въ бѣдствіяхъ себя они отчаявають;
 Однако потерявъ державу и вѣнецъ,
 Я не отчаялся при сихъ бѣдахъ въ конецъ;
 А тѣ, которыхъ вы промчали въ свѣтъ славу,
 Моей державою возвысили державу.
 Стремятся нову брань и съ вами начинатьъ,
 Дашь новыхъ небесамъ боговъ и васъ изгнашь;
 Но какъ бы мысль моя себя ни возносила,
 А къ силамъ плахника пошребна ваша сила.
 Небесны жители! поборшуйше по насъ,
 Я немощенъ и слабъ, но жду всего отъ васъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

МСТИСЛАВЪ и ПРЕВЗЫДЪ.

МСТИСЛАВЪ.

Оспавилъ ли свои шы мысли горделивы?

ПРЕВЗЫДЪ.

Не лзя оспавишь ихъ, вы щаслаивы и живы.

МСТИСЛАВЪ.

Превзыдъ, мой духъ швоимъ опвѣтомъ огорченъ,
 Но дружеской къ тебѣ любовью привлеченъ,
 Къ спокойствію швоему изыскиваю средства,
 Я ближнимъ почишашъ привыкъ тебѣ изъ дѣшства.
 Плѣняющую всѣхъ премудростью, красой,
 Любезну дочь швою, я чшу своей сестрой.
 Взаимной спрасши ихъ ошецъ мой не неволилъ,
 И брату моему вѣнчашся съ ней дозволилъ.
 Его съ Пламенею взаимная любовь,
 Соединишъ съ швоей Владимирову кровь;
 Но затворяешся шеперь къ шому дорога,
 Ты ложныхъ чшишь боговъ, мы чшимъ всецельна Бога.
 Неравношь вѣрѣ дѣлишъ согласіе сердецъ,
 И разрываетъ сихъ любители вѣнецъ,
 Не огорчай любви, не оскорблай шы мздость.

ПРЕВЗЫДЪ.

Мученье ихъ и шонѣ мнѣ будешъ въ грусти радость.
 Не думай, чшобъ я былъ и слабъ и подлъ шаковъ,
 Пламенной любви чшобъ жершвовалъ боговъ.

Пускай

Пускай и дочь моя, пускай швой брашбъ восспонетбъ,
Ни спонбъ любовничей, ни смершь меня не пронетбъ!

МСТИСЛАВЪ.

Внимай, какбъ сб ближними намб жипшь велблб Творецбъ:
Мы ошдаемб шесбъ и Скипетрбъ и вбнецбъ,
Сокровища швои, ключи престольна града,
Во мзду за шо, спаси шы намб себя отб ада;
Отб сёрдца опгони згуцающуюся ночь,
Крещеньемб просвбши свою прекрасну дочь;
Иль дружелюбїе такое презираешь?

ПРЕВЗЫДЪ.

Какїя мнб пути ко щастью ошворяешь!

Ты все преобразишь намбренб естештво.

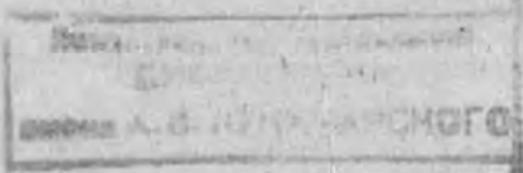
Ошкуда новое вы взяли Божештво?

МСТИСЛАВЪ.

Всегда лучи его вб глазахъ у насб горблн,
Но мы во слбпошб сїанья ихб не зрблн,
Давно небесный знакб вб семб градб положенб,
И крестб на сей горб Андреемб водруженб;
На коемб видблб свбшб Иуса пригвожденна,
Кбмб сила адская и злоба поббжденна,
Копорой множешвомб исполнивб мбрб чудесб,
За грбшнихб пролилб кровь, и умерб и воскресб;
Сего Спасителя уже познали многи,
Онб славою гремишб, шрепещушб ваши боги.
Прешань сомнбнїемб своимб себя губишь;
Не понимашь его шы созданб, но любишь.

Б

Возри

Взри на шаръ земной, на небеса опверсты,
 Премудрость всю сію Его создали персты;
 Свѣшила многія о Богѣ говорятъ,
 И славой вѣчною передъ шобой горятъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Похишивъ мой Престолю, лиша меня градовъ,
 Хошише вы лишише меня моихъ боговъ;
 Чшобъ совѣши своей и сердду былъ избѣникъ,
 Я тѣломъ плѣнникъ вашъ, но духомъ я не плѣнникъ;
 Не льстись его своимъ совѣшамъ покорашъ,
 Онъ въ помѣ не колебимъ, кшо знаешъ умирашъ.
 Я все почшеніе передъ шобой шераю,
 Вы презрили боговъ, я всѣхъ васъ презираю.
 Мучишельски мой вѣкъ шы власенъ прекрашше,
 Однако опъ боговъ не можешъ опвращише,
 Но видно, что вашъ грѣхъ они пренебрегаюшъ,
 Чшо молитями васъ съ небесъ не пожитаюшъ,
 Однако бойшеся сей мерзости концъ,
 Еще остались имъ вѣрныя сердца.

МСТИСЛАВЪ.

Въ нихъ вѣруя лишенъ шы областей наслѣднихъ,
 А сей любовью къ нимъ, лишишся благъ послѣднихъ.
 [Въ сіе время Позвѣздъ выходитъ на театр.]

ПРЕВЗЫДЪ.

Я благо все мое къ богамъ въ любви чшу,
 Земное щастіе я ставлю въ суешу.

О! Боги, коихъ мы единыхъ въ свѣтѣ знали,
 Кошармихъ пращцы мои не измѣняли,
 Берице въ руки громъ и пучи вспламеня,
 Опмешине за себя, опмешине за меня.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

МСТИСЛАВЪ и ПОЗВѢЗДЪ.

МСТИСЛАВЪ.

Ни увѣщанія ни прозбы не внушаетъ,
 Насъ друга, а тебя невѣсны онъ лишаетъ.

ПОЗВѢЗДЪ.

Чтожъ дѣлашь мы начнемъ, возлюбленный мой братъ?

МСТИСЛАВЪ.

Сей часъ велю ему оставить здѣшней градъ,
 Указъ Владимировъ о немъ довольно ясенъ:
 Когда своихъ боговъ покинуть онъ согласенъ,
 И съ дочерью своею оставишь прежней мракъ,
 Имъ вольность возвратишь и совершишь вашъ бракъ,
 А естли щастія сего не пожелаетъ:
 То въ градъ съ нами жишь ему не позволяетъ,
 Велѣлъ его въ страны далеки оплучишь;
 Но ахъ! могу ль себя о! братъ мой огорчишь.

ПОЗВѢЗДЪ.

Тяжкоѣ смерти мнѣ такое огорченье,
 Могу ли я снести съ Пламенной разлученье:

Привыкъ сѣ ней видѣшься , привыкъ ее любить ,
 Всѣ радости мои , сѣ Пламенной вмѣстѣ бышь ;
 А спрасно шакѣ любя и льспишься мнѣ напрасно ,
 Чшобѣ сѣ нею разлучась не умирашь всечасно .

МСТИСЛАВЪ.

Сѣ побою должны всѣ о ней мы слезы лишь ;
 Но малодушія не можно похвалишь .
 Герою надлежитѣ имѣши сердце спрое .

ПОЗВѢЗДЪ.

Однако шажѣ во мнѣ душа и сердце поже .
 То сердце , гдѣ сѣ красавица жила ,
 Кошора мнѣ еще какѣ жизнь моя мила ;
 Прешвердо врѣзана вѣ груди моей Пламена .

МСТИСЛАВЪ.

Случается вѣ любви жарчайшей перемѣна ,
 Ея красы тебѣ вѣ свиданѣ веселятъ ,
 Но ежели красу на долго опдалаятъ ,
 И ежели себѣ яснее ты предшавишь ,
 Чшо варварку любя , ты родѣ свой обезславишь :
 Забудешь красосу изгонишь спрасъ свою ,
 Кошору слабосыю единой признаю .

ПОЗВѢЗДЪ.

О ! суемудрѣ людей ожесточенныхъ ,
 Подобіе сердецѣ изѣ камня избѣченныхъ ,
 Любовь единою мечшою почиташъ !
 И чшо она какѣ сонѣ удобна пролеташъ ;

Ушѣха звѣрская шагчишь сердца пѣннены,
 И разлучаши ихъ, когда они сплещены.
 Любезный братъ, хошь ты преняпшва не явлай,
 Ощу Пламенину себя не подоблай,
 И видя шяжкое спраданіе любви,
 Не мучь Мстиславъ, не мучь своей ближайшей крови!

МСТИСЛАВЪ.

Но чемъ шебъ могу, скажи мнѣ, чемъ помочь!

ПОЗВѢЗДЪ.

Позволь мнѣ княжеску, позволь увидѣшь дочь;
 Поверженной предъ ней любовникъ на колѣни,
 Въ слезахъ, въ опчаянѣ произносящей пѣни,
 Къ тому уговорить любезну наконецъ,
 Чему прошивится шеперь ея ошецъ.
 Едина капля слезъ имѣетъ много силы,
 Надъ сердцемъ шѣхъ ошцовъ, кошорымъ дѣши милы,
 Когда черезъ нее отъ муки ихъ спасемъ,
 Какое небесамъ веселье принесемъ!
 Родитель нашъ сіе спараніе похвалишъ,
 И брата братъ уже на вѣкъ не опечалишъ.

МСТИСЛАВЪ.

Поди, любезный братъ, имѣй во всемъ успѣхъ,
 Ушѣхи почерпну изъ вашихъ я ушѣхъ;
 Указъ Владимировъ до ушра ошлагаю.

ПОЗВѢЗДЪ.

Къ шебъ любовь, къ шебъ единой прибѣгаю.

Конецъ лерваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРЕВЗЫДЪ и ПЛАМЕНА.

ПРЕВЗЫДЪ.

Не внемлю ничего.

ПЛАМЕНА.

Коль любишь ты боговъ!

Постой, не отридай моихъ полезныхъ словъ,

ПРЕВЗЫДЪ.

Что хочешь мнѣ сказать? скажи, я позволяю.

ПЛАМЕНА.

Оставимъ здѣшней градъ, о томъ я умоляю.

ПРЕВЗЫДЪ.

Опмстя своимъ врагамъ, оставимъ здѣшней градъ,

Съ которымъ согласилъ свое свирѣпство адъ,

Ты плачешь? или враги боговъ твоиъ любезны?

ПЛАМЕНА.

Оставь ушѣхой мнѣ мои попоки слезны.

ПРЕВЗЫДЪ.

Еще ли ты Князей дерзашь защищать?

Еще ль препятствуешь злодѣйство ихъ опмщать?

Еще ли наглость ихъ и грѣхъ тебя не пронетъ?

Трепещутъ небеса, земля подъ нами спонетъ.

И небо и земля опмиденье вопіютъ:

Что мѣста ихъ богамъ въ семъ градѣ не дасть;

Перунъ, владѣющій всея вселенной Трономъ,
 Поверженъ въ капищѣ, на землю палъ со стономъ.
 Увы! возможно ли оспасться въ сихъ стѣнахъ,
 Повсюду множатся убійства, плачь и страхъ,
 Запымилась чesть божницъ, лишилось небо славы,
 Мы должны за боговъ лишь рѣки здѣсь кровавы.

ПЛАМЕНА.

Но боги могутъ ли спасти уже тебя,
 Коль сами защищаешь безсильны и себя?
 Преодоливъ себя въ любви моей умѣю;
 Но увы! родишесь мой

ПРЕВЗЫДЪ.

Постой, я разумѣю!

Ошверстой бездны ты передъ собой не зришь,
 Коль вреденъ пламень сей, которымъ ты горишь.
 Своей холодностью тордишься ты напрасно,
 Палѣнилась Княземъ ты, его ты любишь страшно;
 Не видишь ввергнуша въ любовныя мечы,
 Что ты гнѣвишь боговъ, меня безчестишь ты;
 Но можешь ли сіе презрѣніе представишь:
 Они велѣли намъ чрезъ сушики градъ оставишь;
 И больше насъ имѣшь друзьями не хочаешь;
 Однако небеса за шо врагамъ отмстятъ,
 Когда свою любовь къ злодѣямъ ихъ изгонишь,
 Такою жертвою на жалость ихъ преклонитъ.

ПЛАМЕНА.

Свидѣтели тому да будутъ небеса,
 Что скіану забываешь Князей съ сего часа,

И сколько ни должна сама съ собой сражаться,
 Не будешь, можешь быть, Позвѣдъ мнѣ воображаться.
 Тоской сѣдаема, гонимая судьбой,
 Въ пущыни я пойду рыдаши за тобой;
 Но мы, не получа отъ нихъ себѣ прощенья,
 Оставимъ сихъ враговъ, оставимъ безъ опмищенья,
 Да боги судяшъ шѣхъ, кто хочешъ ихъ забыть;
 Научимъ Христїянъ, какъ ближняго любишь.

ПРЕВЗЫДЪ.

Иль можешь о врагахъ своихъ жалѣшь во вѣки?

ПЛАМЕНА.

Жалѣю ихъ, они шакіе жѣ человекѣ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Единъ имѣютъ видъ разума существа,
 Кошоры признавашъ не станушъ божества;
 И кто себя отъ благъ небесныхъ отчуждаешъ,
 Тотъ варварски себя убиши принуждаешъ.

ПЛАМЕНА.

Но жертва небесамъ прошивна шакое.

ПРЕВЗЫДЪ.

Не вянны мнѣ швои совѣшы и словѣ;
 Что дѣлашъ надлежишъ, про шо уже я знаю:
 Забудъ ихъ мщенге, съ сего я начинаю.

ПЛАМЕНА.

Исполню швой приказъ, любезной мой ошецъ,
 Но симъ и учини опмищенію конецъ;

Иль прозбы пы мои и слёзы уничижишь.

ПРЕВЗЫДЪ.

Прошеньемъ симъ, на нихъ мою досаду множишь.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЛАМЕНА *одна.*

Отъземлешся отъ глазъ моихъ надежды лучь!
 Бѣгущихъ на меня сверканье вижу пучь!
 И каждымъ небо мнѣ грозящее ударомъ,
 Въ жестокости своей не грянешь, мнишь, даромъ.
 О! боги, кои насъ въ сей городъ привели,
 Спрадалъ ли кто другой такъ много на земли?
 Въ цвѣтущей младости свободу поперяла,
 На маперину смерть, на плѣнъ друзей взирала;
 Текущу кровь гражданъ я зрѣла во слезахъ,
 Отечество мое въ неволѣ и въ цѣпяхъ;
 А ты, кошорая въ неволѣ мнѣ польстила,
 И рано въ сердцѣ мнѣ любовь спрѣлу пустила;
 Въ шѣхъ лѣсахъ, въ кои ты незнаема другимъ,
 Свершила яросшь всю надъ сердцемъ пы моимъ.
 О! Князь, невѣрной Князь, о коемъ, ешьли можно,
 И мыслишь мнѣ по смерти мою уже не должно,
 Ты щасливъ, ешьли могъ легко меня забышь,
 Увы! я не могу тебѣ подобна бышь:
 И кляшвы данныя и нѣжности явленны,
 На вѣки въ памяти моей запечашлѣнны;

Нещасная, сѣбѣни изъ сихъ ужасныхъ мѣствъ,
 Прости въ послѣдній разъ, невѣрной Князь Позвѣздъ.
 Дай небо, чтобъ твою двѣтвуду въ славѣ младости,
 Никто не оскорблялъ, и украшала радость;
 Чтобъ шы забывъ меня души не огорчалъ,
 Моимъ подобныхъ слезъ другой не приключалъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЛАМЕНА и ОСТАНА,

ОСТАНА.

Ты плачешь, шы грустишь, прекрасная Пламена!

ПЛАМЕНА.

Вотъ сколь мнѣ тяжела случаетъ перемѣна;
 Не устаетъ мой рокъ бѣды мнѣ приключать,
 Одну промчивъ напасть, чтобъ новую начать;
 И такъ меня влечетъ чрезъ всю нещасную младость:
 Изъ радости въ печаль, а изъ печали въ радость;
 А мнѣ рокъ во всей свирѣлости сѣбѣнитъ,
 Въ послѣдней грядетъ онъ и всѣ бѣды свершитъ.

ОСТАНА.

Иль жилили небесъ на насъ ожесточали,
 Пріумножая намъ еще печаль къ печали;
 Или не прошепъ ихъ мужей плачевный гласъ,
 Которой слышился по граду въ ешотъ часъ.

ПЛАМЕНА.

А я несчастная всѣхъ болѣе теряю,
 На стѣны Кіевски въ послѣдніезираю,
 И только утренняя зари изстанетъ часъ,
 Уже повелѣно изъ града выслать насъ.
 Вошъ сколь несчастна я, и вошъ Позвѣздъ сколь вѣренъ.

ОСТАНА.

Въ любви и въ мужествѣ совѣмъ онъ безпримѣренъ;
 Сей павникъ удивишь побѣдой хочешь свѣшъ,
 Но узы онъ свои не скоро перерветъ;
 Его раскаянье твоихъ очей во власти,
 Взгляни, и въ немъ опять увидишь пламень страсти.

ПЛАМЕНА.

Льзя ль сердце каменно, Остана, умягчишь?

ОСТАНА.

Такъ силъся ты себя отъ страсти излѣчишь.

ПЛАМЕНА.

Изъ сердца выгнать страсть довольно я старалась,
 Но можно ль, чшобъ тоска мнѣ въ сердце не впералась.
 Возможно ль горести хоть мало уменьшишь,
 Не проливаши слезъ и сердца не крушишь.
 Пловецъ, къ пристанищу кошорой пришекаетъ,
 Коль вѣтръ его корабль обратно оплываетъ,
 Опчаянъ на земли спокойну жизнь имѣшь,
 Напаси новыя кошюясь претерпѣшь,
 Счисляешь, отъ него ушѣхи опдалены,
 Счисляешь, горести съ волнами соплашены.

Такъ

Такъ я несчастная слезъ шоки ошеревъ,
 И на пріятности спокойствія возрѣвъ,
 Лишь только береговъ спокойствія коснулась,
 Не вижу щастія! въ надеждѣ обманулась!
 И упованіе свое должна пресѣчь!
 Остана, можно ли слезамъ моимъ не печь?

ОСТАНА.

Позвѣздъ идетъ, скрывай мученіе сердечно.

ПЛАМЕНА.

Онъ ищетъ не меня въ чертогахъ сихъ конечно!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПЛАМЕНА, ПОЗВѢЗДЪ и ОСТАНА.

ПОЗВѢЗДЪ.

Не зналъ я въ жизнь свою часовъ скучные сихъ,
 Въ которы не видалъ пріятностей своихъ,
 И нѣтъ примѣру въ томъ, сколь время толь пріятно,
 Въ кошорое съ тобой увидѣлся обратню.

ПЛАМЕНА.

Не спрасъ мою Позвѣздъ, не пламень, не красы,
 Я смылку воображать должна въ сѣи часы.

ПОЗВѢЗДЪ.

Пришли уже часы съ тобою мнѣ разстаться;
 Но разъ они пройдутъ, и вѣкъ не возвращаясь,

Взаимны кляшвы намъ не нужно повторять :
 Послѣднихъ сихъ минутъ, любезная, не шрашь ;
 Не обличай меня напрасною виною !
 Ты можешь навсегда оспашься здѣсь со мною.

ПЛАМЕНА.

Не вняшенъ словъ твоихъ о! Князь, порядокъ весь,
 На что желаешь ты, чтобъ я оспалась здѣсь ?
 На шоль, чтобъ всякой часъ отъ грусти умирала,
 И на любовника невѣрнаго взирала ?

ПОЗВѢЗДЪ.

Достоинъ ли Позвѣздъ суровости такой ?
 Какъ свѣтъ моимъ очамъ, такъ нуженъ твой покой ;
 Разлука малая, закона переменна,
 Для постоянныхъ душъ въ любви не изменна.
 Но что ни дѣлалъ я, и гдѣ я ни бывалъ,
 Твоихъ пріятностей нигдѣ не забывалъ.
 Оставилъ я боговъ и принялъ Христіянство ;
 А въ сердцѣ сохранилъ къ Пламенѣ постоянство.
 Твои достоинства, любовь и красоту,
 Пламена, божествомъ я непремѣннымъ чшу ;
 И сколь ни суешны въ любви человеки,
 Ты въ сердцѣ у меня останешься на вѣки.
 Когда я отъ себя, драгая, убѣгалъ,
 И вмѣстѣ бышь съ тобой часы пренебрегалъ ?
 Ты душу вѣрную безвинно укоряешь.

ПЛАМЕНА.

На что меня, Позвѣздъ, на что ты увѣрляешь ?

Ты

Ты больше мнѣ шоски навелъ сѣ сего часа,
 Пускай бы скрылась я въ пещеры и лѣса,
 Пускай бы думала, что мнѣ Позвѣздѣ не вѣрей,
 Мой плачъ бы снесенъ былъ, и спонъ мой былъ умѣренъ,
 Твердя невѣрности свои по всякой часѣ,
 Мой пламень можешъ бышь, въ разлукѣ и погасѣ.

ПОЗВѢЗДЪ.

Еще осталоса послѣднее намъ средство,
 Прервавъ печаль твою, мое окончишь бѣдство,
 На радость преимънишь мученіе и спонъ:
 Оставь своихъ боговъ, и нашъ прими законъ.

ПЛАМЕНА.

Не радость мнѣ суляшъ въ законѣ вашемъ ночи,
 Лишь шолько легкой сонъ мой зацворишъ очи:
 Мечтанья страшныя приходяшъ въ мысли мнѣ
 Весь Кіевъ кажется въ смяненъ и въ огнѣ,
 Вездѣ сверкающи мечи, кровавы рѣки,
 Какъ шигры мечутся другъ къ другу человека,
 Тебя отъ глазъ моихъ густая кроешъ шма,
 Ошца лишаяся, кончая жизнь сама.

ПОЗВѢЗДЪ.

Душа печалію несносной сокрушенна,
 Пустымъ видѣніемъ бываетъ ушрашенна;
 Но дашь покой душѣ и сердцу своему,
 Теки въ обѣщанія твѣ къ Богу моему:
 Его селенія всегда спокойства полны,
 И суетвѣря неслышны шамо воды.

ПЛАМЕНА.

Не знаю, какъ почестъ мнѣ Бога твоего;
 Какой мнѣ ожидашь щедроты отъ него?
 Когда не уповалъ ты на друга бога,
 Не затворялась намъ къ супружеству дорога,
 Меня изъ города сего не высылалъ,
 Со мною вмѣстѣ бышь ты всякой часъ желалъ.

ПОЗВѢЗДЪ.

Твоими прелестными и красною павиной,
 Коль хочешь, я пойду съ тобой на край вселенной,
 Тамъ въ самой нищестѣ, въ гоненіи, въ посквѣ,
 Въ пещерахъ земляныхъ, на зноѣ, на пескѣ,
 Гонимъ родителемъ, гонимъ своей судьбою,
 Я щасливѣ буду тѣмъ, что буду я съ тобою.

ПЛАМЕНА.

Прилично ль павиницѣ такую спросить внушанье,
 Чтوبъ ей Героевъ свѣтъ, опцовъ дѣтей лишанье.
 О! Князь, любезной Князь, пришло намъ распаваться,
 Нѣтъ пользы никакой слезами обливаться,
 Не можемъ никою мы въ жалость привести,
 Все кончилось для насъ, прости, Позвѣздъ, прости!
 Мы разныхъ чшимъ боговъ, одинъ хоша смягчишься,
 Другой на зло ему на насъ вооружился;
 Пора намъ лесивую надежду оставляшь.

ПОЗВѢЗДЪ.

Слаба любовь, слаба коль можешь размышляшь,
 Но

Но что же ты начнешь, своимъ богамъ подвластна!

ПЛАМЕНА.

Умру себѣ вѣрна, гонима и несчастна.

ПОЗВѢЗДЪ.

Не мучь души моей и сердца ты не рви,
 Не возмущай, Княжна, взаимныя любви;
 Не убивай меня печальными словами,
 Не нами спраждешь ты, мы спраждемъ оба вами.
 Могу ли поперяшь, любезная, себя,
 Съ такой горячностью и вѣрностью любя,
 Тебя, копорая какой мнѣ взглядъ являетъ,
 Судьбою дней моихъ и сердцемъ управляетъ;
 Которой щастіе и славу посвяшилъ,
 Любимымъ ею бышь, лишь шѣмъ себя и льстилъ.
 Кшо царшва покоряшь назначенъ былъ судьбою,
 Къ швоимъ ногамъ, Княжна, поверженъ предъ шобою,
 Внемали жестокая мою послѣдню рѣчь;
 Оспанься ты со мной иль въ грудь вонзай мнѣ мечъ.

ПЛАМЕНА.

О! щастіе почшо ты съ нами не согласно,
 Когда взаимно мы другъ друга любимъ спрасно?
 Ты рвешся, я шпеню, любовью мы горимъ,
 Но сей горячности успѣховъ мы не зримъ.

ПОЗВѢЗДЪ (Воставъ.)

Почшожъ другъ друга мы почшо мы спознавали?

ПЛАМЕНА.

Чшобъ вѣчно мучились и слезы проливали.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЬ и СТРАЖЬ.

СТРАЖЬ.

(съ лисьмомъ къ Позвѣзду)

Отъ война сѣ письмо я получилъ,
 Просилъ, чтобъ я шебъ сей часъ его вручилъ,
 И только онъ ко мнѣ съ письмомъ своимъ явился,
 Велѣлъ шебъ ошдашь, и вскорѣ удалился.

(Ушелъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПЛАМЕНА и ПОЗВѢЗДЬ.

ПОЗВѢЗДЬ *(читаетъ лисьмо.)*

Едва луна взойдетъ и ноци придетъ часъ;
 Кровопролитіе сей городъ угрожаетъ,
 Превзыдъ на Христіянъ полки вооружаетъ;
 Спасайшеса Князья, и сохранише насъ.

(Окончавъ лисьмо:)

О преужасна вѣсть!

ПЛАМЕНА.

О! вы минушы спроги.

ПОЗВѢЗДЬ.

Вопъ сколь ошедъ швой люшъ, коль злобны ваши боги.

ПЛАМЕНА.

Сумнишельна, мой Князь, мнѣ вѣдомосшь сѣя.

ПОЗВѢЗДЬ.

Сего ли слѣдшвѣя ждала любовь моя?

В

ПАЛ

ПЛАМЕНА.

Тебя во гнѣвѣ любовь, меня въ шокку ввергаетъ.

ПОЗВѢЗДЪ.

Меня любовь къ моимъ гражданамъ возжигаетъ ;
 Влюбясь въ себя мечи и брани я забылъ,
 Но сынъ отечества и въ самой страши былъ.
 Се душу преданну любовныя забавѣ,
 Зовещъ природы гласъ къ оружію и славѣ ;
 Мнѣ шы мила и милъ покой гражданъ моихъ.

ПЛАМЕНА.

Посшой, не буди люшѣ въ намѣреняхъ шакихъ :
 За гнѣвомъ не гонясь, вы гнѣва ожидайте,
 И скоро подданныхъ, Князья, не осуждайте,
 Не шакъ, какъ звѣрь шадѣ, стремитесь шерзашъ,
 Прешупника всегда не поздно наказашъ,
 Людскія слабости шерпи и ихъ приклонишь ;
 Не обратишь шого къ себѣ, кого шы гонишь.

ПОЗВѢЗДЪ.

Ощѣвъ швой предиріалъ похишишь нашъ вѣнецъ.

ПЛАМЕНА.

Коль скоро обвиненъ нещастной мой ощѣвъ !
 Позволь съ родителемъ, позволь мнѣ изъяснишься,
 Успѣешь, ежели виновенъ онъ, казнишься ;
 Успѣешь шы любовь къ отечеству явишь,
 Успѣешь и меня, о! Князь мой, умершвишь.

ПОЗВѢЗДЪ.

Злодѣевъ собственныхъ шерпѣнемъ укрощаю,
 Но общаго сымскавъ злодѣя не прощаю.

ПЛАМЕНА.

Такъ сыщешь, можешь быть, во мнѣ врага себѣ.

ПОЗВѢЗДЪ.

Постой, еще даю свободы часъ тебѣ,
 Хошь казни праведной злодѣямъ не спастися,
 Лишь только ты склонить родителея поцнися;
 Чшо ежели онъ правъ, шо бѣ въ дружеской залогѣ
 Теперь прислалъ тебя къ Владимиру въ чертогѣ;
 Съ наперсницей своей отъ стражи нашей чшима,
 Межъ нашихъ паспырей вы будете хранимы.

ПЛАМЕНА.

На долго ль потребуешь своимъ зологомъ насъ?

ПОЗВѢЗДЪ.

Грозяща шуча намъ когда уйдешь изъ глазъ,
 Сумнѣнїя свои и страхи мы оставимъ,
 Тебя къ родителю чрезъ сушки мы представимъ.

ПЛАМЕНА.

Не только тѣмъ, но чинобъ спокойство укрѣпить,
 И кровію отца согласна искупить.
 Безъ огорченїя сей часъ предъ васъ предстану,
 И выведу себя сей жершвой изъ обману.

ПОЗВѢЗДЪ.

Княжна, прости любви къ отечеству моей.

ПЛАМЕНА.

Довольно жершвую, мой Князь, любви сей,
 Будь вѣренъ сполько ты взаимной нашей страсти.

ПОЗВѢЗДЪ.

Мной царствуетъ она, я весь у ней во власти.

В 2

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПОЗВѢЗДЪ одинъ.

Во всей моей душѣ является премѣна.
 Все здѣлашь изъ меня умѣла шы Пламена:
 Умѣла мнѣ пуши ко славѣ зашворить,
 Умѣла въ плѣнника героя прешворить;
 А бывъ шолико мнѣ въ сѣи часы опасна,
 Казалась вдвое шы очамъ моимъ прекрасна.
 Проснись, Позвѣздъ, проснись, загладь свой вины,
 Мнѣ сердце вопіетъ изъ сѣмой глубины:
 Чшо подкрѣпляешь шы намѣренье безбожно,
 Злодѣю самому чшо здѣлашь больше можно?
 Измѣна силился, престольный гибнетъ градъ,
 Ты къ прелестямъ пушилъ спаранія и взгляды,
 Прекрасный солнца лучъ отъ зрѣнія спремился,
 Померкла предо мной земля и небо шьмился;
 Но гдѣ могу искашь отъбемлемыхъ лучей,
 Окромъ дорогихъ Пламениныхъ очей?
 Безъ ней и Скипешръ мнѣ и слава бесполезна,
 И мнѣ съ опечествомъ равно она любезна.
 Я много для нея на свѣшъ семъ гублю,
 Но бѣдшвенну красу какъ душу я люблю.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЯВЛЕНІЕ І.

ПРЕВЗЫДЪ и ЕГО СООБЩНИКИ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Доколѣ темна ночь сей городѣ покрываетъ,
 И въ чувствѣ христіянѣ сны сладки проливаетъ.
 Для полученія Геройскаго вѣнца,
 Соединимъ свой и руки и сердца,
 Недашнѣмъ шеперь со мною всѣ вы равны,
 Но часъ одинъ пройдетъ и будемъ паки славны.
 Во громахъ слышится боговѣ небесныхъ гласѣ,
 Прошиву ихъ враговѣ на брань зовущей насъ:
 Велишъ къ оружію бѣжашъ, сложишъ оковы,
 Перуны ихъ по насъ поборшвовашъ гошовы;
 И каждой съ небеси вѣщаетъ намъ ударѣ:
 Опѣ новой мерзости земной очистишъ шарѣ.
 Отверзлись древнія родишельскія гробы,
 Ихъ косши вопіюшъ изъ темныя ушробы:
 Потомки слабыя, забыли вы боговѣ,
 Нашѣ прахѣ мяшешся здѣсь стопами ихъ враговѣ.
 Безсмершныя въ своемѣ шерпѣнѣѣ безпримѣрны,
 Но знать они хошашъ, и вы колико вѣрны.
 О! други, вѣдайте, что насъ сего часа,
 Къ ошмщенію зовушъ земля и небеса;

Не подлую они вамъ славу предлагаютъ,
 Которы храбрыя сердца пренебрегаютъ;
 Но съ нею соплешенъ похваляйшій уронъ,
 За что вступаемся, о! други? за Законъ,
 За похищенную опцевъ моихъ державу,
 За кровныхъ, за друзей, за нашу прежнюю славу;
 Пріятно въ подвигахъ шакихъ живощъ скончашъ,
 Еще пріятнѣе побѣды получашъ.

(Обратясь хъ Кіевлянамъ.)

Вы славны войны не робкими сердцами,
 Украшенны у насъ огняшыми вѣдями,
 И повелители опцевъ моихъ странамъ,
 По общей горести вы братья стали намъ;
 Но сохраняеше ль въ семъ дѣлѣ постоянство?

(Одинъ изъ Печенѣговъ)

Не измѣнимъ богамъ.

(Одинъ изъ Кіевлянъ)

Погибни христіанство!

ПРЕВЗЫДЪ.

Сгустилася уже надъ градомъ темна ночь,
 И время настаетъ мою спасати дочь;
 Ступайше въ разныя изъ хранинъ сихъ дорогъ,
 И приближайшеса подъ царскія чертоги,
 Туда Пламену я послалъ Князьямъ въ залогъ,
 Чтобъ лучше окончашъ дѣла начашы могъ.
 Но ушвенія въ побѣдахъ не убавишь,
 Сцарайшесь мнѣ се съ Остаюю предсшавишь.

Сѣ спараніе почтѹ въ небесный дарѢ ,
 И будешѢ явенѢ вашѢ кѢ богамѢ усердный жарѢ .
 СѢ возможной хитростью обманѢ употребише ,
 ПошомѢ колише всѢхѢ , терзайте и рубите .

В И Р С А Н Ъ .

Не должно времени давашѢ безѢ пользы печь ,
 Пора , о ! государь , мечи свои извлечь ;
 ОпѢ коихѢ помощи ждешѢ дѢлая вселенца ,
 Въ шѢхѢ кѢ чадамѢ бышѢ должна любовь запечашлѢна ;
 И слава у боговѢ и сила опшняша ,
 Но капля крови ихѢ враговѢ не пролиша .

П Р Е В З Ы Д Ъ .

Любовью сей любви кѢ богамѢ я не убавлю ,
 Чшо ХристїанамѢ дочь на муки не оставлю ;
 Довольно крови имѢ на жершву принесемѢ ,
 И гнѢвѢ ихѢ ушолимѢ , хощѢ дочь мою спасемѢ .

В И Р С А Н Ъ .

Спасати надлежишѢ Пламену оспорожно ,
 Но пущѢ она умрешѢ , когда спасти не можно .

П Р Е В З Ы Д Ъ .

ДругимѢ на шо примѢрѢ я первой покажу ,
 Для имени боговѢ о дщери не шужу .
 Когда ея , кѢ моей печали , не избавяшѢ ,
 За всѢхѢ насѢ умерешѢ , пускай ея оставяшѢ .
 На жершву принося богамѢ дѢшей ошецѢ ,
 ПрѢемлешѢ иногда безсмертїя вѢнецѢ .

О! боги, кои насъ подвигли къ брани славной,
 Подайте намъ успѣхъ, съ намѣреніемъ равной.

(Къ воинамъ.)

Вооружайшесь, ступайте, ждите насъ,
 Мы вамъ къ сраженію знакъ дадимъ чрезъ трубный
 гласъ,

И сража прешія во градъ лишь минешся,
 Рѣками лишься кровь по Кіеву начнешся.

ПЕЧЕНЬГЪ.

Сего мы шолько ждемъ.

КІЕВЛЯНИНЪ.

Разрушся городъ весь,

ВИРСАНЪ.

Пойдемъ спасать боговъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Вирсанъ останься здѣсь.

(Воины выходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕВЗЫДЪ и ВИРСАНЪ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Кипяща грудь моя мнѣ ужасъ возбѣждаетъ,
 И нѣкій Богъ извлечь мой мечъ мнѣ запрещаетъ.
 Не знаю, злоба ли моя меня спрашишь,
 Или за дочь мою мнѣ сердце говоритъ;

Боюся

Боюсь самъ себя, колеблюсь наединѣ,
 Миѣ надобны друзья, я ихъ не зналъ до нынѣ.
 Что я начну шеперь?

ВИРСАНЪ.

Даю тебѣ совѣтъ:

Коль гласъ боговъ тебя за нихъ опмищашъ зовешъ,
 Рази доколь сердца свирѣнство развраждаетъ,
 Сей бурѣ шишину медленье возвращаетъ;
 Медленіемъ въ сердцахъ погаснѣвъ злоба ихъ,
 И могутъ наконецъ простить враговъ своихъ.
 Свирѣнство множится при буншахъ и расшится,
 Когда одна глава другой во слѣдъ капишся;
 И къ челоуѣчеству теряется любовь,
 Когда ручьямъ во слѣдъ печетъ ручьями кровь.
 Опложенны часы ко брани, духъ превожатъ,
 Опасность навлекутъ, опчаянье умножатъ.
 За чемъ ты мѣшкаешь, коль громъ въ твоихъ рукахъ,
 Ударь, и загорятъ сердца въ твоихъ полкахъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Не знаю, что мои стenanья извлекаетъ,
 И жалость люшый ядъ по сердцу распускаетъ.
 Я въ жизни въ первой разъ сію вздыхаю ночь:
 О! слабости сердецъ родительскихъ, о! дочь.

ВИРСАНЪ.

Дивлюся зря тебя, мой Князь, въ такой премѣнѣ,
 Я вѣрной другъ тебѣ и сродникъ я Пламенѣ;

Примѣромъ крѣпость миѣ была всегда швоа,
 И жалости другой не зналъ на свѣтѣ я,
 Окромѣ той, когда взяша швоа держава,
 И нашихъ праошцевъ разсыпалася слава.
 Не зналъ я горешныхъ другихъ на свѣтѣ словъ,
 Опречь бѣющихся граждамъ моихъ оковъ;
 Лишь то одно меня нещастье только пронесъ,
 Коль сродникъ мой, лишася короны, въ ухахъ спонесъ,
 Коль въ жизни мило что, то миѣ не дочь мила,
 Но шлемъ, мое копье, мой мечъ, моя стрѣла;
 А пы боговъ своихъ и славу забываешь,
 И въ ухахъ будучи по дѣшяхъ унываешь.

ПРЕВЗЫДЪ.

Не уличишь меня, любезный другъ, ни чемъ,
 Кленусь богами я, кленусь моимъ мечемъ:
 Кцо первый съ Знаменемъ Христовымъ миѣ предста-
 нешь,
 Тотъ въ встрѣшитъ смерть во миѣ, и жизнь его увянетъ.

ВИРСАНЪ.

Пойдемъ доколь ясно надъ градомъ симъ луна.

ПРЕВЗЫДЪ.

Что вижу? боги, миѣ Пламена ошдана!

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕВЗЫДЪ, ПЛАМЕНА и ВИРСАНЪ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Надежду на себя вы боги подшвердили,
 Что дщерь мою отъ рукъ тиранскихъ свободили,
 Чемъ, войны, воздать услуги вамъ сіи,
 Что возвращали дочь въ объятія мои.

ПЛАМЕНА.

Не открывали мнѣ они къ тебѣ дороги,
 Щедроты Княжески, мнѣ войны и боги,
 Совѣшовашъ меня послали, и просить:
 Возставишь дружество и распри погасишь.

ПРЕВЗЫДЪ.

Изъ мыслей у тебя любовь не вылетаетъ,
 И запрещенными страстями сердце шаетъ.
 Ково бы ни просилъ, ково бѣ ни принуждалъ,
 Мнѣ камень бы отвѣтъ не такъ жестокой далъ.

ВИРСАНЪ.

Отверзишь черезъ часъ заря златыя двери,
 А ты, о! Государь, не покидаешь дщери,
 Оставь ее, оставь и къ славѣ поспѣшай.

ПРЕВЗЫДЪ.

Последнія меня утѣхи не лишай,
 О! Другъ мой, къ чадамъ ты любви не зналъ конечно,
 Я чувствую теперь волненіе сердечно.

БЪ

Въ смяшенномъ сердцѣ семъ природы слышенъ гласъ:
Объемлешь, можешь бышь, ее въ послѣдней разѣ.

ПЛАМЕНА.

Опасно для меня покоящееся море,
И буря, кажется, его взволнуешь вскорѣ,
Что значашъ таковы обѣщанія и рѣчь?
Что значашъ, Государь, твой стонъ, твой страхъ,
твой мечъ?
Я вижу тучи снѣгъ, по воздуху шумящи,
Я слышу облакъ издалекъ гремящи;
Скажите мнѣ, куда, куда идете вы?

ВИРСАНЪ.

Въ невѣрныхъ сердцѣхъ вонзашъ мечи.

ПЛАМЕНА.

Увы!

Но гдѣ же ваша честь, гдѣ кляшвы посюсторонство?

ПРЕВЗЫДЪ

(указывая на мечъ.)

Я кляшву далъ ему восташъ на христіянство.

ПЛАМЕНА.

Но прежде, нежели здѣсь будетъ кровь ихъ печь.
Вонзай въ меня, вонзай хомящей крови мечъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Вліянной отъ боговъ на казнь, ты страстью палѣешь,
Ты за любовника и жизни не жалѣешь,
А бѣдствіе мое въ глазахъ твоихъ меча,
Не жалокъ я тебѣ, какая слава!

Но

Но ахъ! что вижу я, ты носишь крестъ ширанка!

ПЛАМЕНА.

У ногъ своихъ лежишь несчастна Христїянка!

ПРЕВЗЫДЪ.

О! Новой Богъ, моихъ боговъ ты побѣдилъ!

Коль шу къ себѣ привлекъ, котору я родилъ!

Проклятая! какъ громъ въ себя не ударяешь!

Какъ пропащей себѣ земля не отворяешь?

ПЛАМЕНА.

Знаменованная и духомъ и водой,

Спокойствїе души прїобрѣшаю мздой.

ВИРСАНЪ.

Злодѣйка, ты свое спокойство прославляешь,

Когда съ родителемъ народъ свой погубляешь;

Я женскихъ слабостей въ умѣ не воображалъ,

И въ первую въ себя вонзилъ бы свой кинжалъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Чему послѣдовашъ, природѣ или закону?

Простишь . . . Но боги мнѣ просятъ ли слабость ону?

Сразу невѣрную и должность собрегу . . .

(Хочетъ ударить кинжаломъ.)

Ахъ! рукъ на кровь свою подящи не могу.

Упошреби свою, Вирсанъ, мнѣ въ помощь руку,

И смертїю ея мою окончи муку,

Клялся я Христїянъ злодѣйски умерщвляшь,

И первую во адъ мнѣ должно дочь послашь;

Я

Я казни отъ боговъ терпѣлъ на свѣтѣ многи,
Но злѣе казни сей не зналъ до нынѣ боги.

ПЛАМЕНА.

Но не должна ли я боговъ была оспавить,
Чтобъ свой народъ спасти, ошъ узъ тебя избавить,
Согласіе сердцамъ принести и миръ подати,
Вселишься въ Божей градъ, мукъ вѣчныхъ не видишь?

ВИРСАНЪ.

Злодѣйствуя она, злодѣйство прибавляетъ,

ПРЕВЗЫДЪ.

И душу самую безчестную являетъ.
Твоя взнесенна машъ по смерти въ небеса,
Рыдаешъ на себя взглянувъ сего часа,
Окровенна вся тебѣ являетъ раны,
Которы дали ей друзья свои пираны.
И предки славные, на сей взирая знакъ,

(Указавъ на крестъ.)

Гнушаются шобой и отвращающъ зракъ.
Но я не думаю, что ты рожденна нами,
И не тебя пріавъ я обвилъ пеленами;
Изъ нѣдръ своихъ извѣргъ тебя ужасной адъ,
Не сердце у тебя въ груди, змѣиной ядъ.

ВИРСАНЪ.

Боговъ разгнѣвала, отца ты огорчила,
Какую жъ пользу симъ крестомъ ты получила?

ПЛАМЕНА.

Спокойство на землѣ, на небесахъ вѣнецъ,
И швердый духъ являшь предвидя свой конецъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Кажы свой швердый духъ, умри злодѣйка люта,
Безчестнымъ лишней вѣкѣ сей жизни и минуша;
Влеку на смерть, влеку, Вирсанъ, сѣю змѣю,
И кровію ее очисти кровь мою.

Умри несыпая мученьями моими!

Забыла ты боговъ, оцѣ забыла съ ними!

О! сердце, шигровыхъ свирѣнѣе сердецъ,

Смошри въ какую скорбь поверженъ швой опецъ.

(Нѣчто сказавъ тайно Вирсану.)

Поди.

ВИРСАНЪ.

Преступница, поди, поди со мною;

Ты множишь каждый мигъ мой гнѣвъ своей виною.

На жалкія слова и на пришворну рѣчь,

Ошвѣществовать тебѣ сей острый будетъ мечъ.

ПЛАМЕНА ПРЕВЗЫДУ.

Въ послѣдній разъ швои я руки лобызаю!

ПРЕВЗЫДЪ.

Цѣлуй, что мечъ въ себя не ими я вонзаю.

ПЛАМЕНА.

Любезный мой опецъ!

ПРЕВЗЫДЪ.

Нѣтъ жалости къ тебѣ,

ПЛАМЕНА.

Жалѣй не обо мнѣ, жалѣй ты о себѣ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ІV.

ПРЕВЗЫДЪ *однѣ.*

Простите боги мнѣ, что слѣзы проливаю,
 Я ими шажкой грѣхъ дочернинъ омываю;
 Она была въ моей печали мнѣ нужна,
 Но измѣнила вамъ и умереть должна.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕВЗЫДЪ и ОСТАНА.

ОСТАНА.

Я видѣла шеперь Княжну опсель влеченну,
 Твердящу во слезахъ Позвѣзда, огорченну;
 Мнѣ слѣдовашъ за ней Вирсанъ пуши пресѣкъ.
 Невинну агницу куда сей шигрѣ повлекъ?

ПРЕВЗЫДЪ.

Принять досшойну мзду за шо непостоянство,
 Кому въ развратну мысль вперился Христїянство.

ОСТАНА.

Предчувствую, что ей оставишь будетъ свѣтъ,
 Въ прїяшной младости ссѣчется красный цвѣтъ.
 Любезная Княжна, Позвѣздъ, Позвѣздъ нещасной.

ПРЕВЗЫДЪ.

Послѣдуетъ за ней ея любовникъ страшной,
 Который соврацашъ привыкъ съ прямымъ пушей,
 Для прихошей своцхъ несмысленныхъ дѣшей.

Соседи-

Соединенныя на свѣшѣ семѣ любовью,
Соединяшся пусть во адѣ, мерзкой кровью.

ОСТАНА.

О! Боже праведный, невинность защищай!
Опасность ихъ своимъ рабамъ съ небесъ вѣщай.

ПРЕВЗЫДЪ.

Пришелъ опмщенья часъ, ужъ небо спало рдѣться,
Пойдемъ; но что за шумъ въ чершюгахъ раздаешся?

ОСТАНА.

Увы! по, можешъ бышь, Пламенинѣ смершной спонѣ.
Тиранѣ, казни меня за шопѣ же шы законѣ;
Пускай мы жершвуемъ швоей единой злобѣ,
Знай, приняли съ Княжной крещеніе мы обѣ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Еще одинѣ ударѣ. Смушился духъ мой весь!
Посшой! . . . Поди за мной! . . . иль нѣшѣ, оспанься
здѣсь,

Умри прокляшая! . . . мои шрепещутѣ ноги!
Темнѣшѣ все въ глазахъ

ЯВЛЕНІЕ VI.

*(Когда Превзыдѣ говоритъ послѣдніе слова,
стиха, театрѣ налложяется войнами,
Превзыдѣ обезоруживаешся и говоритъ.)*

Гдѣ я? . . . Погибѣ я, боги!

ПРИХОДИТЪ МСТИСЛАВЪ СЪ ПОЗВѢЗДОМЪ.

МСТИСЛАВЪ.

Изрядными себя дѣлами шы прославилѣ,
Для сихъ ли шы злодѣйствѣ закона не ошавилѣ?

Г

Для

Для сей ли честности любовь къ богамъ хранилъ?
 Что умыслы на насъ разбойничьи чинилъ,
 И шѣ ли милости они тебѣ являющъ,
 Что кровь невинну лишь ширански позволяющъ?
 Возставилъ дружество въ залогъ привелъ намъ дочь,
 Кровавую для насъ угошоваля ночь;
 Но злоба въ слабыя сердца ихъ вдохновенна,
 Твоихъ сообщниковѣ устами опкровенна;
 Ошкрылся швой подлогъ, разсѣянъ злой совѣшъ.
 Раскаялися всѣ; ты каишся ли? . . .

ПРЕВЗЫДЪ.

Нѣтъ!

А васъ приводишъ ли въ раскаянье ширанство,
 Что данной мной залогъ склонили въ Христїянство.
 Не обличаюся я совѣснїю въ шомъ,
 Что я пригошовалялъ прошиву грома громъ;
 Въ злодѣйствахъ были вы со мною оба равны,
 Я къ славѣ укоснѣлъ, такъ вы и стали славны.

ПОЗВѢЗДЪ.

Не разжигали мы сердецъ къ смятенью въ ночь,
 Не привлекалъ никто швою къ закону дочь,
 Но въ мысляхъ у нее любовь къ нему живуща,
 И къ Богу всякой часъ невидимо влекуща,
 Разбили мракъ ее и къ свѣшу привели;
 Нужные солища онъ живущимъ на земли.
 Не сѣшовать на насъ, благодарить обязанъ,
 Что дщерь спасли ошъ узъ, кошорыми ты связанъ.

Но

Но ты, Остана, здѣсь, ты здѣсь и гдѣ Княжна?

ОСТАНА.

Ужъ поздно въ мысль твою она изображена.

Успѣла я ее съ Вирсаномъ шедшу встрѣшить,

И послѣ не могла пусти ея примѣшить.

ПОЗВѢЗДЪ.

Ся ужасна вѣспѣ какъ громъ меня разитъ!

Гдѣ дѣлася Княжна, ты вѣдаешь, Превзыдъ?

ПРЕВЗЫДЪ.

Се плодъ любви твоей, ширанства и обмана:

Преобрашили вы родителя въ ширана,

Въ злодѣйство прежнюю мою къ себѣ пріязнь;

А ей вы навели мученіе и казнь.

ПОЗВѢЗДЪ.

Не понимаю словъ, скажи ты мнѣ яснѣе!

ПРЕВЗЫДЪ.

Когда бы ты, злодѣй, любилъ ее спраснѣе,

И христіанствомъ въ ней души не расправлялъ,

Не мучился бы я, и дочь не умерщвлялъ.

ПОЗВѢЗДЪ.

И дочь не умерщвлялъ! О! лютой мой мучитель!

Ахъ! иѣтъ, Пламенъ ты злодѣй, а не родитель.

Возможноль мнѣ мою любезну мершву зрѣшь!

Теку спасать ее, иль съ нею умереть.

(Уходитъ съ театр.)

ПРЕВЗЫДЪ.

Довольно я шеперь имѣю утѣшенья,

Что половина вамъ учинена ошмденья,

Что за обманъ своихъ злодѣевъ накажу:
Она прѣмлепѣ казнь! Я больше не скажу.

МСТИСЛАВЪ.

Ты скажешь, извлеку я шайны всѣ наружу,
И муками себя къ признанію принужу.

ПРЕВЗЫДЪ.

Бесчестно принимаешь уставы отъ враговъ.
Не вашъ мнѣ вняшенъ гласъ, мнѣ вняшенъ гласъ боговъ;
Они небесною трубою мнѣ вѣщающъ,
Что мнѣ дочернее убивство опшущающъ.
Узнашь о казни сей во вѣкъ себя не льспи,
Вынъ сердце твое и постояннымъ чти.
Я дочери лишенъ, державы не имѣю,
Боговъ не вижу здѣсь и жизни не жалѣю.

ОСТАНА.

Почто продлилася до сихъ часовъ она,
Но можешь быть, уже кончаешься Княжна!

МСТИСЛАВЪ.

Пойдемъ, я брашницей любви во всемъ радѣя,
Мученьемъ извлеку всю шайну изъ злодѣя.

ОСТАНА.

О! горестная часъ, но все онѣ ей ошецъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Доволенъ рвеніемъ злодѣйскихъ я сердецъ.

(ушла.)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОСТАНА, пошѣмъ позвѣздѣ.

(съ обнаженнымъ мечемъ)

ОСТАНА.

Гдѣ намъ искашь, мой, князь Пламену!

ПОЗВѢЗДѢ.

Нѣшъ Пламены!

Трепещетъ грудь моя, мои хладѣющъ члены.

Все множитъ ужасъ мой! О небо можешъ быти!

Никто ужъ ей шеперь не можешъ пособитъ!

Пойдемъ. Миѣ къ ней пуши сей оспрый мечъ покажетъ,

Гдѣ встрѣшишя Вирсанъ, подѣ нимъ о ней миѣ

скажетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЪ и ПЛАМЕНА. *(За театромъ)*

Постой, Вирсанъ, постой;

ПОЗВѢЗДѢ. *(остановясь)*

Пламенинъ слышу гласъ.

ВИРСАНЪ.

(выходя на театрѣ)

Не отложу часа.

ПОЗВѢЗДѢ.

(бросается къ Вирсану)

Умри, злодѣй, сей часъ.

Г 3

П Д А.

ПЛАМЕНА.

(въ то же время бросаюсь между ними)

Что дѣлалась, мой князь!

ПОЗВѢЗДЪ.

Злодѣя наказашь,

И сколь ты мнѣ мила, хочу я доказашь.

ПЛАМЕНА.

Я знаю, что меня, мой князь, нелестно любишь,
Но будешь ты жалѣшь, когда ево погубишь;
Онѣ прежнюю вражду на дружбу премѣнилъ,
Онѣ мой задишникѣ сталъ и жизнь мнѣ сохранилъ.

ПОЗВѢЗДЪ.

Прости, Вирсанѣ, моей любви къ княжнѣ безмѣрной,
И будь отнынѣ мнѣ и братѣ и другѣ мой вѣрной.
Любезная княжна! лишился тебя,
Я въ горести моей не чувствовалъ себя.
И былъ бы швой ошецѣ отъ казни неизбѣженѣ;
Но безопасналь ты, еще я не надеженѣ.

ВИРСАНЪ.

Лишь Христїянку въ ней ошецѣ ея призналъ,
Хотя подѣ кляшею въ свирѣпствѣ приказалъ:
Замучишь мнѣ ее, и сердце взялъ изъ мершвой,
Принесшь его богамѣ предѣ олшарями жершвой.
Я велѣ ее шуда и яросшь собиралъ;
Но зрѣнїе свое незапно потерялъ,

И шелъ не зналъ куда, въ невѣдомыя дорѣги:
 Нечаянно пришелъ съ Пламенной въ шѣ чертоги,
 Гдѣ ваши пасыри въ слезахъ молишвы лютѣ,
 И Богу похвалы въ смиреніи поютъ.
 Вскипѣла кровь моя незнаемымъ смятеньемъ,
 Я клику Христіянъ исполнися почтеньемъ.
 Внутрь храмины вошедъ я слезы лилъ рѣкой,
 Послыша въ первой разъ въ душѣ своей покой.
 И мнилось Ангели Христа мнѣ возвѣщали,
 Крещеньемъ просвѣщши меня, мнѣ обѣщали.
 Свѣщилъ я умыслъ вамъ Превзѣдовъ обѣщавъ,
 Но горести швоей невѣсны обновивъ;
 Услышали, что страхъ удача потушила,
 Что взявъ ея ошецъ; она сюда свѣщила.

П О З В Ѣ З Д Ъ.

Достойну примешъ мзду за злобу онѣ свою.

П Л А М Е Н А.

Иль не жаль тебѣ воспашъ на кровь мою!
 На толь тебя люблю, на толь я христіанка,
 Что здѣлаюсь ошцу злодѣйка и шيرانка;
 Когда отъ бѣдствія сво я не спасу,
 Ты мечъ въ него вонзишь, я руку вознесу.

П О З В Ѣ З Д Ъ.

О преступленіяхъ его уже не помню,
 Хоша онѣ мнѣ злодѣй, но что велишь исполню.

П Л А М Е Н А.

Чтобъ въ сихъ стѣнахъ, гдѣ онѣ Пламену возростилъ,
 Гдѣ проклялъ дочь свою, въ послѣдокъ и простилъ,

Чтобъ сердца моего увидя постоянство,
Почувствовалъ и самъ, сколь свято христіанство.

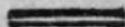
ПОЗВѢЗДЪ.

Пойду успѣхъ своимъ желаньямъ обрѣсти.

ВИРСАНЪ.

О! небо, возсіяй въ немъ свѣтъ произвеси.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

МСТИСЛАВЪ и ПРЕЗЫДЪ.

МСТИСЛАВЪ.

Ни совѣсть, ни боязнь себя не уличаетъ,
 И каменную грудь ничто не умягчаетъ.
 Отъземлешь жалости упрямствами у насъ:
 Пришелъ уже тебѣ послѣдней въ жизни часъ,
 И славу ты свою и жизнь свою теряешь;
 Изъ казней и вѣща ты казни избираешь.
 Отъ царства своего ты отвращаешь взглядъ,
 Съ престола временна низходишь вѣчно въ адъ;
 А мы, горя къ тебѣ еѣ любви чистосердечной,
 Даемъ престолъ тебѣ и здѣсь и въ небѣ вѣчной;
 Мы отворяемъ свѣтъ слѣпой швоей душѣ;
 Но я бесѣдую, Презыдъ, съ тобой вошце:
 Въ глазахъ твоихъ моимъ глазамъ изображенна,
 Душа любовію къ твоимъ богамъ ражженна.

ПРЕЗЫДЪ.

Ражженна сердца къ нимъ во вѣкъ не пошушу,
 Отъземли жизнь мою, о томъ лишь я прошу.
 Тиранъ! Влечешь меня ты къ новому обѣщу,
 Чтобъ небу я солгалъ, себѣ и вамъ и свѣщу.

Коль вамъ я покорюсь, боговъ пренебрегу;
 Коль вамъ не спану мстишь, то совѣсти солгу.
 И что во градѣ семъ мой умъ ни воображаетъ,
 То все проливъ тебя меня вооружаетъ.
 Причины многія мнѣ вамъ злодѣемъ быть,
 Не знаю ни одной, за что бы васъ любилъ.

МСТИСЛАВЪ.

За то хотя люби, что ты исполненъ ядомъ,
 Толики прбнасти изрылъ подъ нашимъ градомъ,
 И наше дружество на вѣкъ отринувъ прочь,
 Въ родствѣ съ Владимиромъ свою увидишь дочь.

ПРЕВЗЫДЪ.

Она жива еще! О! праведные боги;
 Одна досада мнѣ родитъ досады многи.

МСТИСЛАВЪ.

Жива еще, и живъ наперсникъ швой Вирсанъ,
 Которому шбой приказъ шранской данъ,
 Дающу смерть Княжиъ законъ ему открылся:
 Онъ свѣта въ немъ искашь въ пещеры зашворился;
 Изчезли баснями вперенныя мечны,
 Всѣ вырвались изъ нихъ, одинъ остался ты.

ПРЕВЗЫДЪ.

Что ты ни говоришь, что мнѣ ни открываешь,
 По части у меня ошъ сѣрда отрываешь.
 Когда имѣлъ ко мнѣ какую ты пріязнь,
 Не мучь мя всякой часъ, и дай послѣдню казнь.

МСТИ-

МСТИСЛАВЪ.

Объятый пьмою духъ не можетъ просвѣшиться!
 Но хочешь дочь свою еще съ тобой преснишься;
 Природа дѣйствуетъ всегда въ ея крови,
 Она къ тебѣ еще исполнена любви.

ПРЕВЗЫДЪ.

Предстаешь передо мной я ей не позволяю,
 И злосць любовію ея усугубляю.
 Преспань меня, ширань, на подлоспи склоняшь;
 Нѣтъ дщи у меня, мнѣ нѣкого приняшь.
 Казни меня скорѣй, покажешь справедливость!
 Все можешь предирѣять моя нешернѣливость.
 Благодари богамъ, что я лишенъ меча,
 И смертію моею ищи себѣ врача.

МСТИСЛАВЪ.

Кто мецетъ громъ съ небесъ и бури укрождаетъ,
 Кто движетъ Океанъ и вѣтрамъ запрещаетъ,
 Тотъ варварски сердца кипяція предъ нимъ,
 Коль хочешь, усмиритъ дыханіемъ однимъ.
 Не спрашны мнѣ твои угрозы и ошебшы,
 Прими отъ дочери послѣдніе совѣшы.
 Ни въ чемъ я не могу Пламенъ ошказашъ,
 Но ты умрешь по томъ, я долженъ то сказашъ!

ПРЕВЗЫДЪ.

Коль нѣтъ убѣжища инаго мнѣ изъ свѣта,
 Пускай, скорей придетъ ко мнѣ убійца ста.

МСТИСЛАВЪ.

Ну, мнѣ уже шеперь не лзя тебя спасти,
 Прости, о! гордый врагъ, въ послѣдній разъ прости.
 Дай, небо, чшобъ тебѣ Пламена свѣшъ открыла.

ПРЕВЗЫДЪ.

Чшобъ ничего она о томъ не говорила.

МСТИСЛАВЪ.

Съ печальной мыслію ошселъ ошхожу,
 И о погибели души швоей шужу.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕВЗЫДЪ *одинъ*.

Ты чаешь жизнь мою ошншь безчеловѣчно,
 Но шастіе даешь и жишѣ мнѣ вѣчно;
 За бѣдства, коихъ здѣсь я много перенесъ,
 Могу ль ошчаяшся я жишельства небесъ.
 Среди горящихъ звѣздъ бесѣдуя съ богами,
 Увижу скипетры и шроны подъ ногами.
 Земной увижу кругъ, лишенной шишины,
 Мучишельства на немъ, злодѣйства и войны;
 Поверженныхъ Царей увижу на колѣни;
 Ихъ славу гбнуду, какъ облачныя шѣни.
 И подлой лешю ошравлены сердца,
 Тѣсняшися кругомъ фортуны и вѣнца.
 Съ охотой, варвары, съ охотой умираю,
 Боговъ, друзей, дочь, шронъ, я вами все шераю,
 Несносно спало мнѣ злодѣевъ шастье зрѣшь;
 Несносно бѣдствовашь, и должно умереть.

И дочь и другъ меня гонима оставляютъ,
Свилася дѣбъ змѣи и сердце уязвляютъ;
Колеблюсь какъ корабль безъ всякихъ оборонъ:
И бури на меня ревушъ со всѣхъ споронъ.
Спенящу въ ухахъ сихъ среди злодѣйска града,
Убѣжище мнѣ смерть, и смерть моя опрада:
Она опъ глазъ моихъ отнимешъ гнусной свѣшъ,
Гдѣ правды не видашь, лукавство гдѣ живешъ,
Гдѣ наглость бодрствувешъ и гдѣ премудрость дрем-
лешъ,
Гдѣ царствувешъ порокъ и шаръ земной обѣмлешъ;
Гдѣ честный спранствувешъ, ликуешъ гдѣ злодѣй,
Прибышокъ собственной другъ первой у людей.
Рабы, начальники, главы Самодержавны,
Природою своей и бѣдствіями равны.
Печали равныя вамъ рокъ жестокой далъ,
И нѣшъ ни одного, кшобъ въ свѣшъ не спрадалъ.
Недавно было шо, о! люшой рокъ, недавно,
Чшо я народами владычествовалъ славно;
И смершныхъ пысяци живуци на землѣ,
Проспершы предо мной, меня какъ бога чли!
Вельможи пышныя, ближайшія мнѣ други,
Клялися кровь пролишь въ угодность и въ услуги;
А нынѣ, цѣлой свѣшъ во кругъ меня молчишъ,
Лишь спонъ мой слышишся и цѣпъ сія звучишъ,
Въ шемницу заключенъ, увы! какъ подлой плѣнникъ,
И на площадь ведусъ казнишься, какъ измѣнникъ!

О! солнце, на меня бросающе лучи,
Сіяніе свое, скоряе помрачи;
Ошверзи къ вѣчности, ошверзи мрачны двери!
Не дай увидѣшь мнѣ моей злодѣйки дщери.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕВЗЫДЪ и ПЛАМЕНА.

ПЛАМЕНА.

(вдали)

Плачевный видѣ очамѣ, о! горька часть моя,
Въ оковахѣ мой ошедѣ, увы! что вижу я?

ПРЕВЗЫДЪ.

Исполнилось швое желаніе, ширанка,
Я смерть приму, а ты жива и Христїанка.
Насышь моей шоской, насышь свой злобной духѣ,
И усладдай моимѣ шенаньемѣ звѣрской слухѣ!

ПЛАМЕНА.

Взгляни на грусть мою, на муки прежешоки,
На страхѣ! на рвеніе! на скорбѣ! на слезны шоки!
Узнаешь каковѣ мнѣ стала жизнь мила,
И насыщашься ли шоской швоей пришла.

ПРЕВЗЫДЪ.

Пришешвїемѣ своимѣ ты смерть мнѣ возвѣщаешь,
И мечъ къ моей главѣ, злодѣйка, приближаешь;
Пронзаетѣ грудь мою, какѣ молнїя, швой взглядѣ,
И ласковы словѣ вливаютѣ въ сердце ядѣ!

Оспавѣ

Оставь меня, не множь моей при смерти муки.

ПЛАМЕНА.

Вложи пы на меня дрожащи въ ухахъ руки,

Послѣдней милоспи нещастну не лиши,

И душу клятвами смущенну разрѣши.

Не легче я швоихъ ношу на ней оковы,

Миѣ мука вѣчная, закланія опцовы.

ПРЕВЗЫДЪ.

Закланія мои въ пущы спавь мечшы;

Когда забышь боговъ не уболаась пы.

ПЛАМЕНА.

Нашла я сущаго Создателя неложно,

Но ахъ! другова миѣ опца найши не можно.

Не опнимай его на вѣки у меня,

И съ нимѣ не погублай нещастну дочь клеия;

Но пользуйся, увы! послѣднею минушой,

Спаси себя, спаси, спаси отъ смерти люшой,

И сирюю меня на свѣшѣ не покинь:

Влекущей въ вѣчну шьму шебя, законѣ опринь.

Я видѣла ужѣ мечи и мѣсто логно,

Гдѣ сходилися народѣ, швой вѣкѣ окончишь злобно.

Увы! родишель мой.

ПРЕВЗЫДЪ.

Туда я и спѣшу,

И при концѣ шебя отъ кляшвы разрѣшу:

Да будешѣ жизнь швоя, какѣ смерть моя ужасна,

Да вѣчно мучишся Позвѣдомѣ шщешно спрасна;

Чшобѣ

Чшобѣ кровь, которую безвинно я пролью,
 Влѣялася кипя еѣ невѣрну грудь шгою.
 Раскаянъемѣ шебѣ ошцову смершь ошмѣала,
 Прокляшїя мои и день и ночь вѣщала,
 Чшобѣ смершь моя была началомѣ бѣдѣ твоихѣ,
 И зрѣла мершву шѣнь мою между живыхѣ.

ПЛАМЕНА.

Терзаюся и шакѣ довольно, мой родитель,
 Миѣ бѣдной, будь отецѣ, не буди миѣ мучитель.

ПРЕВЗЫДЪ.

Злодѣйка, удались.

ПЛАМЕНА.

Никшо не воображалѣ,

Чшобѣ шы на казнь . . .

ПРЕВЗЫДЪ.

(Увидя кинжалѣ у Пламены.)

Посшой, я зрю кинжалѣ!

ПЛАМЕНА.

На что шебѣ, на что?

ПРЕВЗЫДЪ.

Пламена будь еѣ надеждѣ,

Чшо можешь дочерью моею быть, какѣ прежде.

ПЛАМЕНА.

Чшо здѣлашь миѣ велишь?

ПРЕВЗЫДЪ.

Мой рокѣ вообрази,

Кинжалѣ свой извлеки и еѣ грудь мою вонзи!

ПЛА-

ПЛАМЕНА.

Какое страшное желанье, мой родитель!
 Нѣтъ, въ свѣтъ не бывалъ еще такой мучитель,
 Кшобъ еѣ чадахъ собственныхъ желалъ имѣшь убійцѣ.
 Ахъ! развѣ шигрѣ такихъ раждаетъ кровопійцѣ.

ПРЕВЗЫДЪ.

А ты не развѣ была убійцей мнѣ, ширанка!
 Влюбилась во врага и спала Христіянка;
 Не еѣ прекращеньѣ дней убійство только ешь!
 Но шожѣ убивашъ, опняшь покой и честь,
 Ты всякой день меня душевно уязвляешь,
 И развѣ вонзишь еѣ меня кинжала не желаешь.
 Пронзай мнѣ грудь.

ПЛАМЕНА.

Кшо кровь родительску прольешь:
 На небо кровь сѣя ошмщенье вопіешь.

ПРЕВЗЫДЪ.

Не избѣгушъ и шѣ гоненія небесна,
 Когда родителя ссѣкаетъ смерть безчесна;
 А дѣши могушъ ихъ спасти, и не хошяшъ.
 Рази меня, и всѣ вину твою простяшъ.

ПЛАМЕНА.

Нѣтъ! рукъ своихъ еѣ крови ошцовой не омою.

ПРЕВЗЫДЪ.

Подай кинжалъ! свой вѣкъ ссѣку своей рукою.

ПЛАМЕНА.

О! вѣрварской примѣрѣ дочернѣя любви;
 Получишь ты его омышъ еѣ моей крови.

Д

ПРЕ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Тогда моя душа съ своею согласишся,
 И кровь опеческа съ дочерней сѣдинишся;
 Другъ друга пораза, обнимемся, падемъ,
 И въ жалость мы враговъ и въ зависть приведемъ.
 Твоя рука дрожишь, шебъ безчестье нравно;
 Ты подлу жизнь свою боишься кончишь славно.

ПЛАМЕНА.

О! Небо, не присти ми въ грѣхъ грѣха сего.

ПРЕВЗЫДЪ.

Не мучь меня, и дай кинжалъ.

ПЛАМЕНА.

(Намѣрясь заколоться.)

Возьми его.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОЗВѢЗДЪ, ПРЕВЗЫДЪ, и ПЛАМЕНА.

ПОЗВѢЗДЪ.

(вырвавъ кинжалъ.)

Рази, меня рази сперва своимъ кинжаломъ,
 И послѣ умирай безчестной смерти жаломъ.

ПРЕВЗЫДЪ.

Или завидуешь и въ нашей смерти намъ?
 Ты съ нею ми пуши пресѣкъ ко всѣмъ странамъ;
 Куда глаза свои, куда мы ни возводимъ,
 Мы въ ней убѣжище послѣднее находимъ.

П О З В Ъ З Д Ъ .

Кому достойно смерть приняши надлежишь,
 Нигдѣ меча ее нигдѣ не убѣжишь;
 И надѣ главой швоей коса ее сверкаетъ,
 Умрешь, коль мысль швоя боговъ не опровергаетъ.

П Р Е В З Ы Д Ъ .

Тиранѣ, не думай ты, Превзыда испреба,
 Чшо Фуріи шерзатъ преснанушь и тебѣ;
 Та вредная краса, чѣмѣ взорѣ швой выиѣ льстннтся,
 Тебѣ змѣей, какѣ мнѣ, и ядомѣ обратишся.

П Л А М Е Н А .

О! Боже, мысль его и сердце просвѣщи,
 И кляшвы опѣ меня далеко опвраши.

П О З В Ъ З Д Ъ .

Всѣ ближнїя швои прїемлюшь нашу вѣру.

П Р Е В З Ы Д Ъ .

Но вамѣ не произвешъ во мнѣ сїю химеру.
 Тѣмѣ паче будешъ мнѣ перунѣ мой милосердѣ,
 Чшо я кѣ моимѣ богамѣ единѣ пребуду швердѣ;
 А вы, которыя ихѣ лики здѣсь разшибли,
 Чшобѣ люшой казнїю повсеминушно гибли,
 Чшобѣ зрѣли здѣсь ошцы, вѣ сынахѣ своихѣ враговѣ,
 За шо, чшо правду вы изгнали и боговѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЪ и ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ съ *другими.*

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Мстиславъ черезъ меня указъ свой объявляетъ :
 Когда Превзыдъ себя въ упрямышѣ углубляетъ ,
 То больше продолжатъ не можешъ онъ пріязнь,
 И требуешъ его къ себѣ на судъ и казнь.
 Не можешъ удержишь молвы народа ждуща ,
 На смерть всеобщаго злодѣя вопіюща.
 Когда онъ другъ богамъ , на смерть его веду.

ПРЕВЗЫДЪ.

Я другъ имъ, вамъ я врагъ, и смерть приняшь иду.

ПЛАМЕНА.

Поспой, родитель мой... о! Князь... о! дочь несчастна.
 Прости...

ПРЕВЗЫДЪ.

Ты больше мнѣ, чѣмъ смерть сама, ужасна.
 (ушел.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПОЗВѢЗДЪ и ПЛАМЕНА *лачуща.*

ПОЗВѢЗДЪ.

Что пользы намъ въ слезахъ, коль силы нѣшъ помбчъ!

ПЛАМЕНА.

Увы! казня ошца, любишь не думай дочь.

Иль

Иль впрямъ ты думаешь, что я такая львица,
 Чшобъ милъ остался мнѣ родительской убійца;
 Чшобъ цѣлой свѣшъ ко мнѣ презрѣнїе имѣлъ,
 И мой порокъ по всей вселенной загремѣлъ.
 Не мни, что я на то закономъ просвѣщалась,
 Чшобъ я отечесствомъ и родомъ возгнушалась.
 Тобой мы лишены державы и вѣнца,
 Лишася мащери, лишася опца.
 Враговъ своихъ любить Евангеліе училъ,
 А вы казните ихъ и совѣсть васъ не мучилъ.

П О З В Ъ З Д Ъ .

Сколь мало я шобой, сколь мало я любимъ,
 Я щастіе швое чшу щастіемъ своимъ.
 Забвенны войски мной, меня не видятъ други,
 Всѣхъ жертвую шобѣ, и малы шѣ услуги.
 Раздоры въ градъ семъ мяшежъ и бунтъ чиня,
 Не высланъ швой ошецъ опселъ для меня;
 А ты суровой мнѣ шакон опвѣшъ сказала.

П Л А М Е Н А .

Любовь опъ варваршва не рѣдко исчезала.
 Ты будучи мнѣ милъ и сердце полоня,
 Не учини своей злодѣйкою меня.
 Твои свирѣлости меня къ свирѣпшву нудятъ,
 Владѣтели на казнъ владѣтелей не судятъ.
 За что щипаше вы подданными насъ?
 Мы жили въ пишинѣ, не вѣдая о васъ.
 За чемъ оставили, за чемъ Днепровы брѣги,
 Прешли вершины горъ, лѣса, глубоки снѣги?

За шѣмѣ ли, чтобѣ на насѣ поднять кровавой мечъ,
 И древней Царской родѣ безчестно вѣ плѣнѣ повлечь.
 Не виненѣ мой опецѣ, когда и вы суровы,
 Что збросишь онѣ хощѣлѣ невольничьи оковы;
 Свобода всякому на свѣшѣ дорогѣ;
 А я несчастная, любя его врага,
 Передѣ любовникомѣ безѣ пользы рвусѣ и плачу,
 Когда черезѣ него отца вторично шрачу.

ПОЗВѢЗДЪ.

Вступааясь за враговѣ всеобщихѣ для себя,
 Врагомѣ опечесшва я дѣлаю себя.

ПЛАМЕНА.

Инѣ другомѣ я себя опечесшву оставлю,
 И рода швоего ни чемѣ не обезславлю.
 Вѣ шоскѣ и вѣ горести мой вѣкѣ лешѣлѣ поднесѣ,
 Вѣ дни младости моей чшо дѣлаю я здѣсь?
 То гиѣвѣ родишельской на васѣ я умоляю;
 То васѣ кѣ родишелю на жалость умоляю;
 Но, ахѣ! несчастная, куда ни пришеку,
 Со всѣхѣ сторонѣ себѣ презрѣнѣ навлеку;
 Какѣ будшо зданѣ, подпорѣ своихѣ лишенио,
 Такѣ шасшѣ мое разсыпалосѣ мгновенно;
 И спало вѣкому слезѣ горькихѣ оперешѣ.
 Пойду вѣ шоскѣ рыдашѣ и вѣ грусти умерешѣ.

ПОЗВѢЗДЪ.

О! слѣзы вѣжныя, шакое ваше свойство:
 Преобрашашѣ вѣ игру и славу и геройшво,

Подвластнымъ вамъ сердцамъ законы подавашь,
И нудишь иногда свой долгъ позабывашь;
Желаю шоки слезъ твоихъ, Княжна, ошерши,
Но ужасаюся спасши отца отъ смерти.

ПЛАМЕНА.

Не можно ничего шеперь мнѣ представлять,
Но шолько долгъ великъ отца мнѣ избавлять:
Коль любишь ты, его увидѣшь я въ надеждѣ,
Но на себя взглянуть не соглашуся прежде.

ПОЗВѢЗДЪ.

Утѣха и шоска, мнѣ швой прелестной взглядѣ.

ПЛАМЕНА.

Поди, мнѣ слышишся, что весь мяшется градѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПОЗВѢЗДЪ *одинъ.*

Заразы новыя ты въ грудь мою кидаешь,
И къ новымъ слабостямъ Позвѣзда принуждаешь.
Кшо думалъ, что придуть когда такіе дни,
Что сердце любяще сраженія одни,
Не знающей другихъ утѣхъ, другой науки,
Опречь колы и стрѣлъ, и слушать трубны звуки,
Привыкшей вкругъ себя шекущу видѣшь кровь,
Съ такой горячностью почувствуешь любовь!
Оружіе для ней и славу покидаю,
Злодѣевъ побѣда, любви не побѣждаю.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЗВѢЗДЪ и ПЛАМЕНА.

ПЛАМЕНА.

Повсюду слышенъ вопль! смященіе въ полкахъ!
Ты весь вооруженъ! печаль въ швоихъ очахъ!
Какая здѣлалась на сихъ часахъ премѣна?

ПОЗВѢЗДЪ.

О! коль несчастны мы, любезная Пламена!

ПЛАМЕНА.

Какой намъ рокъ грозить?

ПОЗВѢЗДЪ.

Жестокой швой ошецъ!

Онъ хочешъ возвращишь измѣной свой вѣнецъ,
И славу и законъ и честь пренебрегаешъ,
Ужасную войну въ народѣ возжигаешъ.

ПЛАМЕНА.

Коль я мила тебѣ, смущенье отложи,
Что здѣлалъ мой ошецъ, что здѣлалъ онъ, скажи!

ПОЗВѢЗДЪ.

Когда спѣшишь къ суду меня ты убѣждала,
Гдѣ милость, а не казнь Превзыда ожидала,
Туда пришелъ. Но шамъ несчастна не видавъ,
Смущался духомъ я, его напрасно ждавъ;

И вдругъ услышали за градскою стѣною,
 Обыкновенной шумъ и крикъ передъ войною;
 Тогда взбѣжали мы на верьхъ высокихъ горъ;
 Покрышы воинствомъ поля представилъ взоръ.
 Перуновы полки въ оружїи стоящи,
 Мы спрѣлы видѣли ошъ нихъ къ стѣнамъ лещащи.
 Передъ колеблемыхъ сумнѣнїями насъ,
 Раскаяся предсталъ одинъ злодѣй сей часъ.
 Сказалъ, что на пуши Превыда оступили,
 Язычески жрецы, и спражу подкупили,
 Что съ ними онъ за градъ спремился убѣжашъ,
 Единомышленныхъ на брань вооружашъ,
 И яростью своей вдыхая имъ пиранство,
 Какъ буря сильная воссталъ на Христїянство.

ПЛАМЕНА.

Прошли теперь мои ужасныя мечы;
 Ощецъ мой свободенъ, что хочешь, дѣлай ты.

ПОЗВѢЗДЪ.

Мспиславъ со множествомъ полковъ за стѣны вышелъ.
 Я шучи видѣлъ спрѣлъ и сѣчу рашну слышелъ.
 Весь Кїевъ, кажется на трубный гласъ течешъ;
 И честь меня шуда и мой законъ влечешъ.

ПЛАМЕНА.

О! честь, о! ложна честь, земнаго язва круга,
 Спокойствїя лишашъ и убивашъ другъ друга.
 Не удержу себя и славы не лишу,
 Но о позволенномъ себя, мой Князь, прошу:

Герой побѣдою доволенъ пребываетъ,
 Коль врагъ его сраженъ, онъ злобу забываетъ.
 Превыда побѣдя коль жизнь его спасешь,
 Какую радость мнѣ, любезный, принесешь!
 Ты щедролюбѣемъ вездѣ себя прославишь,
 И почиашъ себя враговъ своихъ заставишь.

ПОЗВѢЗДЪ.

Но чаешь ли, чшобъ швой ошецъ о насъ шужилъ,
 Когда злодѣйски смерть на насъ вооружилъ?

ПЛАМЕНА.

Ты самъ бы здѣлалъ шожъ кончая жизнь въ неволѣ.

ПОЗВѢЗДЪ.

Я слышу вопль, проси.

(ушелъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЛАМЕНА *одна.*

О! градъ, о! рашно поле,
 Вы шастья моего положише конецъ.
 Увы! сражаюшся съ любовникомъ ошецъ;
 Къ обѣмъ равною любовью пригвожденна,
 Я къмъ нибудь изъ васъ останусь побѣжденна.
 Мнѣ грѣхъ желашъ, чшобъ мой ошецъ имѣлъ успѣхъ,
 И побѣдишь ошца желашъ Позвѣзду, грѣхъ.
 О смерти чьей изъ нихъ мнѣ вѣсть ни принесетса,
 Поль-сердца моего шой вѣстью ошорветса;

Одна-

Однако я любовь свою превозмогу,
И дружество къ моимъ гражданамъ собрегу.
Къ гражданамъ дружество! но кто твои граждане?
Кто братья и ошецъ, Пламена, Христіане.
Ужè не должно мнѣ родства инова знать.
Но можно ли мечту всечасную отгнашь!
Я вижу вокругъ себя сшениаи кровныхъ шѣни,
Изъ ада вышедши и приносящи пѣни;
Чшо мало я свое опечество люблю!
Спокойшеса на часъ, я жершву вамъ явлю.
Коль небу вяшенъ гласъ, кошорой возсылаю,
Побѣды своему народу я желаю.
Смѣшенныхъ въ сердцѣ чувствѣ сама не разберу,
Ахъ! ежели умрешъ Позвѣздъ, и я умру.
О! солнце, видяще кроваву брань и люшу,
Сокрой свои лучи, зашьмись въ сїю минушу,
Не дай сраженїю сильняе воскипѣшь,
Чшобъ духъ Князей сердца смиришь могла успѣшь;
А ешьли бѣ ихъ сердецъ ничемъ не примирила,
Чшобъ смертїю своей ихъ бѣдсшва предварила.
Прежалосшны часы, о! должносшь, о! любовь,
Объемлетъ сердце грусшь, и обливаетъ кровь.

ПЛАМЕНА

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЛАМЕНА и ОСТАНА.

ПЛАМЕНА.

Остана! ты меня одну оставляешь,
Я рвусь! а ты изъ глазъ веселіе являешь.

ОСТАНА.

Мстиславъ на верхъ побѣдъ и славы возлещѣаь.

ПЛАМЕНА.

Не лзя, чшобъ мой ошецъ былъ живъ, иль жишь хо-
шѣаь.

ОСТАНА.

Не вѣдаю о помѣ, любезная Пламена,
Но къ градъ уже внесли Перуновы знамена.
Уже по улицамъ извѣстія даны,
Что Христіянскія враги побѣждены.
Мстиславъ къ тебѣ идешъ, и все тебѣ расскажешъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МСТИСЛАВЪ, ПЛАМЕНА и ОСТАНА.

ПЛАМЕНА.

Спокойство, Государь, швое лице мнѣ кажешъ,
И побѣдительской имѣешь ты вѣнецъ,
Всѣ радующся здѣсь: ахъ живъ ли мой ошецъ?

МСТИСЛАВЪ.

Примѣромъ Божескихъ дѣшей, тѣ дѣши служашъ,
Которы объ отцахъ спараются и шужашъ,

Но

Но ты въ своемъ отцѣ злодѣя обща зришь,
На что жалбешь ты о немъ и говоришь?

ПЛАМЕНА.

Не должны дѣши бышь своимъ опцамъ судьями,
Не предо мною онъ пресупникъ, передъ вами;
Христовъ законъ мнѣ шо на сердцѣ начершалъ,
Чтобъ всякъ родишеля любилъ и почиалъ:
Злодѣйства и убѣйствѣ сама я ненавижу;
Но, ахъ! въ злодѣѣ семъ родишеля я вижу,
Котораго во мнѣ еще лѣтся кровь,
И съ кѣмъ спрягла меня естешвенна любовь.

МСТИСЛАВЪ.

Отецъ швой живъ, Княжна! и въ варварствѣ спокоенъ;
Но дочери шакой имѣши недоспоенъ.
Не умягчается его шيرانскій гнѣвъ,
Въ оковахъ онъ своихъ яриша будшо левъ.
Хоть не оспалося ему надежды болъ,
Сообщники его какъ прахъ развѣянъ въ полѣ,
Которы буншъ ему воздвигнушь помогли,
Ошмшительнымъ мечемъ, какъ жашва, полегли:
Отецъ швой мечешся со всеми въ силахъ споря,
Какъ лодка малая среди кипяща моря;
Но брашъ мой наконецъ побѣду совершилъ,
Превыда взялъ въ полонъ и жизни не лишилъ;
Оставилъ я шенерь его съ буншовщиками,
Исполнишь царску власшь сей часъ передъ полками.

ПЛАМЕНА.

Такъ я нль за ошца стараться не должна!

МСТИСЛАВЪ.

Онъ живъ останешся, не рвись, не рвись, Княжна,
Но что въ швомъ лидъ является премъна?

Умърь свою шоску, прекрасная Пламена!

Умърь, шебъ о шомъ швой просишь брашь и другъ,
Ты вся смушилася и поблдибла вдругъ.

ПЛАМЕНА.

Тоскующа душа всю мысль мою смущаетъ,
И сердце шяжкую печаль мнъ предвѣщаетъ.
Все грушно, что себъ на умъ ни вображу,
Не вѣдаю, о чемъ вздыхаю, и шужу.

МСТИСЛАВЪ.

Воздашся радостъми швоихъ вздыханй шраша:
Се вѣстникъ къ намъ идетъ съ ошвѣшми ошъ брашя.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЪ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

О Князь! нещасный Князь!

МСТИСЛАВЪ.

Что принялъ онъ конецъ?

ВѢСТНИКЪ.

Нещасная Княжна!

ПЛАМЕНА.

Увы! казенъ ошецъ.

ВѢСТ.

ВѢСТНИКЪ.

Ахъ! для чего Позвѣздъ сей казни не исполнилъ,
Рыданьемъ городъ весь Превзыдъ бы не наполнилъ.

ПЛАМЕНА.

Конечно кто изъ нихъ другъ друга погубилъ?

ВѢСТНИКЪ.

Ошецъ свой своего любовника убилъ!

МСТИСЛАВЪ.

Громовой мнѣ ударъ!

ПЛАМЕНА.

Ну, часъ моя рѣшилась!

Пламена бѣдная, ково и кѣмъ лишилась!

МСТИСЛАВЪ.

Въ срединѣ города, при множествѣ людей,

Увы! . . . Скажи мнѣ, какъ убилъ его злодѣй?

ВѢСТНИКЪ.

Плачевна смерть его свою печаль умножитъ.

МСТИСЛАВЪ.

Незнаніе о ней мой плуце духъ превожитъ.

ВѢСТНИКЪ.

Когда твой братъ враговъ Христовыхъ побѣдилъ,

Въ оковахъ Князя ихъ онъ въ городъ сей вводилъ,

Не сумнѣвались мы, что прежнія прїязни

Спасушь измѣнника еще отъ смертной казни.

Надъ плѣнниками далъ ты брату полную власть,

И шѣмъ-шо общая произошла напастъ.

Привелъ убійцу онъ предъ Царскіе чертоги,

Гдѣ смерть готовили Позвѣзду адски боги,

Оковы

Оковы снятъ съ него свой бранѣ намѣ приказалѣ,
И въ примиреніе Превыда лобызалѣ:

Будь другѣ намѣ говорилѣ, не думай о измѣнѣ,
За щасшіе свое благодари Пламенѣ.

Когда герой сію съ злодѣемѣ кончилѣ рѣчь,
Всѣхѣ пѣвниковѣ просилѣ и Князю ошдалѣ мечъ.
Сообщники его злодѣйску мысль ошгнали,
Раскаясь плакали, и всѣ Христа признали.

Одинѣ Превыдѣ въ жару злодѣйства своего,
На Князя бросилѣ. . . и мечъ вонзилѣ въ него. . .

ПЛАМЕНА.

Увы! . . .

ВѢСТНИКЪ.

Какѣ стрѣлы мы къ нему тогда лешѣли,
И вырвашъ у него прокляшый мечъ кошѣли;
Намѣ поздно было шущѣ усердіе казать,
Сспремились мы сего убійцу расперзашъ;
Но захвашя Позвѣздѣ своей рукою рану,
Колелясь подходилѣ къ убійцѣ и ширану.
И на плеча взложа и руки и главу,
Сей агнецѣ говорилѣ сему свирѣпу льву:
Не ты, Превыдѣ, моей кончины спалѣ причина,
Не ты! несчастная ошѣемлетѣ жизнь судьбина.
Мой рокѣ уже ничемѣ не будешѣ ошвращенѣ,
Такѣ Богѣ опредѣлилѣ; ты долженѣ бышь прощенѣ,
Но смертїю моей почувшвующимѣ шрапу,
Будь Христїянинѣ ты, и буди другомѣ брану.
Пламену перешанѣ упрямышвомѣ сокрушашъ.
По шомѣ, когда ужѣ онѣ шяжелѣ спалѣ дышашъ,

Сму-

Смущенныхъ взоры глазъ ко мнѣ Позвѣздъ направилъ,
 Сказавъ : проси, чѣшобъ братъ Пламену не оставилъ,
 И чѣшобъ отца ее во всемъ простилъ, проси ;
 А ей послѣднее прощенье опнеси !
 Скажи: чѣшо смершь моя была необходима ;
 Нещастна шѣмъ она, чѣшо мной была любима.
 По шомъ себя веспи сюда намъ знакъ давалъ,
 Но вдругъ воспренешавъ, сей красной цвѣшшъ увялъ.
 Надъ шѣломъ весь народъ Позвѣздовымъ рыдаешъ,
 Лишь шолько варваршва Превзыдъ не покидаешъ.
 Но се! его ведушъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МСТИСЛАВЪ, ПЛАМЕНА, ОСТАНА, ПРЕВЗЫДЪ
подъ стражею и воины.

МСТИСЛАВЪ.

(Закривая рукою свои глаза.)

Несносныя бѣды!

Я вижу ногъ ево кровавыя слѣды,
 Се кровь пролишая тобой.

ПЛАМЕНА.

*(Подходя къ отцу, увидѣла кровавой
 слѣдъ, и сказавъ слѣдующія полстиха,
 улапа въ руки къ Остаю.)*

О! мой родишель!

МСТИСЛАВЪ.

*(Увидя Пламену въ отчаянїи возры-
 Е далъ,*

далъ, и по томъ говоритъ Превзвду.)

Злодѣйская душа! О! варваръ, о! губишель.

ПРЕВЗЫДЪ.

Да, я злодѣй своимъ и божескимъ врагамъ!
Се кровь, кошорая лилась къ моимъ ногамъ.

МСТИСЛАВЪ.

А ты не каешься, и шо тебя не пронешъ!
Что градъ вокругъ тебя и дочь и Князь швой стонешъ.
Но можешъ ли злодѣй о комъ жалъшь!

ПРЕВЗЫДЪ.

Жалбю,

Что я шеперь меча другова не имбю:
Твою пронзиши грудь не дрогнулабъ рука,
И полилась бы здѣсь кровавая рѣка.
Мучишели, меня вы съ чешью разлучили!
И къ варваршву меня и къ звѣршву прѣучили!

ПЛАМЕНА.

(Собравъ чувства, взглянула на Превзвдову одежду, и сказавъ слѣдующей стихъ, пришла въ безламятство.)

Ево одежда вся въ Позвѣздовой крови.

ПРЕВЗЫДЪ.

Се мзда послѣдняя слѣпой швоей любви.
Внимай, что кровь сія обѣимъ вамъ вѣщаетъ:
Смошрите, какъ Превзвдъ злодѣямъ ошомщаетъ.

МСТИСЛАВЪ.

Къ нещасью нашему, ширанъ, ты въ свѣшъ рожденъ,
Къ нещасью царшвовалъ, къ нещасью побѣжденъ.
О!

О! мой любезный братъ, опшелъ ты днесъ къ покою.
 Но кѣмъ ты кончилъ вѣкъ? Злодѣйскою рукою!
 Владимиръ! съ шоржествомъ ты въ городъ сей идешь,
 Но люшой вѣспи сей родишель мой не ждешь.
 Любезна сына ты омоешь слезнымъ шокомъ.

Другова ты почшешь кончины брашней рокомъ;

Ушѣха дружешва и брашшва моего!

Надежда воиншва и гóрода всего!

Цвѣшуца молодость! О! здравіе бездѣнно!

Увы! погасло все, погасло все мгновенно!

ПРЕВЗЫДЪ.

Подобно вами шакъ зашмился мой вѣнецъ,

Подобно дочери лишился въ ней ошецъ.

МСТИСЛАВЪ.

Въ одномъ я опкажу, мой братъ, швоей прїязни,

Что вѣрвара сего не швобожу отъ кáзни.

ПРЕВЗЫДЪ.

Главѣ моей не шакъ язвшеленѣ швой мечъ,

Какъ сердцу ваша власшь и горда ваша рѣчь.

ПЛАМЕНА.

О! Князь, любезной Князь! отъяшый смертью злою,

На мысль приходишь ты единою мечшою.

Въ послѣдней разѣ ты миѣ, прости, проговорилъ,

На вѣкъ сомкнулъ уста и очи зашворилъ.

Ахъ! всуе къ небесамъ я возсылаю шѣни:

Рыданія живыхъ не виемлюшъ мершвы шѣни;

Я слѣдую за нимъ *(Хочетъ захолоться; Мсти-*
славъ удерживаетъ ее руку.)

МСТИСЛАВЪ.

Напомни пы законѣ.

ПЛАМЕНА.

Увы! лишилъ меня возлюбленнаго онѣ,
Осталось умирать мнѣ всякой часѣ спокрашно.

(Превзяду.)

Смотри, шебѣ на скорбь мою смощрѣшь прѣяшно.

МСТИСЛАВЪ.

Не долго будетѣ онѣ на нашу скорбь взирашь,
Ступай съ мученѣемѣ, разбойникѣ, умирашь.

ПЛАМЕНА.

Чшо дѣлашь я должна?

ПРЕВЗЫДЪ.

(Бросясь къ Пламенѣ, выхватилъ у
ней кинжалъ, закололся, и возвра-
щая сказалъ.)

Послѣдуй мнѣ.

МСТИСЛАВЪ.

О! Боже, сколько бѣдѣ навелѣ онѣ сей странѣ.

ПЛАМЕНА.

Погибли отѣ меня ошедѣ мой и любезной.

О! небо, грянь вѣ меня и кончи вѣкѣ мой слезной.

Мнѣ жизнь мучишельна, прошивенѣ здѣшней свѣтѣ. . .

Увы! Позвѣздѣ меня . . . Позвѣздѣ къ себѣ зовешѣ!

Сыскашь кращайшую къ любезному дорогу:

Вѣ пустыню скроюся, и посвящуся Богу.

Конецъ трагедіи.

МАРТЕЗІЯ и ΘАЛЕСТРА

ТРАГЕДІЯ,

МИХАЙЛА ХЕРАСКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

СЛАВЕНЬ, Князь древнихъ Славянъ.

МАРТЕЗІЯ, Царица Амазонская.

ФАЛЕСТРА, сестра Мартезіина.

АІЯКСЬ, Царь Локріанской.

Вѣспникъ.

Воины трехъ народовъ.

Дѣйствіе въ столичномъ Славенскомъ градѣ, въ чертогахъ у Мартезіи.

МАРТЕЗІЯ и ѠАЛЕСТРА ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЛАВЕНЬ *однѣмъ.*

Я вижу брачныя Царицыны чертоги,
Приготовляеяся напасть моя о! боги,
Ужѣ Мартезїи лишаюся навсегда!
За чѣмъ несчастливый Славенъ пришелъ сюда?
Тоска моя ничемъ не будетъ облегченна:
Когда ужѣ она Аїяксу обрученна;
Или надѣяся на царской мой вѣнецъ,
Я здѣлаюсь хочю мучителемъ сердецъ,
Въ рукахъ имѣя скиншрѣ, носишь любовны узмы,
Согласїю мѣшашъ и разрываешь союзы;
О! слабость, варварамъ приличная однимъ,
За чѣмъ ты чувствїямъ касаешься моимъ!
Душа моя слаба, но въ злосць еще не вникла,
Она въ молчанїи шревожишься привыкла,

Молчанью предадимъ любовь сію на вѣкъ.
 Увы! что дѣлашь мнѣ? Я Царь, но человекъ.
 Всей силой жаръ любви, всей силой умѣряю,
 Но съ жалостью на бракъ Мартезиинъзираю;
 Я мнилъ, что время мнѣ просудишь жарку кровь,
 Но все проходишь съ нимъ, лишь множишься любовью.

ЯВЛЕНІЕ II.

СЛАВЕНЪ и АІЯКСЪ.

АІЯКСЪ.

Нещастныи спутники жестокихъ буръ спасенны,
 Ликующъ, ко швоимъ брегамъ перенесенны;
 Уже куреніе восходишь по лугамъ,
 И жертвы шучныя приносятся богамъ;
 Я дружеству Славянъ къ пришельцамъ былъ свидѣшель,
 Чему примѣръ явилъ достойной ихъ владѣшель;
 Но пусть благодаряшъ они своей судьбѣ,
 А я благодарю, любезной другъ, тебѣ:
 Гонимыхъ отъ боговъ, перзаемыхъ волнами,
 Ты встрѣшилъ насъ какъ другъ и радовался нами;
 Мы видимъ вѣкъ злшой, Славенъ въ швоей странѣ,
 Ты нуженъ спраждушимъ, но больше нуженъ мнѣ.

СЛАВЕНЪ.

Довольно я кажу смяшеніемъ наружнымъ,
 Могу ли бышь кому на свѣшѣ больше нужнымъ,
 Чего, мой Князь, тебѣ ошалося желашъ,
 Не лзя уже сердцамъ не лзя жарчбй пылашь:

Какимъ въ пламенѣ съ Царевною разженны!
 Здѣсь ваши имена среди дѣвцовъ сплешенны;
 Во ожиданіи пріятнаго часа,
 Здѣсь пѣсни брачныя пронзаютъ небеса,
 Весельемъ здѣшніе наполнены черпоги,
 И съ вами кажешся, ликующъ сами боги.

АІЯКСЪ.

По вѣщностямъ однимъ о щастьѣ не суди,
 Не въ пышностяхъ ево но въ сердцѣ находи;
 Еще я не забылъ гонимъ своей судьбиной,
 Что щастія шебѣ обязанъ половиной.
 Когда оставилъ я Скамандрины брега,
 Омышы кровію Троянскіе луга,
 Въ невольничьихъ цепяхъ Прѣймовъ родъ спешащей,
 Великолѣпной градъ со всѣхъ сторонъ горящей;
 Сокровищами ихъ наполня корабли,
 Съ весельемъ во свое опечество шекли;
 Не златомъ корабли, мы язвой нагружали,
 Насъ гордостью сїи добычи заражали.
 Промчался славы гласъ о насъ по всѣмъ странамъ,
 Казалися тогда не страшны боги намъ.
 И се увидѣли верхи мы Кафарей,
 Услыша вдалекѣ ужасный свистъ Борей;
 Слилися шучи вкругъ, разсыпалася мгла,
 Блещуща молнія предѣламъ свѣша жгла:
 Тогда изъ облаковъ намъ громы возвѣстали,
 Что моремъ боги намъ и молніями мстили;

Подъемающей глазѣ, въ слезахъ боговъ моля,
 Погибши предо мной я зрѣлъ при корабля.
 По томъ съ небесъ слетѣлъ спрѣлъ подобной пламень,
 Ударилъ мой корабль и поразилъ о камень,
 Почти лишенный чувствъ я мнилъ, что сверженъ въ
 адъ ;

Боязнь, опчаянье, сраженье волнъ и хладъ,
 На твердомъ камнѣ томъ лежащу мнѣ явили,
 Что боги не совѣмъ Аіакса умершвили.
 Колеблемъ вѣспрами среди кипящихъ водъ,
 Увидѣлъ я вдали молодой Царицы флотъ ;
 Тогда я возсылалъ и паче гласъ плачевной,
 И сю былъ спасенъ моей судьбины гнѣвной.
 Но я плачу за жизнь несносною цѣной ;
 Ругается мой рокъ безперестанно мной !
 Чѣмъ склонность жершвовашь едина позволяетъ,
 Мартезія моей любви къ себѣ желаетъ ;
 Сердцами лъзя ли намъ, мой Князь, повелѣвашь,
 И можемъ ли мы ихъ по волѣ отдавашь ?

С Л А В Е Н Ъ.

Благополучны шѣ, мой другъ, благополучны,
 Которые съ своей свободой неразлучны,
 Красы и нѣжности повсеминушно зряшъ,
 И видя все сіе, любовью не горяшъ,
 Не спаяв шастіемъ, сердца взаимно страстны
 Пріятностямъ любви бывають непричастны.
 Мнѣ мыслей о себѣ такихъ не подавай,
 И сердца ошъ меня разженна не скривай.

А І Я К С Ъ.

АІЯКСЪ.

И ты не сокрывай любовью мыслей пламенныхъ
 И чувствъ пріятностью сей спрасши напоемныхъ,
 Не можно угаишь опъ глазъ любви своей,
 И скромность не нужна для искреннихъ друзей.
 Не безчувствившеленъ и я къ любовной страсти,
 Подверженъ я и самъ всеобщей смертныхъ часши,
 Есть властвующи мной на свѣстѣ красомы,
 Люблю и я люблю, какъ любишь спрасши ты;
 Твоя задумчивость, смущеніе, спенанье,
 И рѣчи и глаза и самое молчанье
 Изображающъ мнѣ жаръ сильныхъ любви,
 Кошорая въ швоей скрывается крови.
 Извѣстны мнѣ красы, любезной другъ, извѣстны,
 Кошорыя швоимъ очамъ давно прелестны;
 Не буди скромненъ ты, пришворшено опложи,
 Не обманулся ль я, признайся мнѣ, скажи.

СЛАВЕНЪ.

Какую тайну ты изъ сѣрдца вырываешь!

АІЯКСЪ.

Мнѣ ты речешся другъ, а сѣрдце сокрываешь!

СЛАВЕНЪ.

Что дѣлашь мнѣ? Велишь мнѣ дружба и молчашъ,
 Мнѣ искренно велишь она и опвѣчашъ.
 Мой Князь, поступокъ ты моихъ бывалъ свидѣтель,
 Ты честь мою проникъ, извѣдалъ добродѣтель,
 Ты былъ свидѣтелемъ себѣ моихъ услугъ,
 Наперсникъ вашъ я былъ, союзникъ, вѣрной другъ.

А нынѣ имена мнѣ спали чужды оны,
 И честь и дружество и должности законы,
 Я всѣ достоинства передъ шбой гублю;
 Знай я соперникъ швой . . . Царицу я люблю!
 Люблю, и совѣсти всечасное шерзанье,
 Мнѣ въ люшой спрасши сей являетъ наказанье;
 Я сихъ прелестныхъ глазъ всемѣстно убѣгалъ,
 Я въ разлученіи себя превозмогалъ,
 Я вображалъ себѣ и честности успавы,
 И дружбу и законъ, общенародны правы;
 Но жаркая любовь ихъ силу премогла,
 И разумъ побѣдя, всю кровь мою зажгла!

АІЯКСЪ.

Не спорю сей любви!

СЛАВЕНЪ.

Мартезія приходитъ!

(ушелъ.)

АІЯКСЪ.

Изъ грусти въ грусть меня любовь моя приводитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРТЕЗИЯ и АІЯКСЪ.

МАРТЕЗИЯ.

Я слышу спутниковъ прибытіе швоихъ,
 Гуляя по брегамъ ждала я въ страхъ ихъ;
 Рушишели они минушъ пріятныхъ были,
 Лишь сѣшуя о нихъ другъ друга мы любили.

При-

Пришелъ конецъ тоскъ, насталъ покой сердцамъ;
 Подобны мы съ шобой симъ спраждущимъ пловцамъ,
 Которы цѣлой годъ носилися волнами,
 Играли цѣлой годъ сумнѣнья наши нами.
 Теперь препяшшвія желанью нѣшъ ни въ чемъ,
 Въ пристанище свое спокойно мы печемъ.
 Но спутниковъ швоихъ весельемъ восхищенна,
 Тебя я встрѣшила задумчива, смущенна!
 Не веселишь меня ушѣхи полный градъ,
 Когда являешь ты, Аіаксъ; печальный взглядъ;
 Со Княземъ здѣшнихъ мѣшъ вы были удаленны,
 Ко мнѣ ли шной швой былъ и мысли устремленны,
 Касалась ли швоимъ Мартезія рѣчамъ,
 Мечшалась ли она въ ошсушшвіи очамъ?

АІЯКСЪ.

Сумнѣнья не имѣи; бесѣды сей причина
 Со Княземъ симъ была Мартезія едина,
 Извѣсна мысль моя тебѣ, извѣсна честь;
 Сплешались ли въ моихъ устахъ обманъ и лешъ?
 Чшо въ благодарности моей не лицемѣрю,
 Предъ цѣлымъ свѣшомъ я о шомъ тебѣ увѣрю.

МАРТЕЗІЯ.

На что кленешся ты, любезной Князь, на что?
 Не сумнѣзешся о шрасти сей никшо;
 На что мнѣ цѣлой свѣшъ, коль ты не лицемѣришь?
 Единымъ взглядомъ ты меня о всемъ увѣришь.

АІЯКСЪ.

АІЯКСЪ.

КѢ чему о нѣжностяхъ, кѢ чему ты говоришь?

МАРТЕЗІЯ.

Иль жаркія любви моей кѢ себѣ не зришь,
 Когда не вижу я себя одну минушу,
 Въ смущенномъ сердцѣ семъ шоску пишаю люшу,
 Иду себя вездѣ . . . ты очи опшрашилъ!

АІЯКСЪ.

Славенскій Князь, мой духъ Царица возмушилъ;
 Бесѣдуя со мной блѣдибешъ, рвется, спонетъ,
 Ево ни дружество ни искренность не пронетъ.
 Оставимъ ли ево крушишься и спрадашь,
 И должны ли ево въ шоскѣ мы покидашь?

МАРТЕЗІЯ.

Хвалю и мысль швою и склонность благородну,
 И жалость кѢ ближнему душамъ великимъ сродну;
 Пріятно мнѣ швое смущеніе и спонъ,
 Благополучну жизнь мнѣ предвѣщаешъ онъ;
 Однако изшреби смущеніе изъ мысли,
 И предстояци намъ одни ушѣхи числи.
 Не должно сладкихъ дней шоскою огорчашъ,
 И должно княжески желанія вѣнчашъ;
 Отъ сей шоски ево и муки мы избавимъ,
 Фалестру въ области Славеновой оставимъ,
 И будешъ вѣкъ злашой Славену возвращенъ,
 Спряжешся онъ съ Княжной . . .

АІЯКСЪ.

Тобою онъ прельщенъ!

МАР-

МАРТЕЗІЯ.

Твое смущеніе и ревность мнѣ пріятна,
 Но страсть Славенава шебѣ не такъ поняшиа:
 Стремилась мысль его всегда къ сестрѣ моей,
 Ты Князю вѣрной другѣ, мы вѣрной другѣ и ей;
 Совѣшамъ искреннимъ послушно сердце нѣжно,
 Жди Князь ее сюда, совѣшуй съ ней прилѣжно.
 (уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ІV.

АІЯКСЪ одинъ.

Какая молнія внезапно мя разишѣ!
 Кто мѹку равную сей мѹкѣ вобразишѣ?
 Куда вся мысль моя осталась устремленна,
 Другому сердцу ша ужѣ опредѣленна.
 Не буду я Княжну своею называшѣ,
 И долженѣ ко другой любви увѣщевашѣ.
 Какъ рѣчь мою начну еѣ семѣ пагубномѣ совѣшѣ!
 О! пренецаспавной любви посредникѣ еѣ свѣшѣ;
 Я долженѣ самѣ себѣ гошовишѣ смершнй ядѣ,
 Съ какимѣ смяшеніемѣ я встрѣчу нѣжнй взглядѣ!
 Чего донынѣ я желалѣ шoliko спрашно,
 Свиданье мнѣ съ моей любезною опасно;
 Ахѣ! ежели она надѣ сердцемѣ невлашна,
 И ешляи подлинно прельщенна и спрашна:
 Такѣ оба горешни другѣ другу мы сугубимѣ,
 Славенѣ, любезной другѣ, мы щещно оба любимѣ;
 Но

Но я ввѣрюся въ любви моей богамъ,
 Откроюся Княжиѣ, паду къ ея ногамъ.
 И ешьли я моей надеждою обмануѣ,
 Царицѣ дѣроги мои совѣшны стануѣ;
 Восплачешѣ и она . . . но се Княжна идетѣ.
 Разбилась мысль моя, вся къ сердцу кровь шечешѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ФАЛЕСТРА и АІЯКСЪ.

ФАЛЕСТРА.

(съ сторону.)

О! боги, ешьли вы надѣ пѣннымъ сердцемъ власнымъ,
 Не допускайте мнѣ являши чувства страшны.

АІЯКСЪ.

(съ сторону.)

Смуцаешѣ весь мой духъ ея прелестной взорѣ,
 Какой могу начашѣ съ Фалестрой разговорѣ?

ФАЛЕСТРА.

Сѣи ль чертоги намѣ назначены къ свиданью,
 Во время ль я пришла по сесприну желанью,
 Совѣшны ошѣ шебя полезные приняшѣ?
 Когда швои они, должна ихѣ исполняшѣ.
 Но ты красѣбешся и взорѣ перемѣняешѣ!
 Какая шайна ешѣ? О чемѣ, о чемѣ стопаешѣ?

АІЯКСЪ.

Или не видишѣ ты сей шайны изѣ очей,
 И мыслей отгадашѣ не хочешѣ безѣ рѣчей?

Меня

Меня любовь моя, боязнь и горестъ крайна
 Повергли предѣ тобой; вошѣ вся моя и шайна!
 Теперь я все сказалѣ . . . и спану ожидашь:
 Скончашъ ли мѹки мнѣ или по смерть спрадашъ.

О А Л Е С Т Р А.

Опомнися, Аіаксѣ, и властвуй надѣ собою,
 Ты милѣ сеспрѣ моей.

А І Я К С ъ.

Но я горю шобою.

О А Л Е С Т Р А.

Забудь сїи словѣ, скривай свой жарѣ, скривай,
 И слабостъ и любовь свою одолѣвай.

А І Я К С ъ.

Терзающей меня повсеминушно спраспїи
 Преодолѣнїе ошалося не во властїи.
 Мой разумѣ ни кѣ чему шеперь не прилѣжитѣ,
 Ошѣ сѣрдца моего свобода прочѣ бѣжитѣ.
 Когда начнешѣ любви мой разумѣ прошивляшѣся,
 Она мнѣ вѣ грудь войдешѣ и спанешѣ укрѣпляшѣся,
 Всѣ силы шамо сѣ ней сражашѣся устаюшѣ,
 И вѣ плѣнѣ любви себя неволей ошдаюшѣ.
 Забылѣ опечештво, забавы ненавижу,
 Заочно и во снѣ шебя едину вижу;
 И славу и прештолѣ щїпаю суешой,
 Наполненѣ весь мой умѣ швоею красешой,
 Душа заразашї швоими ослѣпилась;
 Задумчивостъ кѣ моей любви прилѣпилась,

Ж

Ничшо

Ничто разбить ее не можешь ни на часъ,
 Ничто отгнать, oprичь своихъ прелесныхъ глазъ.
 Твое опсущствіе всю мысль мою смущаетъ,
 Присущствіе свое мнѣ мысли возвращаетъ;
 А сполько пламенно и спрашно возлюбя,
 Увы! лишаюся на вѣки я себя.
 Сестрѣ своей сего, мнѣ къ мукамъ не довольно,
 Чшо сердце у меня похишила неволью,
 Славену и себя вручаетъ на всегда.

ФАЛЕСТРА.

Желаніе одно не дѣлаетъ вреда.
 А ты ей слово давъ, храни свои обѣщанья.

АІЯКСЪ.

Удобно ль слушать мнѣ шоль спрогія отвѣщанья?

ФАЛЕСТРА.

А мнѣ прилично ли шо сердце похищать,
 Которое сестрѣ привыкъ ты обѣщанья.
 Ты съ нею узами священной дружбы связанъ,
 Ты сими клятвами не мнѣ, но ей обязанъ.

АІЯКСЪ.

Такъ жалосши въ тебѣ не буду видѣшь я!
 Аіаксъ тебѣ немилъ!

ФАЛЕСТРА.

Увы! сестра моя.

АІЯКСЪ.

Жестокая Княжна, мнѣ твой отвѣщанья
 Я вижу, что тебѣ Славенскій Князь пріятенъ,

Дѣлише

Дѣлите радости, дѣлите царство съ нимъ,
Ругайтесь нѣжностью и сердцемъ вы моимъ.

Θ А Л Е С Т Р А .

Ни Князь мнѣ сей спраны ни проиѣ сво нелестенѣ,
Не буду я ни чья

А І Я К С Ъ .

Такъ мнѣ мой рокъ извѣстенѣ,
Я вижу, что Аіаксъ шоль пламенно любя,
Посшылъ швоимъ глазамъ, прошивенѣ для себя.
Коль подлинно меня Θалестра ненавидишь,
Прости, уже меня во вѣки не увидишь.

Θ А Л Е С Т Р А .

Не множь ты мукъ моихъ.

А І Я К С Ъ .

Я ихъ не буду зрѣшь,
Коль ты мнѣ несклонна я долженѣ умереть.

Θ А Л Е С Т Р А .

Ахъ! что ты у меня изъ сердца вырываешь!
Меня любезною своею называешь,
А хочешь, чшобы я безчестною слыла,
По помѣ бы и шебѣ не здѣлалась мила,
Чшобѣ я молвой была всего земнаго круга,
Царицу обманувъ, сестру свою и друга,
И въ жизни не могла иначе полюбишь,
Какъ дружбу разорвашь, и славу погубишь.

АІЯКСЪ.

Нѣтъ, жертвы таковой, Фалестра, я не спѣю,
Хочу лишь я узнать, любимъ ли я собою.

ФАЛЕСТРА.

Не принуждай меня на слабость обѣщать.

АІЯКСЪ.

Такъ я иду мой вѣкъ въ опчальнѣ скончать.

ФАЛЕСТРА.

Постой, ахъ, Князь постой! зри сердце распаленно,
Оно тобой горитъ, оно собою пламенно;
Люблю, а ты еще выраешь на меня,
Не ужаснешся любви моей огня,
Не ужаснешся моей порочной страсти,
Очей и словъ моихъ, безстыдства, вышней власти.
Пусть я люблю одна, ты жаръ свой испреби,
Не слабости мои, но честь мою люби.
Смотри, чтобъ совѣсти всечасное грызенье,
Не обратило мнѣ сей страсти въ омерзѣнье,
Въ мученье претворя спокойство прехъ сердецъ,
Не пріобыкла бы къ свирѣпству наконецъ.

АІЯКСЪ.

Когда велишь ты мнѣ, Княжна, себя оставить,
Чего я не могу никакъ въ умѣ представить;
Такъ научи меня собой повелѣвать,
И бѣдственной любви оковы разрывать,
Сей пламень погасишь, которымъ я пылаю;
Но ахъ! о чемъ прошу? увы! чего желаю?

ФА-

ФАЛЕСТРА.

Мой взоръ прельстилъ тебя, бѣги ты отъ него,
 И не встрѣчай нигдѣ ты зрака моего.
 Взаимное мое съ тобою ослабленіе
 Окончашъ времена, опинимешъ удаленье.
 Другъ о другѣ уже не слыша ничего,
 Не спанешь ты пишашъ желанья своего,
 Не раздражишь боговъ позорнымъ симъ обманомъ,
 Не буду я врагомъ, а ты сестрѣ тираномъ;
 Сердца пушашъ любовь, надежда коль не льстишъ.

АІЯКСЪ.

Ничто меня къ твоей сестрѣ не возвращитъ.
 Не узришъ свѣтъ меня съ тобою разлученна;
 Ничѣмъ любовь моя не будетъ излѣченна,
 Повсюду понесу спенаніе мое,
 Въ пустыню ль скроюся окончишь житіе,
 Чрезъ темные лѣса, чрезъ каменные горы
 Мечтаюсь будущъ мнѣ швои прелестныя взоры.
 Я въ сердцѣ заключилъ на вѣкъ швои красы;
 Но жизни шягостной въ послѣднѣе часы,
 Которые ко мнѣ пришесть не укусишюшъ,
 Когда просынешъ кровь и очи пошмишюшъ.
 Я шѣмъ порадуя смущенной духъ однимъ,
 Что въ шомной жизни сей я не былъ не швоишъ.
 Что я лишаюсь себя хоть сей не зналъ напасты,
 Чтобъ сердце полное шобой дѣлишь на части,
 И слѣдуя своей несчастливой судьбѣ,
 Я жершвовалъ собой, увы! одной шобѣ.

ФАЛЕСТРА.

Такія бѣдства намъ судьбою полагаались,
 Когда сердца у насъ любовью зажигались;
 Другъ съ другомъ свидѣлся, другъ друга полюбилъ
 И вѣчно щасливымъ въ любви своей не былъ.

ДИЯКСЪ.

За что же мы себя, за что, Фалестра, мучимъ,
 Коль безпрепятственно успѣхъ въ любви получимъ?

ФАЛЕСТРА.

Отколѣ спрасъ швоя лучи надежды зришь?

ДИЯКСЪ.

Славенъ къ сестрѣ швоя любовію горитъ,
 Безмѣренъ жаръ его, колико мой безмѣренъ,
 Сколь вѣренъ я тебѣ, толико ей онъ вѣренъ;
 На что намъ принуждашь заженныя сердца?
 Противъ желанійъ на что искашь вѣнца?
 Когда препятствія въ любви мы не встрѣчаемъ,
 Оставимъ здѣшней градъ и спрасъ свою вѣнчаемъ,
 Оставимъ ихъ любовь пространнымъ симъ странамъ,
 Случаямъ, щастію, коронѣ, временамъ.
 Когда спрягаются на вѣкъ сердца несклонны,
 Противна та любовь, шѣ браки незаконны,
 Оставимъ имъ примѣръ любовныхъ крѣпкихъ узъ,
 Которыя сулитъ сладчайшей намъ союзъ.

ФАЛЕСТРА.

А естлибъ я себя оставила подобно,
 То сердце бы швое могло ли быть способно

Другой

Другой красой горѣшь, другой любви искашь?

ЛІЯКСЪ.

Мартезія себя привыкла ужъ ласкашь

Его почтеніемъ и выгодною спрассью,

Дадимъ свободной пушь желаніямъ и щастью.

ФАЛЕСТРА.

Увѣрь меня, увѣрь дѣйствительнѣе въ томъ,

И знай, что буду я по смерть швоя по томъ!

(Ушла.)

ЛІЯКСЪ.

Небесны жители! на нашу спрассь взгляните,

И безпрепятственно сердцѣ соедините.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРТЕЗІЯ *одна.*

(*имѣя письмо въ рукахъ.*)

Могу ли зрѣнію повѣришь своему,
 Могу ль повѣришь я писанію сему?
 Аіаксъ Славеновы желанья подшверждаетъ!
 Аіаксъ меня къ другой любви принуждаетъ!
 Иль сердцу предпріевъ печали нанести,
 Во искушенье онъ кошѣлъ его ввести?
 Когда подозрѣвашъ меня шы начинаешь,
 Такъ шы, любезный Князь, Мартезію не знаешь,
 Ничто ея любви къ тебѣ не пресѣчетъ,
 Ничто ошъ глазъ швоихъ ее не ошвлечетъ;
 Единую въ тебѣ нашла она забаву,
 Пренебрегла вѣнды, престолы, царство, славу;
 Отечество свое намѣрена забыть,
 Съ шбой, съ шбой хочю всечасно вмѣстѣ бышь.
 Но къ горестямъ давно мои привыкли взгляды,
 Не здѣлали ль ему нечаянной досады?
 Увидя здѣсь его и вся прельщенна имъ,
 Не шрастно, можешъ бышь, бесѣдовала съ нимъ?
 Не изреклося ли изъ успѣ какое слово,
 Кошорое ему подумалось сурово?

Я строго въ памяти дѣла мои сужу:
 Но я вины своей предъ нимъ не нахожу.
 За что меня, за что, любезной Князь, оставилъ!
 И хвѣ! супругомъ ты Славена мнѣ представилъ.
 Нѣтъ я себя по смерти, мой Князь, хочу любить;
 А ешьли ты меня намѣренъ позабышь,
 Не кройся отъ меня, мукъ вѣчныхъ приключишь,
 Приди, прони мнѣ грудь и будь прямой мучишь.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРТЕЗІЯ и ФАЛЕСТРА.

МАРТЕЗІЯ.

Извѣстна ли тебѣ сестры твоей изпасть!
 Вспревоженной покой! обманушая спрассь!
 Прощи сіе письмо. . . .

*(Когда Фалестра читаетъ,
 Мартезія между тѣмъ :)*

Вздыхаешь ты и мѣешь,
 Не бесполезно ты о мнѣ, сестра, жалѣешь,
 Безславіе мое ешь твоей позоръ, Княжна,
 И честь моя тебѣ такъ какъ своя нужна.
 О приключеньѣ семъ скажи мнѣ что ты мыслишь,
 Совѣшь сей искреннимъ или притворнымъ числишь?
 Скажи, что дѣлашь мнѣ? что мыслишь мнѣ въ сей часъ?

ФАЛЕСТРА.

Внемли ты дружесства, внемли природы гласъ;

Ж 5

Не

Не пагубную лещь шебѣ языкѣ вѣщаешѣ,
 Она сердцѣ вредитѣ и мысли развращаетѣ.
 Ни сана своего, ни прона я не зрю,
 И не съ Царицею, съ сестрою говорю;
 Хотя жестокою любовью побѣжденна,
 Не ради вѣжныхъ дѣлъ, для царства шы рожденна,
 Не жершвуй чести сей любовной суешѣ,
 И спрасни опдаляй на пышной высотѣ,
 Гдѣ мысли подданныхъ вѣ дѣла швой вперенны,
 Гдѣ очи на шебя опшвсюду опшворенны;
 Гдѣ судитѣ каждой рабѣ вѣ дѣлахъ шы каковѣ,
 Гдѣ счислены швой и взгляды и словѣ,
 Гдѣ слабости когда малѣйшя вшпрѣчаютѣ,
 И всѣ достоинства мгновенно помрачаютѣ;
 У Фермодонскихъ днешь споящѣ бреговѣ,
 Насѣ подданные ждушѣ возврашио какѣ боговѣ,
 Которыхъ мужеству дивились храбры Греки,
 О коихъ громкой слухѣ не умолчишѣ во вѣки.
 Вотѣ вѣсти каковы мы должны имѣ принешѣ,
 Что славу дѣлаешѣ и что приносите чешѣ;
 Мы удивленные ихъ разумы обманемѣ,
 Вѣ любовныхъ ухахъ мы когда предѣ нихъ предша-
 немѣ.

Намѣ шрудно миѣнѣя похвальные вперашѣ,
 Легко порокѣ нажишѣ и славу пошерашѣ.
 Что скажетѣ Азѣя, что скажетѣ вся вселенна,
 Услыша о шебѣ, что шы спрасниа ж пѣнна?

МАРТЕЗІЯ.

Когда сердца огнемъ любовнымъ не горятъ,
 Уста съ холодностью о страсти говорятъ,
 Любовны слабости и чувства осуждаютъ,
 Легко и власть ея и силы побѣждаютъ;
 А мнѣ счисляющей всѣ нѣжности ея
 Чемъ услаждалися и духъ и мысль моя,
 Твердящей въ памяти всю Княжескую славу,
 Привыкшей къ нѣжностямъ, къ ево привыкшей нраву.
 Возможножь безъ него спокойствіе вкушашъ,
 И не видашь ево и жаръ свой пошущашъ,
 И сердце полное горячности имѣя,
 Мнѣ чпо нибудъ любишь, любить ево не смѣя?
 Опъ жаркой страсти сей свободу я гублю,
 Но къ чести нѣжныхъ дѣлъ, Аѣкса я люблю!
 Не стыдно слабостямъ любовнымъ покориться,
 Коля сердце шаковымъ героемъ заторится.
 Удачной выборъ сей стыда не приключишь,
 Узнавъ мою любовь свѣтъ дѣлой замолчишь.
 Я съ нимъ бы слухъ гражданъ и мысли насыщала,
 И брань Троянскую спокойнѣ вѣщала.

О А Л Е С Т Р А.

Пріятная любовь позволена сердцамъ,
 Она касается престоломъ и вѣнцамъ:
 Но слава при шакой любви умираетъ,
 Когда любовницу любовникъ презираетъ!

МАРТЕЗІЯ.

Любовницу . . . но чѣмъ то можешь доказашь?
 Престань сумнѣнныи сестру свою шерзашь,
 Ты чаешь мнѣ онѣ врагѣ.

ФАЛЕСТРА.

А ты въ немѣ друга чаешь,
 Когда развратные совѣщы получаешь,
 Когда прошивъ себя онѣ сердце укрѣпилъ,
 Когда любовь швою другому уступилъ?

МАРТЕЗІЯ.

Оставимъ рѣчь сію и шолки бесполезны,
 Не отвлекай меня отъ предстоящей бездны,
 Не отворай мнѣ глазъ и мысль не просвѣщай,
 О князѣ чшо нибудь пріятное вѣщай,
 Обманывай любовь прискорбну, ушрашенну,
 И въ пользу мнѣ толкуй погибель совершенну;
 Пусть люта смерть ко мнѣ невидимо печешъ,
 И сладку жизнь мою безъ немоци ссѣчешъ.
 Ахъ иѣшъ, Аіаксѣ шебѣ, Фалестра, не извѣстенъ,
 Онѣбольше швердѣ вѣлюбви и больше сердцемъ честенъ.
 Не жду я отъ него измѣны никакой,
 Онѣ сердца въ семъ письмѣ не соглашалъ съ рукой,
 Но слабости ласкалъ прельщенна мною друга,
 Кого назначили мы съ нимѣ шебѣ въ супруга,
 При мнѣ швоя краса и младость процвѣла,
 Царь всѣмъ шрокимъ намъ другѣ, ты всѣмъ шроимъ

мнла;

съ

Съ Славеномъ твоей союзъ казался славеиъ, честенъ,
Однако твоей ошвѣтъ еще мнѣ не извѣстенъ.

О А Л Е С Т Р А .

Не лъзя мнѣ обѣщашъ руки моей шому,
Коль сердце склонности не чувствувашъ къ кому.

М А Р Т Е З І Я .

О! естляи бы и я имѣла сердце твердо,
Не мучилабъ меня любовь немилосердо.
Совѣшты бы другимъ могла сама внушашъ,
Противишья любви и жаръ свой попушашъ;
Минушъ бы жизни сей въ степеняхъ не губила,
Не знавъ бы никою одну сестру любила.
Я сердца твоего не стану принуждашъ,
Довольно мнѣ одной и рвашся и страдашъ.
Но что я мѣшкаю? мнѣ всякая минуша,
Отчаянье, шоска, напашъ и смерть мнѣ люша.
Дѣюща шюки слезъ вздыхающа пойду,
Въ раскаянье и въ плачъ Аїикса приведу,
Повергнуся предъ нимъ . . .

О А Л Е С Т Р А

Сего не доставало,
Чтобъ свѣшу робкой духъ и низкой открывало,
Или забыла ты величество и шронъ?
Ты шполькожъ имъ славна, колико славеиъ онъ;
Когда и честь свою и санъ пренебрегаешъ,
Вспомни, что предъ нимъ народъ свой повергаешъ,
Ты

110 МАРТЕЗІЯ И ФАЛЕСТРА

Ты чешь ево имѣй законами себѣ,
Онѣ знашенѣ и великѣ и славенѣ по тебѣ.

МАРТЕЗІЯ.

Я помню подданныхъ и царскіе обѣщанья,
Но помню я при шомѣ и Княжески соеѣщанья,
Для жизни милы мнѣ порфира и вѣнецъ;
А жизнь лишь для него мила мнѣ наконецъ.
Не пышной шронѣ ево меня увеселяешъ,
Но то, что сердце онѣ со мною раздѣляешъ.

ФАЛЕСТРА.

Когда не можешь ты Аіакса не любитьъ,
И корня спрашти злой изъ сердца изшребишьъ,
Хотя сей слабости вѣ тебѣ не похваляю,
Но всю твою шоску сѣ шобою раздѣляю.
Сіяюща вѣнца лучей не помрачай,
И новаго стыда себѣ не приключай.
Позволь мнѣ разрѣшишь взаимное сумнѣнье,
Совѣшъ, намѣренье и княжеское мѣшье.
Не щещенно ли швой взорѣ горячности искалъ?
Не щещенно ль самѣ Аіаксѣ любви швоей ласкалъ?
Позволь, чшобѣ мной была судьба швоя рѣшенна.

МАРТЕЗІЯ.

Увы! почшо никѣмѣ сама ты не прельщенна,
Почшо не чувствуешь любви вѣ своей крови,
Почшо не знаешь силъ и нѣжностей любви?
Изобразила бы ты грусть мою сильнае,
Явила бы шоску и скорбь и страхъ яснае,

Тронула бы ево чувствительнѣе грудь,
 Нашла бы легче ты, Фалестра, къ сердцу путь;
 Но ежели оно собой долгъ позабываетъ,
 И дружба къ должности по сердце призываетъ,
 Съ оружіемъ ея къ Аіаксу ты поди,
 Спроси иль нѣшъ ко мнѣ Аіакса приведи.
 Передъ шобою онъ невиннымъ притворится,
 Не скажетъ истинны и въ мысляхъ ушайтся.
 Безстрастныя умы не могутъ примѣчать,
 Чемъ хищрыя сердца ловишь и уличать.
 Поди увѣрь меня, напастъ моя напрасна,
 Обманываюсь я иль подлинно несчастна.

(Ушла.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ФАЛЕСТРА одна.

Вотъ слѣдствіе моей любви и красоты,
 Спрадай за слабости, спрадай, Фалестра, ты,
 За нѣжности свои коварствомъ извлечены,
 За страшныя слова нескромно изречены,
 На муки многія гошовъ себя, гошовъ;
 Сражающся во мнѣ и дружба и любовь!
 Любовь являетъ мнѣ безчисленны забавы,
 А дружба вопіетъ: бѣги ея отравы.
 Но дружество любви покорствуетъ въ сей часъ!
 Умолкни нѣжна спрасъ, природы слышу гласъ!

Меч.

Мечшается теперь мнѣ въ мысли возмущенной
 Зракъ плачущей сестры, стелющейся, сокрушенной.
 Я слышу гласъ ея всходящей къ небесамъ,
 Кленущъ обѣхъ насъ просящей мести намъ,
 И небо надъ моею главою задрожитъ,
 Нигдѣ Аіаксъ, нигдѣ со мною не спасется;
 Все мнѣ велишь къ нему горячность истребить,
 А сердце мнѣ велишь еще ево любить,
 Но слабостямъ ево Фалестра непослушна,
 Страшна, недашлива, но я великодушна.

Я В Л Е Н І Е IV.

ФАЛЕСТРА и СЛАВЕНЪ.

СЛАВЕНЪ.

Мнѣ Локрїанской Князь любовь свою открылъ,
 Съ тобою о моей любви онъ говорилъ,
 Другъ другу вѣрили, другъ другу изъяснили;
 Коль много обѣ вы обѣхъ насъ плѣнили,
 Любима Князю ты и Князь тобой любимъ.
 Осталось нѣжностямъ сумнѣніе моимъ;
 А ежели оно сестрой твоей рѣшится,
 Желанье всѣхъ сердецъ и щастье совершится,
 Уже ль писвмомъ Аіаксъ надежду ей зашмилъ?

ФАЛЕСТРА.

Онъ не былъ никогда Царицъ сколько милъ;

Чѣмъ

Чѣмъ болѣ твой другъ любовь ея превожитъ,
 Тѣмъ болѣ она къ нему горячность множитъ;
 Нигдѣ къ спокойствію намъ дороги не видишь,
 Ты будешь рваться вѣкъ, я буду вѣкъ рыдатель.
 Надеждой сладкою мы щещно оба льшимся,
 Оставимъ ихъ сердца и къ нашимъ обратимся,
 Напомнимъ долгъ и честь и дружбу и родство,
 И мстящее сердца невѣрнымъ божество;
 Вооружи меня нещасливымъ радѣя,
 Прошиву сильнаго сердца людскимъ злодѣя;
 Вооружи меня и силы мнѣ яви,
 Прошивъ самъ себя, прошивъ самъ себя любви.

СЛАВЕНЪ.

И такъ любовныхъ узъ, Княжна, ты неизбежна,
 Избравъ посредника любви не надежна,
 Безсиленъ я шебѣ, Фалеспра, подражать,
 И самъ прошивъ себя злой рокъ вооружаешь;
 Различными спрасшми мой разумъ обладаетъ,
 А спрасшь къ швоей сестрѣ и разумъ побѣждаетъ,
 Довольно я и такъ мученія пренесъ,
 Довольно я вздыхалъ, довольно пролилъ слезъ;
 Успѣховъ наконецъ желаньямъ вашимъ чаялъ,
 Царевну не любилъ, Діаксъ шобою шаялъ,
 И вылилась моя надежда изъ шого;
 Ахъ! есть ли чтонибудь безвиннѣе сего?

ФАЛЕСТРА.

Винна ль въ моей любви, винна ль и я хоть мало,
 О! небо, для чего ты чувства мнѣ давало,

Что съ язвою любви всегда сопряжено,
 МиѢ все то претерпѣшь судьбой положено;
 Въ цвѣтущей младости всемѢ сердцемѢ распалишься,
 И дѣвамѢ свойственнымъ веселій удалишься.
 Имѣшь любовника, любимой быши имѢ,
 И забывашь ево и разлучашься съ нимѢ;
 А къ пущимѢ бѣдствіямѢ взаимной нашей страсти,
 Имѣшь соперницу и бышь у ней во власти,
 Таишь любовь для ней, что мило все терашь,
 На потеряніе съ терпѣніемѢ зриашь!
 О! ты, совмѣстница блистательнаго прона,
 Подательница намѢ любовнаго закона,
 ПріятенѢ ли тебѢ огонь шакихъ сердецѢ,
 Которой страхъ и смерть приносишѢ наконецѢ?
 Не умножай вражды передѢ своимѢ престоломѢ,
 И къ славѢ собщеннѣй надѢ слабымѢ сжалься поломѢ:
 Терзающе двухъ сестрѢ судьбину разрѣши,
 И въ комѢ нибудь изѢ двухъ ихѢ пламень потуши.
 АгаксѢ! почшо взманилѢ мой духѢ желанной часпью,
 Я обманулѢ меня Мартезиною спраспью.

СЛАВЕНЪ.

АхѢ! естли бѢ не обманѢ АгаксѢ умислѢ былѢ,
 Никто бѢ изѢ насѢ никто нещасно не любилѢ.

ФАЛЕСТРА.

Не намѢ о щаспїи, не намѢ о дружбѢ мыслишь,
 Пришли часы спрадашь и многи бѣдства числишь.

И что прудишь всѣхъ законовъ и наукъ ,
 Одолѣвашъ любовь и не являши мукъ ;
 Удобна ль я къ тому сама еще не знаю ,
 Но сердце укрѣпляешь всей силой начинаю .
 Когда жъ сумнишелевъ побѣды сей успѣхъ ,
 Минъ будешь люта смерть вѣнцемъ мученій всѣхъ .
 Сбѣдаема своей горячностью изною ,
 Однако честь моя , Славенъ , умрешь со мною .

СЛАВЕНЪ.

Аіакса вѣсть сія какъ молнія сразитъ ,
 Съ какою жалостью онъ въ мысляхъ вобразитъ
 Терзаему тебя , безгласну , блѣдну , мертву ,
 Любезну жизнь твою Царицѣ данну въ жершву ;
 Онъ спанетъ духъ ея презрѣніемъ шерзашъ ,
 И будшо Фурія ей сердце угрызашъ ,
 Онъ шѣнь твою всегда въ очахъ своихъ имѣя ,
 Изъ друга учинишъ ужаснаго злодѣя ,
 Коль сердце нѣжное любовной огнь зажетъ ,
 То правилъ никакихъ въ досадѣ небрежетъ .

ΘАЛЕСТРА.

Примѣра мужества въ тебѣ не обрѣшаю ,
 Съ шобой бесѣдуя я спрасью пуще шаю ;
 Любовны слабости и нѣжности скривай ,
 Кажи геройской духъ , оковы разрывай ,
 И бѣдную сестру вообрази на мысли ,
 Опасности мои и спрась ея исчисли ;

Ошчаянѣ , шоску , взаимную любовь ,
 И вспомни ты, что въ насъ одна въ обѣихъ кровь,
 Поди изъ мыслей вонъ мечтаніе любезно ,
 Ты вредно дружеству и сердцу бесполезно ;
 Преодолюсь себя и Князя покушусь ,
 Но сердца своего безмѣрно я спрашусь.

С Л А В Е Н Ъ .

Оставь, Княжна, оставь намѣренье такое.

Ф А Л Е С Т Р А .

Мнѣ честь моя велишъ оставить всѣхъ въ покоѣ.

(Уходитъ)

Я В Л Е Н І Е V.

С Л А В Е Н Ъ *одинъ.*

Прелестная любовь, дражайшей даръ небесъ,
 Источникъ радостей, источникъ горькихъ слезъ ;
 Смѣшеніе забавъ , печалей и мученій ,
 О ! предусавница суешь и попеченій.
 Колю смертнымъ швой законъ любовь необходимъ,
 Колю всякой человекъ другъ къ другу склоненъ имъ ;
 Почто не можешь ты сердцамъ людскимъ коснуться,
 Чшобъ имъ ушѣхою твоей не обмануться ,
 И шѣ пріятности , которы намъ сулишь ,
 Почто въ слезахъ встрѣчаешь и покидаешь велишь ?
 Чье сердце сладку жизнь и щасливу вкушаетъ ,
 Любовь ево зазжетъ и щасшью помѣшаетъ.

Я добродѣтели одной законы чнилъ,
А нынѣ дорого свободу заплашилъ.
Пришла моя напасть, о! праведные боги,
Къ спокойствію моему пресѣклись всѣ дорѣги;
Надежда рушилась, нигдѣ оспрады нѣшѣ,
Едва изъ темныхъ тучъ блеснулъ надежды свѣшѣ,
Мгновенно скрылся онѣ, рокѣ грусти мнѣ прибавилъ,
Польстивъ и ни слѣда къ оспрадѣ не оставилъ.
О! взорѣ, пріятной взорѣ, о! пагубная страшѣ,
На что корона мнѣ, на что мнѣ царска властѣ,
Великолѣпное шакое украшенье,
Монархамѣ слабое вѣ любви ушѣшенье;
Дороже мнѣ вѣнца одинѣ царидынѣ взглядѣ,
О шы мучительной, о! сладкой сердцу ядѣ,
Жестокая любовь случаямѣ противляйся,
Иль вѣ сердцѣ шы замри и вѣкѣ не оживляйся.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРТЕЗІЯ и ФАЛЕСТРА.

МАРТЕЗІЯ.

Еще Аіакса нѣшь . . . Ахъ! знашь я имъ забвенна,
Изъ глазъ твоихъ напасъ моя мнѣ ошкровенна.
Не будешъ онъ ко мнѣ . . .

ФАЛЕСТРА.

Увидишь ты ево;
Почтенія къ тебѣ не руша своево,
Имѣешъ полную мысль, Аіаксъ, благодареньемъ,
Смущается твоимъ единымъ подозрѣнемъ.

МАРТЕЗІЯ.

Не извѣстилась ли, Фалестра, гдѣ нибудь,
Не пронуша ль ево иной красою грудь:
Не жершвуешъ ли онъ меня другой невѣстѣ,
Что ты примѣшила, когда была съ нимъ вмѣстѣ?

ФАЛЕСТРА.

Ошкроешся тебѣ любовникъ твой во всемъ,
И свѣдаешъ, сильна ль къ тебѣ горячность въ немъ.
Но полно разными сомнѣньями шерзашься;
Не шакъ ли хочешъ ты Аіаксу показашься,
Опри потоки слезъ, уйми, уйми свой стонъ.

МАРТЕЗІЯ.

Пускай потоки слезъ, пускай увидишь онъ,

Узнá-

Узнаётъ черезъ нихъ, что малое сумнѣнье
 О вѣрности ево, мнѣ тяжкое мученье;
 Ахъ! естли онъ еще умножитъ грусть мою,
 Въ послѣдней разъ, Княжна, ты зришь сестру свою.

Ф А Л Е С Т Р А.

Сей пламенной любви къ Аяксу не дивлюся,
 Но царь къ тебѣ идетъ, скрѣпись, я удалюся.
 (Ушла.)

Я В Л Е Н І Е П.

МАРТЕЗІЯ и АІЯКСЪ.

МАРТЕЗІЯ.

Толико вѣрно мной и страстно бывъ любимъ,
 Тыль мнѣ совѣтуешь, вступаши въ бракъ съ другимъ?
 Примѣшь мое лице, примѣшь глаза прискорбны;
 Они смятеніемъ душъ моей подобны,
 Примѣшь, одумайся, раскаянье яви,
 Гдѣ жалость находишь, коль нѣтъ ее въ любви?
 Твое опсущствіе мнѣ слезы приключаетъ,
 Пришесствіе швое и пуще огорчаетъ.
 Все вижу новое, лице швое, швой взглядъ,
 Уже не нѣжности, шеперь являющъ хладъ.
 Не шотъ поступокъ швой, не шѣ плабненны взоры,
 Кошоры въ спрасши намъ служили въ разговоры;
 Иль спавишь ты мое смятеніе игрой?
 Въ недоумѣннн разсудокъ гибнешъ мой!

По семъ писаніи прочтенномъ въ горькомъ плачѣ ,
 Твоя задумчивость сумнительна ипаче ;
 Когда меня въ любви моей ты искушалъ ,
 Почему и самъ себя сперва не вопрошалъ ?
 Въ какомъ смяшеніи сердца тогда бываешь ,
 Когда невинно ихъ въ любви подозрѣваешь ;
 А еспьли сей софѣтъ нелицемѣренъ былъ ,
 Давно ль ты честь свою и жаръ свой испребилъ ?

АІЯКСЪ.

На вѣки въ памяти моей запечатлѣнны ;
 Твои услуги мнѣ и милости явленны ,
 Твои спаранія , любовь ко мнѣ швоя ,
 И знаки дружества чѣмъ жизнь спаслась моя ;
 Достоинства швои мой разумъ удивляють ,
 И шайны предъ шбой скрывать не позволяють .
 Взаимную напастъ и бѣдство для сердець
 Мнѣ должно разрывать пришворство наконецъ ;
 Заранѣ шренецу и мучусь несстерпимо .
 Но ахъ ! признаніе сіе необходимо ,
 Почшимся оба мы собою обладашь :
 Мы должны навсегда другъ друга покидашь .

МАРТЕЗІЯ.

Ахъ ! варваръ , чѣмъ шебѣ я столько согрубила ,
 Тебя невѣрнаго , какъ душу я любила ;
 Чево я не могла и въ мысляхъ вображать ,
 Ошѣ вѣрной хочешь ты любовницы бѣжать .

Какую мнѣ сулишь и скуку и мученье,
Воображаемо съ тобою разлученье,
И можно ль сердце чѣмъ тогда увеселять;
Коль будущъ насъ моря пространны раздѣляшь.
Я спану шѣхъ минутъ забывшись дожидаться,
Вѣ кошорыя съ тобой привыкла я видашься:
Минушы прошекутъ и день и годъ минеть,
Аіакса съ плачущей Марнезіею нѣшь.
Черезъ грусти, черезъ плачь вѣкъ помной повлечешся,
Онѣ спанешъ увядашъ и вскорѣ пресѣчешся.
Но что я говорю! шужа о смертномъ снѣ,
Ты смерти, можешъ бышь, сей часъ желаешъ мнѣ;
Я жизнью, можешъ бышь, давно тебѣ скучаю,
И слухъ твой спраспными словами огорчаю;
Не примѣчаешъ ты ни жалосныхъ рѣчей,
Ни спона шяжкаго, ни плачущихъ очей.
Къ неожиданой и шяжкой сердцу ранѣ,
Когда бы ты меня приготовадѣ заранѣ;
Холодношь бы швоя хощъ мучила меня,
Мой жаръ бы изчезалѣ и гасъ бы день ошѣ дня;
Но вѣ часъ, когда конца мученьямъ уповала,
Когда уже себя супругомъ называла,
Когда преняшшвія не видно спало намъ,
Разбитой флотъ пришелъ спокойно къ сѣмъ странамъ,
И вѣшры смолкнули и небо укрошилось,
Твой жаръ ко мнѣ проспылѣ и сердце ошврашилось.
А І Я К С ъ .
О! ешшли бы свой жаръ умѣлѣ я пошущашъ,
И склонноспи свои по волѣ обращаешъ,

Любишь ково хочу и мысль имѣшь послушну ;
 Мартезію бѣ одну любилъ великодушну ,
 Не воспаменялась бы моя иною кровь ,
 Миѣ благодарность бы служила за любовь ;
 Коль сердце бы мое въ своей имѣлъ я власпи ,
 Я спрасъю бы плашилъ швоей любовной спрасши .
 Но видно естъ предѣлъ подобно какъ всему ,
 Любви и склонносѣямъ и сердцу моему .
 Всѣ ласки я швои , всю нѣжность воображаю ,
 И зря швои красы ихъ цѣну умножаю .
 Я знаю , что не лъзя миѣ чести не губя ,
 Любишь ково нибудь , любишь опричь себя .
 Ты права больше всѣхъ имѣешь надомною ,
 Но другомъ лишъ моимъ бышь можешь , не женою .
 Къ признанью дальному не нудь меня , не нудь ,
 Неблагодарнаго Аіѣкса позабудь ;
 Не стбю слезъ швоихъ , не стбю сожалѣнья ,
 И стбю шолько я свирѣпства и ошмщенья .

МАРТЕЗІЯ

Возможно ль , чшобы я измѣнницей была !
 Погибни все , когда тебѣ я не мила .
 На свѣшѣ безъ тебя не надобна миѣ слава ,
 Ни скипетръ , ни престолъ , ни щасъе , ни держава ;
 И ешьли къ свѣшу я привязываюсь чѣмъ ,
 Не царства льстѣяшъ меня , но что миѣ милъ шы въ немъ .
 За часъ предѣ симъ , за часъ вселенну забывала ,
 Въ тебѣ одномъ друзей и ближнихъ признавала ,

За часѣ ласкалась я щасливую судьбой,
 Хотя въ пустыхъ степеняхъ жила бы я съ тобой,
 Миѣ только при шебѣ и свѣшѣ казался ясенѣ;
 А нынѣ ты одинѣ во свѣшѣ миѣ ужасенѣ.
 Ты, съ кѣмѣ я свыклася непринужденна бышь,
 Ты можешь ласки всѣ и нѣжности забышь.
 Наказывай меня, спремись, измѣнникѣ, въ звѣрство,
 За то, что я почла любовью лицемѣрство,
 Что я въ присушствіи своемѣ тебя терплю,
 И видя швой обманѣ, еще тебя люблю.

А І Я К С Ъ.

Не съ тѣмѣ я и пришелѣ, чтобѣ спрасными рѣчами,
 Скрышь сердце чистое и мысли предѣ очами;
 Другой бы, можетѣ бышь, шебѣ въ ошвѣшѣ сказалѣ,
 Чшо сердце онѣ съ тобой невольно обязалѣ;
 Другой бы нѣжности швоей не востревожилѣ,
 И можетѣ бышь, любовь пришворной лаской множилѣ.
 Я кончишь сей обманѣ хочу въ единый разѣ
 И кроющей шебя шуманѣ отгнашь опѣ глазѣ.
 Теперь уже меня, шеперь возненавидишь,
 Мучишеля во миѣ, преступника шы видишь,
 Которой спрасшь являлѣ пришворную всегда,
 Не любилеалѣ шебя всемѣ сердцемѣ никогда.

МАРТЕЗІЯ.

Не любилвалѣ меня! что жѣ дѣлалѣ шы, мучишель?
 О! вѣчной горести и слезѣ миѣ приключишель!
 Когда еѣ любви моей увѣришься не смѣлѣ,
 И съ робостью взиралѣ, сѣю ль шы мысль имѣлѣ?
 Когда

Когда ты клялся мнѣ, вспомни шу минушу,
 И ушишенную мгновенно бурю люшу.
 Знать слышима была богами рѣчь швоя,
 И знать обманушы и боги шакѣ какѣ я.
 Не любливалѣ меня, коль слово шо ужасно,
 Для нѣжныхъ шѣхъ сердецѣ, которы любяшѣ страстно,
 Но ахѣ! когда пришекѣ со мною вѣ сей ты градѣ,
 То кѣмѣ прельщамѣ былѣ вспревоженной шввой
 взглядѣ?

Предѣ кѣмѣ глаза шввой слезами обливались,
 И кѣмѣ сшенанія изѣ сѣрдца вырывались?
 Искышь вездѣ ково, сѣ кѣмѣ часто емѣспѣ бышь,
 То ненавиждѣшь ли скажи или любишь.
 Сколь были веселы шевѣ мои чертоги,
 Тому свидѣтели Славенѣ, сеспра и боги.
 Когда любовь ко мнѣ шевя влекла шогда,
 То не было любви толь страстной никогда;
 А ешьли не любовь, шо было лицемѣршво,
 Такѣ весь поступокѣ шввой, не добродѣшедѣ, звѣршво.

А І Я К С Ъ.

Коль ты признаніемѣ моимѣ огорчена,
 Давай злодѣйскія шеперь мнѣ имена;
 Я все гомоеѣ сносишь и слушаешь безопасно,
 Не гнѣвѣ ужасенѣ шввой, молчанье мнѣ ужасно.
 Гомоеѣ сносишь, но спрасшь пришворную казашь,
 Но сѣрдце безѣ любви вѣ неволю обзашь,
 Не чувствую себя кѣ сей хитрости удобнымѣ.
 Не почишай меня нежалостнымѣ и злобнымѣ,

Лишаюся тебя, шertzаясь и сшеня,
Но рокъ мнѣ шакъ велишѣ.

МАРТЕЗІЯ.

Не покидай меня.

Внемли мой шяжкой сонѣ, внемли мое рыданье,
Примѣшь смущенной видѣ и блѣдность и спраданье.
Волнуешься мой духѣ, кипишѣ вся кровь моя,
Взгляни шы на меня и зри какѣ мучусь я;
Не покидай меня, шебя, мой князь, лишишьяся,
Тяжелѣ во сто кратѣ, чѣмѣ сѣ жизнью разлучишьяся;
Хотя бы услаждалѣ рѣчами шы мой слухѣ,
Хотябѣ возрѣнїемѣ швоимѣ пишался духѣ;
Хоть склонностью швоей ласкашьяся бы не смѣла,
Пускай бы завсегда вѣ глазахѣ шебя имѣла,
Пускай бы вѣ мысляхѣ сихѣ меня шы ушвердилѣ;
Чшо не любовь шебя, ея шы побѣдилѣ,
Чшо слабостью моей играшь немилосердо
Не ненависть велишѣ, велѣло сердце швердо,
Чшо шы хранилѣ ко мнѣ почтенїе одно,
Но страши не имѣлѣ.

ЛІЯКСЪ.

Но шрасшенѣ я давно,

МАРТЕЗІЯ.

Другою шы прельщенѣ? а я шобой прельщенна?

ЛІЯКСЪ.

Рази преступника и будешь шомощенна.

МАРТЕЗІЯ.

О! боги! шперпите ль шакую наглость вы,
И варварство сѣе и рѣчи шаковы,

Дѣля

126 МАРТЕЗИЯ И ФАЛЕСТРА

Дѣля со мной любовь онѣ вами заклинался,
Ругаясь любви и вами наругался!
Злодѣй, незнающей ни чести ни боговъ,
Бѣги отъ глазъ моихъ, бѣги отъ сихъ береговъ,
Волнуется вся кровь и мракъ меня объемлетъ.

АІЯКСЪ.

Не рвись . . .

*(Въ сіе время Фалестра показывается,
Аіяхсъ хочетъ помочь дать Мартезін,
но она отвратяся отъ него.)*

МАРТЕЗИЯ.

Бѣги, мой слухъ рѣчей своихъ не внемлетъ.

*(Аіяхсъ выходитъ съ холоднымъ видомъ,
Мартезія, глядящая ему въ слѣдъ, Фалестрѣ.)*

Увы! сестра моя.

ФАЛЕСТРА.

Къ чему сей шажкой стоишь.

МАРТЕЗИЯ.

Съ какой холодношью, Фалестра, вышелъ онѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРТЕЗИЯ и ФАЛЕСТРА.

ФАЛЕСТРА.

Сама велѣла ны, чинобъ Князь сей удалися.

МАРТЕЗИЯ.

Не покраснѣлся онѣ, ушелъ и не простился:

Поди

Поди скорѣй, поди Аіакса удержи,
 Чшо я прошу ево, невѣрному скажи:
 Но ахъ! ужè шеперь вся ласка бесполезна,
 Въ сїе время бросается съ отчаяніемъ въ кресла,
 и лотомъ:
 Чшо здѣлалось со мной!

ОАЛЕСТРА. *

* бросаясь въ объятіе къ Мартезіи
 Сестра моя любезна!

МАРТЕЗІЯ.

Рви, мучь, шерзай меня, губи, губи несчастну,
 Вѣщай скорый, вѣщай мнѣ тайну преужасну.
 Прошу себя, прошу рыдая и спеня,
 Скажи, кто жизнь мою похишилъ у меня?
 Скажи кто честь мою и славу кто отъемлетъ,
 И чшо Аіаксѣ въ своей измѣнѣ предпріемлетъ.

ОАЛЕСТРА.

Аіаксѣ мнѣ слово далъ сїи красы забыть,
 И чесши слѣдуя, одну тебя любишь.

МАРТЕЗІЯ.

Могла ли шы сему измѣннику повѣришь,
 Которой навикалъ годѣ цѣлой лицемѣришь?
 Изъ словѣ опчаянныхъ, изъ горькихъ слезѣ моихъ,
 Изъ грусти, изъ шоски и воздыханій сихъ;
 Ты вшедъ ко мнѣ въ чершогѣ примѣшила конечно,
 Чшо мы распшались съ нимъ увы! распшались вѣчно.

Любезная сестра, коль горько покидашь,
 Ково привыкли мы по всякой часѣ видашь!
 И будучи кому супругой нареченной,
 Мгновенно быши съ нимѣ на вѣки разлученной,
 Хопя бы шѣмѣ душа успокоилась моя,
 Чшобы участницу любви узнала я.

ФАЛЕСТРА.

Какое вѣ шайнѣ сей спокойствіе предвидишь,
 Не уменьша шоски, ее возненавидишь,
 И станушѣ грудь твою двѣ скорьби разрывашь,
 Отѣ двухѣ мучителей ты станешь умирашь.
 Пускай одинѣ Аіаксѣ тебѣ злодѣемѣ зрится,
 Онѣ, можешѣ бышь, оная съ шобою примиришеся.

МАРТЕЗІЯ.

Я знаю, что меня шоль искренно любя,
 Возвращнымѣ щастіемѣ ласкаешь ты себя:
 Но мы обманушы, сестра моя любезна,
 Шпаранье и шруды, не слабосіе намѣ полезна;
 Почшимся истребить всѣхѣ нашихѣ бѣдѣ шворда.
 Перемѣняешь ты, Фалестра, двѣшѣ лица!

(Возстагѣ и бросагся жѣ ней.)

Скажи, сестра моя, скажи чистосердечно,
 Совмѣстницу любви ты вѣдаешь конечно;
 Увы! я можешѣ бышь, и друга вѣ ней сыду,
 Или умру предѣ ней, иль вѣ ярости ошмцу;
 Скажи миѣ кшо она!

Θ Α Λ Ε Σ Τ Ρ Α .

О! мѹки прѣжешпоки ,

Соединимъ свой спонъ , смѣшаемъ слезъ попоки .

Я В Л Е Н І Е І V .

Т Ъ Ж Ъ и С Л А В Е Н Ъ .

С Л А В Е Н Ъ .

Такого зрѣлица не могъ я вображать ,
Я слыша плачь и спонъ не въ силахъ слезъ здержать .

М А Р Т Е З І Я .

Не въ силахъ ты , злодѣй , отъ плача удержаться ,
А силы ты имѣлъ на насъ вооружаться ,
Умѣлъ подвластное мнѣ сердце похищать ,
Прошивъ желанія свое мнѣ обѣщать ;
Къ слезамъ , кого любишь , равно что ненавидѣшь ;
Иль слѣдствія пришелъ своихъ желаній видѣшь ;
Взгляни на грусть мою , на слѣзы ты мои ,
На блѣдность , на шоску , вошъ слѣдствія сѣи .
Мучишель , веселись успѣхами своими ;
Ты слезъ моихъ желалъ , пишайся варваръ ими .

С Л А В Е Н Ъ .

Я слезъ своихъ желалъ ! я спалъ въ числѣ враговъ !
Когда я за себя всю кровь пролишь готовъ ;
Когда меня и сей поступокъ поражаетъ ,
Что безъ тебя Аіаксъ опселъ опрѣвжжастъ .

ФАЛЕСТРА.

Аѳякъсѣ.

МАРТЕЗІЯ.

А ты пришелъ мое мученье зрѣшь,
 И плачущу скорбѣй принудишь умереть;
 Увидишь ты се. Скажи сему злодѣю,
 Скажи, что я еще сама собой владѣю;
 Что я сама собой обманѣ ево опмѣду,
 Пошерянной покой и славу возвращу.
 Скажи, что сей кинжалъ. . .

*(хочетъ заколоться.)***СЛАВЕНЪ.***(удерживаетъ ея.)*

Ахъ! сжался надѣ собою.

ФАЛЕСТРА.

Иль мало мы своей наказаны судьбою.

МАРТЕЗІЯ.

На что желаете, чтобъ долѣ я жилъ,
 Ахъ! можешъ ли мнѣ быть прощивна жизнь милъ;
 Оставше вы меня, не мучте, не терзайте,
 И лезью въ сердце мнѣ кинжаловѣ не вонзайте;
 Мнѣ представляешся несчастій многихъ видѣ,
 Ругательства, позорѣ, презрѣніе и стыдѣ.
 Прошедшее меня и мучитъ и терзаетъ,
 Предбудущее мысль и сердце угрызаетъ!
 На что я ни взгляну, что въ мысль ни вображу,
 Лишь только въ смерти я спасенье нахожу;
 Зрю всѣ мои бѣды любовью ослабленна,
 Съ какимъ презрѣніемъ внимаешъ вся вселенна.

Лю.

Любовь, которую Аїяксъ во мнѣ зажегъ,
 Какъ иѣжности мои забылъ и пренебрегъ?
 А къ пущей мнѣ шокъ и больше къ жизни слезной,
 Мнѣ зришся щастливымъ Аїяксъ съ своей любезной;
 Онъ, можетъ бышь, сей часъ приноситъ кляшвы ей,
 Забышь меня, а я не вѣдаю о ней.

СЛАВЕНЪ.

Сумнѣнїе меня превожитъ начинаетъ,
 Мартезія еще соперницы не знаетъ:
 На что шаишь, когда ево извѣстна спрасть;
 Онъ хочетъ здѣсь предъ ней въ послѣдней разъ упасть.

МАРТЕЗІЯ.

Она въ чертогахъ здѣсь! она шеперь со мною!
 Мушился мысль моя сугубой сей виною.
 Пойду, совмѣстницу любви моей сыщу,
 И всѣ Аїяксовы вины на ней опмщу.
 Но кто она и гдѣ ково возненавижу?
 Я слышу спрашной громъ, но шучь нигдѣ не вижу.
 Скажите мнѣ шеперь, скажите вы о ней,
 Иль узрите сей часъ кинжалъ въ груди моей!
 Скажите, гдѣ она? я словѣ не повшоряю.

СЛАВЕНЪ.

(указавъ на Фалестру.)

Ты видишь здѣсь ее.

ФАЛЕСТРА.

(улавъ безъ памяти въ руки
 хъ Амазонкамъ.)

Увы! я умираю.

И 2

МАР-

МАРТЕЗІЯ.

Ахъ! въ комъ открылась мнѣ соперница моя.

О! злая Фурія.

СЛАВЕНЪ.

Она сестра швоя.

*(Фалестру выводятъ.)***МАРТЕЗІЯ.**

Иль мнѣ, иль ей не жить, теперь сіе рѣшится.

*(уходитъ.)***СЛАВЕНЪ.**

Постой въ моей странѣ, сего не совершится.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЛАВЕНЪ и АІЯКСЪ.

АІЯКСЪ.

Могу ль войши къ КняжиѢ, увижусь ли я съ нею?

СЛАВЕНЪ.

Что здѣлаалъ ты, Аіаксъ, нескромностью своею?

Почто успѣховѢ я любви моей искалъ,

И ахъ! почто своею невѣрности ласкалъ?

Мартезіа, нося въ груди и смерть и муки,

На небо мечешь взоръ, вздыхаешь, ломишь руки;

Смущенъ и шрепешенъ едва я удержалъ,

Надъ сердцемъ у нее поставленной кинжалъ.

Оалестра горести своей не покидаешь,

Взирая на сесстру, шерзается, рыдаешь;

Не заспавляй друзей, не заспавляй спрадашь.

АІЯКСЪ.

И шакъ ужъ миѢ моей любезной не видашь!

СЛАВЕНЪ.

Хоть какъ ни горко миѢ надежды бышь лишенну,

Но горше видѢшь миѢ Царицу сокрушенну,

И слышашъ вопль ее всходящей до небесъ,

ЗрѢшь блѣдное лице въ потокахъ горькихъ слезъ.

И 3

Мы

Мы только къ жизни тѣмъ безгласну возвращаемъ,
 Что удержишь тебя во градѣ обѣщаемъ.
 Ахъ! ешьли бы я къмъ любимъ шoliko былъ;
 Съ какой горячностію взаимно бы любилъ!

А І Я К С Ъ.

Скажи, могу ли я надѣяться и льстишься,
 Съ моей любезною въ послѣдней разѣ простишься?

С Л А В Е Н Ъ.

Когда я слѣзы зрѣлъ и плачѣ со всѣхъ сторонъ,
 Когда мой слухъ пронзалъ отъсюду тяжкой стонъ;
 Свиданье испросишь удобно ли мнѣ было,
 Желанье бы швое и больше согрубило:
 Сшенящихъ, плачущихъ доднесь не покидалъ,
 И утоленія тоски ихъ ожидалъ,
 Рыданья кончились, шенанья ушпилились,
 И силы первыя печали уменьшились,
 Царица началъ свой разумъ укрѣплять,
 Спокойное лице сквозь шоки слезъ являть;
 Желаніямъ швоимъ свободу позволяетъ,
 Но видѣться еще сама съ тобой желаетъ.

А І Я К С Ъ.

Сте свиданье мнѣ не принесешь ушѣхъ,
 И можешь разрушать любви швоей успѣхъ;
 На что и случай сей и время упускаешь,
 Отчаянной любви почшо ты не ласкаешь?

СЛАВЕНЪ.

Не такъ, Аѳяксъ, суди о сердцѣ твоемъ,
 Не можешь никогда родиться хитрость въ немъ;
 Во всѣхъ моихъ дѣлахъ, чему и ты свидѣтель,
 Свѣдѣло и законъ едина добродѣтель;
 Дукавства не могу для тѣхъ употребить,
 Въ комъ честность нахожу, ково начну любить,
 Съ моимъ опечесствомъ равны мои мнѣ други,
 Ихъ пользѣ отдаю и жизнь и всѣ услуги;
 Спокойство ихъ блюсти, ихъ славу защищать,
 Печали ихъ дѣлать, веселья не смущать,
 Хранишь почтеніе и сердце справедливо,
 Смотрѣшь на слабости сердечны терпѣливо,
 Вотъ правила мои, которыя никогда
 Не могушь приключать ни грусти ни вреда.
 Съ лютейшей горестью Мартезіи лишаюсь,
 Но зла не мыслю ей, хоть много сокрушаюсь.
 Узнавъ безмѣрную любовь ее къ тебѣ;
 Я сердцемъ положилъ и мыслями въ себѣ,
 До смерти обожать къ любви моей несклонну,
 Могу ль по шомъ дерзнуть на хитрость незаконну?

АІЯКСЪ.

Не рѣдко спрась у насъ превожитъ и умы,
 Не рѣдко въ робости шеряемъ щастье мы;
 Послѣдовалъ бы я совѣтамъ препознымъ,
 И далъ бы видъ иной такимъ случаямъ слезнымъ:
 Но въ самой горести сквозь мракъ сердешныхъ шучь,
 Являешь очамъ надежды слабой лучъ,

И нашимъ скучнымъ днямъ премѣну обѣщаешь.

СЛАВЕНЪ.

Ничто надеждою меня не обольщаешь,

И сердца не могу опрадою манишь.

ЛІЯКСЪ.

Все время окончатъ, все можешь премѣнить;
 На все отважуся въ поскѣ моей безмѣрной,
 Внимаю намѣренья мои, о! другъ мой вѣрной,
 Лишаемся своихъ возлюбленныхъ невѣстѣ,
 Но можешь премѣнить судьбину мой ошѣздѣ;
 Не вѣдаешь преняшшѣ, кто любишь чрезвычайно,
 Намѣренъ я Княжну опселя похишишь тайно,
 И пущь себѣ въ справы далеки опворя,
 Съ Фалестрой убѣжать за дальнїя моря;
 Мартезія безъ насъ оставленна во градѣ,
 Не спраши слѣдовать здѣсь будешь, но досадѣ!
 Когда опчаяще надежду умершвишь,
 Кошорая сердца ласкаетъ и живишь,
 Со временемъ оно хладѣетъ понемногу,
 И выберетъ къ нему другая спрашь дорбгу;
 Монаршеской престолѣ, держава и вѣнецѣ,
 Бывають иногда заразами сердецѣ.

СЛАВЕНЪ.

Ты хочешь самъ себя ошъ грозныхъ шучѣ избавишь,
 И миѣ единому удары ихъ опспавишь.

Когда Мартезію едва не умершвилъ,

Что ей нечаянной ошѣздѣ швой объявилъ;

Какѣ

Какіе ужасы наполнятъ воображенье ,
 Узнавъ толикое себѣ уничтоженье !
 Какими поразятъ ударами ее ,
 Злодѣйство сесшрино , презрѣніе швое :
 И что Мартезія о мнѣ тогда помыслишѣ ?
 Иль въ ярости меня къ злодѣямъ не причислишѣ .
 На здѣшнихъ берегахъ печаль отсюды зря ,
 Покажущся ли ей глубокими моря ,
 Алкающей душѣ доставишь насыщенье ,
 За вами попечешѣ ее повсюду мщенье .
 Нѣшѣ , Князь , оставъ сѣ намѣренье , оставъ ,
 Меня безчестія , себя спыда избавъ .

ДІЯКСЪ.

Когда любовники надѣ чувствами не власны ,
 Совѣщы для сердецъ обязанныхъ напрасны .
 Стени , коль хочешь ты въ нещастіи своемъ ,
 Лишь не препящивуй мнѣ въ намѣреньи моемъ ;
 Опасности побой и бѣдства воображенны ,
 Всѣ мной исчислены и всѣ пренебреженны .

СЛАВЕНЪ.

Я слышу плачѣ и стонѣ , Мартезія идешѣ .

ДІЯКСЪ.

Не сихъ печальныхъ глазѣ Діаксѣ нещастной ждешѣ .

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЬ и МАРТЕЗІЯ.

(Съ Амазонками за нею слѣдующими.)

МАРТЕЗІЯ.

О! вы лѣющія горчайши слезны рѣки,
 Когда затворишь глаза мои на вѣки!
 Мучительная страсть, о! рокъ, свирѣпой рокъ,
 Преображается любовь моя въ порокъ.
 Спешаща, плачуща и слабостямъ подвластна,
 На подданныхъ моихъ спыжусь взглянушь несчастна!
 Спыжусь сама себя, спыжуся здѣшнихъ стѣнъ,
 Встрѣчаю со спыдомъ глаза твои, Славенъ.
 А ты источникъ бѣдъ и всей моей напасти,
 Причина слезъ моихъ и сей позорной страсти,
 Хотя ни искры нѣтъ ко мнѣ швоей любви,
 И ненависть одна является въ крови,
 Хотя сердце полное мученія имѣю;
 Сердишься на себя, жестокой, не умѣю,
 Не съ тѣмъ являюся, Аяксъ, очамъ твоимъ,
 Чшобъ тягость и шоску хощѣла здѣлашь имъ;
 Но только испросишь за всѣ мои страданья,
 При сихъ свидѣтеляхъ любви оправданья:
 Чшо ежели къ тебѣ любовь моя сильна,
 Не слабостью во мнѣ произвелась она;
 Но въ шѣ часы, когда я сердцемъ возгорѣла,
 Взаимную въ тебѣ горячность прежде зрѣла,

Которую теперь обманомъ ты нарекъ,
 Которой стала я несчастлива на вѣкъ.
 И что причиною любовнаго разрыва,
 Твоя невѣрность, ласкъ, обманъ и клятва лжива.

ДІЯКСЪ.

Разительны сѣи, Мартезія, слова,
 Ни совѣсть, ни любовь моя не такова;
 Колю боги склонности сердца мѣ опредѣляютъ,
 Они передъ тобой меня и оправдаютъ,
 Они мнѣ дѣйствіе Фалестриныхъ заразъ,
 Велѣли чувствовашъ свиданья въ первой разъ,
 И взгляды первые мой разумъ полонили,
 Свободу ошляли и сердце вспламенили.
 Я страхъ свою шалѣ, я силы собиралъ,
 А жаръ мой множился и плуце возгоралъ.
 Ни жару моему не лзя мнѣ противляться,
 Ни плѣнникомъ своимъ не можно мнѣ являться,
 Ни мысли прѣучишь, ни сердцу повелѣшь,
 Тобою страшноу бышь, Фалестрою не шлѣшь.
 Жестокимъ пламенемъ съ Фалестрой мы разженны,
 Съ ней вѣчныя у насъ обѣщы положенны,
 Другъ друга вѣкъ любишь. И мнишь въ жизни сей
 Фалестра для меня рожденна, я для ней;
 Захочешь ли сердца невинны возпревожишь,
 Смушишь спокойство ихъ и муки ихъ умножишь?

МАРТЕЗІЯ.

Конечно, государь, невиненъ ты въ любви,
 Меня несчастную въ ней виновно зови.

Мнѣ

Мнѣ къ горести моей еще сердца мечтались,
Гдѣ искры чести и совѣсти остались.
Я думала, что льзя въ любви щасливой бышь,
Я думала, что льзя всегда равно любишь:
Но я тебѣ пеняшь не буду и не смѣю;
Однако вѣдай ты, что я любишь умѣю,
Что добродѣтелью за злобу я плачу,
И вашей радости превожить не хочу.
Владѣй, Аїяксѣ, владѣй любезною своею,
Пускай измѣнница послѣдуетъ злодѣю.
Два сердца люшья на вѣкъ соединя,
Пишайше ядѣ и злостѣ, забудше вы меня,
Забудше вы меня обѣимъ бесполезну,
Одна сестру свою, другой свою любезну:
Ни васъ я не могу, ни вы меня любите,
Почтимоя навсегда другъ друга позабыть.
Но ты ли премѣнять любовницѣ перестанешь,
Подобно какъ меня, сестру мою обманешь,
И будетъ, можешъ бышь, рожденіе клемя,
Она въ пустыхъ степяхъ оплакивать меня,
По камнямъ, по лѣсамъ въ отчаянье спремится,
И солнце для ее плачевныхъ глазъ зашмишся.
Хоть поздно, но тогда вообразишся ей,
Чего лишила я нещасная опѣ ней,
Однако часть сія измѣнницѣ пристойна,
Она мученій всѣхъ, она себя достойна!
Возьми опѣ глазъ моихъ, возьми сію змѣю,
И больше дѣшу вы не мучше ужѣ мою.

Сокройшесь отъ меня, измѣнники, бѣгите,
И мнѣ иль жизнь спасши иль кончишь помогите.
Поди скорѣй отсель . . . постой, Аіаксъ, прости!

СЛАВЕНЪ.

Плачевна зрѣлица не въ силахъ я снести.
О! ты, копорю мои всѣ чувства пѣнины,
Будь щаслива, имѣй ты мысли укрѣплены,
Да боги, кои зло и благо подающъ,
На жизнь твою покой и радость проліющъ!
Да въ здравіи твой вѣкъ и въ славѣ процвѣшаетъ,
И вѣчна пишина съ тобой да обитаетъ!
А ты, копорой столь благополученъ былъ,
И вѣрную свою любовницу забылъ,
Коль щасье намъ себя во всѣхъ лучахъ являетъ,
Не рѣдко насъ оно сѣднемъ ослабляетъ,
Моею помощью ласкаешся вошце,
Ты больше мнѣ не другъ.

АІАКСЪ.

Я другъ тебѣ еще.

Я сердца отдавать въ семъ воли не имѣю,
Но дружбу жертвовать достоинствамъ умѣю;
Въ опчальнѣ меня и въ грусти не оставь.

СЛАВЕНЪ.

Я буду другъ тебѣ, но сердце ты исправь.

(Ушель.)

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРТЕЗІЯ И АІЯКСЪ.

АІЯКСЪ.

Уже мнѣ въ дружбѣ нѣтъ ни малаго успѣха,
 Въ любви осталася послѣдняя утѣха:
 Всево лишаешь ты меня любовь моя.

(Мартезіи.)

Могу ль хоть ласкою своею льститься я.

МАРТЕЗІЯ.

Возьми сестру мою, возьми пиранѣ съ собою,
 И съ нею слѣдуйте за щастливой судьбою.
 Желаю радости и славы больше ей,
 Чемъ пользовалась я отъ нѣжности своей.
 Ну, часъ пришелъ уже съ тобою разсказаться,
 Тебѣ веселье зрѣшь, мнѣ плакать и терзаться,
 Прости, Аіаксѣ, прости. Хотя сего не жду,
 Что я тебѣ на мысль когда нибудь приду:
 Но ежели тебѣ нечаянно предстану,
 Мечтай, что я грущу, поскую, спражду, вянущу.
 Представъ Мартезію при самомъ ты концѣ,
 Представъ померклой взорѣ и блѣдное лице!
 Воображай меня стелющу! сокрушенну!
 Смущенну! плачущу! и чувствѣ почти лишенну!
 Зовущую себя. Ахъ! нѣтъ, не льстися тѣмъ.
 Не буду воспоминашь я больше ни о чемъ,
 Забудь меня и ты, забудь, жестокой вѣчно,
 Увы! забудь и то, что ты мнѣ милъ сердечно.

ЯВЛЕ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЬ и ФАЛЕСТРА.

ФАЛЕСТРА.

Любезная сестра, прости вину мою!

(Стремительно бросается на колѣни.)

Прости рыдающую у ногъ сестру швою,

Не злобствуй на меня.

МАРТЕЗІЯ.

Еще ль ты въ люшой злобѣ,

Пришла меня перзашь споящую при гробѣ,

Послѣднее мое спокойство покидашь.

ФАЛЕСТРА.

Нѣтъ, я пришла швое спокойство возвращать;

Я съ тайнымъ ужасомъ на спрась мою взираю,

Я размысленіе чѣмъ далъ проспираю,

Тѣмъ больше бѣдспія въ любви нахожу,

Которою себя и честь мою врежу.

Отвсюду слышатся мнѣ вопли и спенанья,

Всемибно кажущся болѣзни и спраданья.

Тревожись душа, мянешся мысль моя,

Тоску, опчаянье во всеми предвижу я.

Тебя зрю мучиму, а муки сей причина,

Источникъ и вина, о! небо, я едина.

Всечасно я съ моею любовію борюсь,

Всечасно плѣнницей ее и пуще зрюсь.

Всѣ чувствія она душевны попустила,

И разсужденія и здравія лишила.

Не

Не можно инако изъ сердца выгнать ядъ,
Какъ сей погибельной на вѣкъ оставишь градъ.

АІЯКСЪ.

Оставь сомнѣнїе, Княжна моя любезна,
Перемѣняешь судьбина наша слезна;
Мартезія Любовь не спавишъ намъ виной.
Иль ты не сжалишься, Эалестра, надо мной?

ЭАЛЕСТРА.

Хотя лишаясь васъ слезами спану лишься.
Но должно мнѣ въ сей день опселъ удалиться.

АІЯКСЪ.

Какая странна мысль во умѣ къ тебѣ впекала,
Ты смерть мою своимъ опѣвдомъ нарекла!

МАРТЕЗІЯ.

Вся горестъ опощла я жалостъ ощущаю.
Живите въ щастїи, обѣихъ васъ прощаю!

ЭАЛЕСТРА.

Ахъ! полно щастїемъ обманывать себя,
Пишашъ позорну страсть и возмущашъ тебя;
Уже несносны мнѣ сіи прискорбны взоры,
Ошвѣпы шемные, печальны разговоры,
И вздохи шяжкіе, тоска и грусть сія,
Которы зрю вездѣ, куда явлюся я.
Увы! во всѣхъ сердцахъ любовь ко мнѣ проспыла,
Я спала всѣмъ и ахъ! сама себѣ поспыла.
Причину многихъ слезъ опѣвдомъ опшину,
А можешъ бышь по томъ я плачь и свой уйму.

Позволь сокрышься мнѣ , сестра моя любезна ,
Разлука тяжела , но намѣ она полезна ,
Позволь отбѣхашь мнѣ , корабль уже готовѣ.

ЛІЯКСЪ.

Какъ ! ты любовника мѣняешь на враговѣ.

ФАЛЕСТРА.

Не будушѣ зрѣшь меня на свѣтѣ чловѣки ,
(Мартезѣи.)

Скроюся отѣ нихѣ. Прости , прости на вѣки ,
Храни любовь ко мнѣ не памяшуй досадѣ.

ЛІЯКСЪ.

Разверзись подо мной скоряе шемный адѣ !
И поглати меня , не такѣ мнѣ то ужасно ,
Какѣ страшнѣ сей отбѣздѣ.

МАРТЕЗІЯ.

Ахѣ ! какѣ онѣ любитѣ страшно.

ФАЛЕСТРА.

А ты , кошорой мнѣ всѣ скорби приключилѣ ,
Лишилѣ опечесшва , сѣ сестрою разлучилѣ ;
Забудь меня , и знай , что я любила вѣрно ,
Что сердцу моему еше ты милѣ безмѣрно ,
Что я вѣ пуши моемѣ тебя изѣ слезныхѣ глазѣ ,
Не буду выпускашѣ ни на единой часѣ .

Но ежели шоской сѣѣдаема не свяну ,
Одолѣвашѣ любовь колико можно спану .

А ежели и ты равно меня любилѣ ,
И ешьли подлиннѣ послушенѣ вѣ страсти былѣ :

І

Прошу

Прощу тебя! отдай то сердце ей обратно,
Которымъ обладашь мнѣ было споль пріятно,
Люби ее всегда и забывай меня.

Увы! скрываешься въ моря свѣшило дня,
Пришли часы, пришли жестокиа разлуки.
Прости сестра моя, твои дѣлаю руки!
Прости и ты мой Князь!

ДІЯКСЪ.

(Бросая на колѣни.)

Коль жизнь моя нужна,
Коль умершвишь меня не хочешь, ты Княжна,
Не покидай меня опчаянна, смущенна,
Отверженна опѣ всѣхъ, шобой одной прельщенна,
Которой въ свѣшѣ жишь не можешъ безъ тебя!

ФАЛЕСТРА.

Сноси несчастія несчастную любя.

ДІЯКСЪ.

(Воставъ.)

Увы! уходишь ты. О жалостны минушы!
Колико нѣжному любовнику вы люшы!

(Подбѣжавъ къ Мартезїи.)

Проси сестру свою, проси для слезъ моихъ,
Чтобы она бреговѣ не покидала сихъ:
Она твоихъ свирѣисшеѣ и мщенья убѣгаешъ,
И для тебя она меня пренебрегаешъ.

МАРТЕЗІЯ.

Не шолько я хочу Фалестру удержашъ,
Сама намѣрена въ семѣ дѣлѣ подражашъ.

Коль

(Фалестрѣ.)

Коль ты ласкаешься ко мнѣ нелицемѣрно ,
 Коль слѣзы искренны, когда и сердце вѣрно :
 Природа дѣйствуетъ взаимно во крови ,
 И дружба верхъ беретъ надъ силою любви ,
 Пойдемъ въ престольный градъ, и будемъ неразлучны.

АІЯКСЪ.

О! преужасный рокъ , минушы злополучны!
 И шакъ , любезная , оставишь ты меня.

ФАЛЕСТРА.

Оставляю я тебя рыдая и сменя!
 Но сердце пѣнное , чтобъ вновь не ослабѣло ,
 Которое уже смягчалось и робѣло ,
 Пойдемъ скорѣй отсель, любезной Князь, прости.

АІЯКСЪ.

Увы! возможно ль мнѣ шакой ударъ снести!

МАРТЕЗІЯ.

Пойдемъ готовишь флотъ предъ здѣшними стѣнами.

(Ушла.)

АІЯКСЪ.

(Фалестрѣ.)

Постой!

ФАЛЕСТРА.

Прости Аіаксъ , не слѣдуй ты за нами.

(Ушла.)

ЯВЛЕНІЕ V.

АГЯКСЪ *одинъ.*

Опчаянье, попка, свирѣпость и любовь,
 Смущающѣ весь мой умъ, и всю волнующѣ кровь!
 На что я ни взгляну, еѣ семѣ домѣ възрыдаю,
 Фалестры я не зрю, чево я ожидаю!
 Сокрылася она и скрылася свѣшѣ изѣ глазѣ,
 О! преужасной рокѣ, о! злополучной часѣ,
 Что дѣлалашь мнѣ теперь еѣ несносномѣ сокрушеньѣ?
 Тоску, мученіе и слѣзы и прошеніе,
 Я все употребилѣ жестокою любя,
 Осталося ошесель похишитѣ мнѣ шебя.
 Твоя измѣна мнѣ влагаетѣ мысли оны;
 Нарушу я и самѣ любовничьи законы.
 Но что же обо мнѣ шогда помыслишѣ свѣшѣ?
 Меня онѣ хищникомѣ любезной назовешѣ.
 Я долженѣ вредное намѣреніе покинуть,
 Но долженѣ напередѣ любовь изѣ сѣрдца вынуть;
 А шо спараніе прешрудно и богамѣ,
 Пойдемѣ еще, пойдемѣ упасѣ кѣ ея ногамѣ!
 Но ежели ничѣмѣ Фалестра не смягчится,
 Увы! могу ль на вѣкѣ я сѣ нею разлучиться.
 Грусь, жалость и любовь весь разумѣ мой дѣлалашѣ,
 Всево страшисься мнѣ и все начашѣ велашѣ.

Конецѣ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭЛЕСТРА и ЛІЯКСЪ.

ЭЛЕСТРА.

Мнѣ тайно убѣжашь! не льстися тѣмъ напрасно,
 Ни мысль моя къ тому, ни сердце не согласно;
 Къ безславію свою любезную не нудь,
 И сердце укрѣпя, забудь меня, забудь.

ЛІЯКСЪ.

И такъ не къ пользѣ мы другъ друга узнавали,
 Любили, мучились и слѣзы проливали,
 И можешь ты легко такой ударъ снести,
 Чшо я скажу тебѣ: въ послѣдней разѣ прости.
 Увы! близка отъ насъ сія судьбина люта,
 Не день, не часъ до ней, оспалася минуша.
 И скроешься Ліяксъ Элестры навсегда,
 Не встрѣшишь нигдѣ, нигдѣ и никогда.
 Уже я мыслями опсѣлъ отъбѣжжаю,
 И всю мою шоску и грѹсти воображаю.
 Колико горькихъ слезъ въ разлукѣ спѣну лишь,
 Коль часто небеса въ отчаяньи молишь,
 Чшобъ сердца моего болѣзни не шерзали,
 И жизнь мою они себѣ возвращеніе взяли!

Я стану къ симъ брегамъ рыдаючи взирашь,
 И рѹки шомныя и взоры простирашь.
 Но ахъ! не взвидя ихъ и пуще я опчаюсь,
 Возненавижу свѣшъ и симъ мечемъ скончаюсь;
 А шы оставшися спокойна еѢ сей странѢ,
 Во вѣки, можешъ быть, не вспомнишь обо мнѢ,
 Или вѢ пути своемъ друзьями окруженна,
 Ни малой жалостью не будешь пораженна.
 Такая мнѢ за страхъ опплаща опѢ себя,
 Чшо я кончаю жизнь шодъ пламенно любя!

ФАЛЕСТРА.

Жестокой, можешъ ли еще шы сомнѣваться,
 ЧшобѢ я могла безѢ слезѢ съ шобою разсаваться;
 Напомни все, чшо я сносила для тебя,
 Колико мучилась взаимно полюбя;
 Предсшавъ и вычислѢ мои несносны мѹки,
 Кошоры прешерпаю во время злой разлуки.
 ДѢлящее на вѣкъ съ шобою время насѢ
 Толико горько мнѢ, какѢ люшой смерти часѢ.
 О! солнце, шы моихъ сердечныхъ шайнѢ свидѣтель,
 Ты знаешъ, ешъли бы не чаа я добродѣтель;
 Могла ль бы для меня ушѣха больше быть,
 КакѢ бывѢ любимую самой ево любить!
 Но дружба и родство и честности усшавы,
 Увы! лишашѢ насѢ спокойства и забавы;
 Ко уполенію моей шоски яви,
 Чшо мы простилися вѢ послѣдней безѢ любви.

АІЯКСЪ.

Ты столько никогда мила мнѣ не бывала,
 Ты оны прелести, мнѣ кажешься, скрывала,
 Кошоры видяшся очамъ моимъ въ сей часъ,
 Обѣмлющей себя на вѣкъ отъ плѣнныхъ глазъ.
 Тоска несносная всю грудь мою обѣмлетъ,
 Я рвусь, а слезъ моихъ любезная не внемлетъ;
 Не послѣшай меня отселѣ высылать,
 Ты будешь, можешь бышь, чрезъ часъ того желать,
 Чтобъ я тебѣ скучалъ стenanьемъ и слезами,
 И былъ бы у тебя опять передъ глазами:
 Куда ни взглянешь ты въ печальной сей странѣ,
 Вездѣ, любезная, вспомнишь обо мнѣ,
 И къ мнѣ ты искренно всегда была любима,
 И вѣрность въ комъ была по смерти къ тебѣ хранима.
 Все премѣнится здѣсь и все возопіетъ:
 Оплачь свою любовь, Аіакса больше нѣтъ;
 Ты всѣ препятствія и дружбу разбираешь,
 Когда любовника на вѣки ты теряешь,
 Кошорой злой судьбы не можешь перенести,
 Кошораго печаль стремится въ гробъ низвести.
 Вообрази меня всѣхъ чувствъ моихъ лишена,
 Лишена жизни сей и въ прахъ преобращена,
 И представляй мою тоскующую тѣнь,
 Сменящу предъ тобой ночь каждую, каждой день.

ФАЛЕСТРА.

За что меня, Аіаксѣ, за что ты столько мучишь!

АІЯКСЪ.

Конечно казнь сію, конечно ты получишь.

Толико пламенно и бѣдшвенно любя,
 Могу ли жить одну минушу безъ тебя!
 Ты радостью моей и щасшьемъ почиталась;
 Никая мнѣ страна подъ солнцемъ не осталась,
 Въ которой бы я могъ убѣжище сыскать,
 Спокойство обрѣсти, отрадой духъ ласкать,
 И горькихъ слезъ не лишь во время злой разлуки,
 Вселенна безъ тебя полна шоски и скуки.
 Пріятнѣй свѣща мнѣ, пріятнѣй вѣчна шма:
 Во шму, во гробъ меня ссылаешь ты сама;
 И шакъ проси, Княжна, прервемъ шенанье скучно,
 Прости, любезная, живи благополучно!

ФАЛЕСТРА.

(Бросилась, рыдая ко Аіаксу)

Увы!

АІЯКСЪ.

Рыдаешь ты и мнѣ являешь шѣмъ,
 Чшо изгнанъ у тебя изъ сердца не совѣмъ:
 Я слышу шяжкой шонъ! я вижу слезны шок!
 Жалѣешь ты о мнѣ! о! рокъ.

ФАЛЕСТРА.

Часы жестоки!

АІЯКСЪ.

Побудь послѣдней часъ со мною на земли,
 Пойдемъ къ брегамъ, гдѣ ждуть Аіакса корабли.
 Я пушь сей орошу горьчайшими слезами,
 И буду провоженъ одними хошь глазами;

ВЪ

Въ послѣдней, очи шамъ другъ на друга взведемъ,
 Просшимся во слезахъ въ послѣдней разъ.

Θ А Л Е С Т Р А.

Пойдемъ.

Я В Л Е Н І Е II.

Т Ъ Ж Ъ и С Л А В Е Н Ъ.

С Л А В Е Н Ъ.

Поспой, Княжна.

Д І Я К С Ъ.

На что ее оставяешь?

С Л А В Е Н Ъ.

Или сестру свою, Θалестра, оставяешь,

И хочешь умертвить ее?

Θ А Л Е С Т Р А.

Увы сей часъ!

Діаксъ уже на вѣкъ оставитъ хочетъ насъ.

Д І Я К С Ъ.

Оставь о мнѣ, Славенъ, недружескія мысли,

Меня рушителемъ спокойствія не числи.

Во градъ семъ уже не будущъ слезы печь,

Отъбздомъ я хочу и плачъ и стонъ пресѣчь.

Я разлучаюся съ плачевной сей спраною,

Она идетъ къ брегамъ проснитъся шамъ со мною.

Θ А Л Е С Т Р А.

И больше не виданъ!

СЛАВЕНЪ.

Правители небесъ,

Скончайте всѣ бѣды, не множьте нашихъ слезъ!

ѠАЛЕСТРА.

Не могутъ боги намъ ничѣмъ шоски прибавить,

Увы! принуждены другъ друга мы оставить!

Но въ грусти мнѣ сестру не можно покидать,

Я скоро возвращусь съ ней вмѣстѣ возрыдавъ.

ДІЯКСЪ.

Прости, и вѣрь, что я швой другъ пребуду вѣчно.

*(ушли.)***СЛАВЕНЪ.**

Будь щасливъ, ешлы шы речешъ чистосердечно.

ЯВЛЕНІЕ Ш.**СЛАВЕНЪ** *одинъ.*

Различны ужасы мечшаются уму,

И страхъ разсыпался по сердцу моему;

Діаксъ изъ здѣшнихъ стѣнъ спѣшишь необычайно,

Изъ града онъ Княжну хощѣлъ похитить тайно.

(воину.)

Поди и примѣчай, куда пойдетъ Княжна,

Коль ваша помощь ей покажется нужна.

Подобно какъ меня Ѡалестру защищайте,

И всѣ опасности не робко отвращайте;

Но вы мучишелемъ не здѣлайте меня,

Давайте помощь ей, умѣренность храня.

Увы!

(воины выходятъ.)

Увы! лукавство я беру своимъ уставомъ,
Поступки таковы съ моимъ не сходны нравомъ.
Я чщу любовь, но ей подверженныхъ не чщу!
Мнѣ должно наблюдать сердечну чистоту,
И возвращать душамъ пошерянно спокойство;
Любовниковъ крушишь, Славенъ, швое ль то свѣдѣнїе?
Пойдемъ и воиновъ опять остановимъ,
И тающимъ сердцамъ досады не явимъ.
Могу ли я на то спокойно ополчиться,
Чему бы не желалъ со мною приключиться?
Но ежели Аїяксъ съ Фалестрой ушечетъ,
Ахъ! что Маршезія о мнѣ тогда речетъ?
Воспламеняшся въ ней свирѣпства укрощенны,
И будуще на мою невинность обращенны;
Молва тогда по всей вселенной зашумитъ,
И добрыхъ дѣлъ моихъ сіяніе зашмитъ;
А смерть, грозящая Царицѣ неосложно,
Сквозь ужасъ зришся мнѣ за дѣйствіе безбожно.
Пойдемъ, пойдемъ въ бѣдахъ ея предупредишь:
Но ахъ! я шѣмъ лицу Фалестрѣ повредишь.
Трепещетъ грудь моя и млѣетъ и томится,
Увы! Маршезія идетъ, могу ль шайтися,

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРТЕЗІЯ и СЛАВЕНЪ.

(Амазонки.)

МАРТЕЗІЯ.

Ни на минушу мой не умолкаешъ сонъ,
 Мечтаньи страшныя перерывающъ сонъ.
 Видѣніями я всечасно окруженна,
 И мысль моя въ шокъ несносной погруженна.
 Темнѣешъ зрѣніе, ослабѣваетъ гласъ.
 Славенъ, уже Аіаксъ совсѣмъ оставилъ насъ?

СЛАВЕНЪ.

Не давно здѣшніе оставилъ онъ чертоги.
 Но мнѣ за дружество и за услуги многи,
 Сія ль запаша вся еще въ моей странѣ,
 Что не хочѣла ты и вспомнишь обо мнѣ?
 А ешьли ты уже въ чужихъ предѣлахъ будешь,
 Ты имя вѣрнаго Славена позабудешь.
 Сего ли отъ себя другъ вѣрной ожидалъ,
 Которой въ горести съ тобою сострадалъ?
 Недастѣ дѣлалъ и жизнь проводишь скучну,
 Желая въ свѣтѣ зрѣшь тебя благополучну.
 Твой нравъ, Мартезія, мнѣ ясно откровенъ,
 Кто врагъ тебѣ, шопъ милъ; кто любишь, шопъ
 забвенъ.

МАРТЕЗІЯ.

Не жалуйся, Славенъ, на пѣнииду недастни,
 И дай хоть нѣсколько покоинъ дѣшу страшну,

Доколѣ времена печали ушолѣшъ,
 Которыя мой умъ смущаюшъ и дѣлашъ:
 Я долго въ сердцѣ спрѣхъ бесплодную пишала,
 И нечувствительна къ другому долгу спала;
 Но благодарною, мой Князь, умѣю бышь,
 Ахъ! естли бѣ я еще умѣла не любилъ.
 Пишаю въ сердцѣ шо, что въ мысляхъ ненавижу.
 О! вредная любовь . . . Но что сестры не вижу,
 Скажише гдѣ она?

СЛАВЕНЪ.

Аѣаксъ Княжной любимъ.

Она къ морскимъ брегамъ пошла простишся съ нимъ.

МАРТЕЗІЯ.

Пошла сестра моя!

СЛАВЕНЪ.

Терзаясь и рыдая,

Но спрѣхю своей и мыслью обладая,
 Аѣакса плачуца препровождаетъ въ пущь,
 Въ послѣдней вмѣстѣ съ нимъ во градѣ воздохнушъ.

МАРТЕЗІЯ.

Увы! опасно миѣ шакое сожалѣнье,
 И можешъ изъ него родиться преступленье.
 Сомнѣнье шяжкое изъ мыслей воспѣетъ,
 Спрашися новыхъ бѣдъ, оно миѣ вопіетъ.
 Пойдемъ, что медлишь намъ, пойдемъ за ними вскорѣ;
 Взбуншуйше въпры всѣ, восколебайся море!

СЛА-

СЛАВЕНЪ.

Напрасно разумъ твой въ сомнѣнїя вперенъ,
 Твой страхъ, Мартезія, Славеномъ предваренъ;
 Я войнамъ велѣлъ Княжны не удаляться,
 И злымъ намѣреньямъ во всемъ сопротивляться.

МАРТЕЗІЯ.

Великодушной Князь, довольна я тобой,
 Но власти не могу имѣши надъ собой.
 Тревожись мой духъ и сердце грусть объемлетъ,
 Совѣтовъ никакихъ оно шеперь не внемлетъ.
 Пойдемъ но кто идетъ, лїя пошоки слезъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЪ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Прежалостную вѣсть обѣимъ вамъ принесъ.

СЛАВЕНЪ.

Что здѣлалось еще?

МАРТЕЗІЯ.

Движеніе сердечно.

Вѣщаетъ, что сестры ужъ въ градъ нѣтъ конечно.

ВѢСТНИКЪ.

Лїякса и сестры твоей . . . на свѣтъ нѣтъ!

МАРТЕЗІЯ.

Увы!

СЛАВЕНЪ.

Какой ударъ!

МАРТЕЗІЯ.

Зашмись прошивной свѣтъ!

Ахъ!

Ахъ! вся моя шеперь судьбина совершилась,
Сестры, любовника и славы вдругъ лишилась.

СЛАВЕНЪ.

Сей вѣстью, какъ мечемъ ты сердце мнѣ пронзилъ,
Вѣдай, какой ударъ несчастныхъ поразилъ?

ВѢСТНИКЪ.

Едва настигъ я ихъ за градскою стѣною,
Мы всѣ за ними шли ко берегу съ шишиною.
Попуплена была Аіаксова глава,
Остановляла грусть въ устахъ его словъ;
Спенаньемъ иногда молчанье прерывалось,
Өалестрино лице слезами обливалось;
Князь руки у нея рыдая цѣловалъ,
И вмѣстѣ бѣхашъ въ путь ее увѣщевалъ;
На всѣ ево слова она не отвѣчала,
И пуще возрыдавъ стенища молчала.
Ужѣ Аіаксовъ флотъ являлся намъ въ виду;
Возчувствовала всю она тогда бѣду,
Котору люшая судьбина приключаетъ,
Какъ вѣрныя сердца на вѣки разлучаетъ.
Удвоилъ Князь тогда прошеніе свое,
Удвоилось тогда рыданіе ее!
Но вшайнѣ убѣжашъ она не соглашалась,
Ужѣ лющася слезами съ нимъ прощалась,
И вымолвишь опъ слезъ не могли ничего,
Приникла плачуца она къ грудямъ ево;

Не-

Несносная шоска ей сердце поражала,
 Безпамятна въ рукахъ Аіаксовыхъ лежала,
 Не видѣли мы шамъ изъ Докроевъ никою,
 И жалко зрѣлице намъ было шаково.
 Но вдругъ познали мы погибель совершенну,
 Влечетъ Аіаксъ къ брегамъ Фалестру чувствъ лишенну.
 Что прежде мрачная отъ насъ шаила ночь,
 Явились воины владѣшело помѣчь.
 Мы свяшо, Государь, приказъ швой наблюдали,
 На Докроевъ, взявшихъ въ плѣнъ Фалестру, нападали,
 Оружій многихъ стукъ и нашъ враждебный гласъ,
 Фалестру пробудилъ отъ крѣпка сна въ сей часъ.
 Прекрасной взоръ она со страхомъ поднимала,
 Причину бипвы сей съ досадою внимала;
 Хоть вырвалась изъ рукъ Аіаксовыхъ она,
 Еще любовникомъ была наспижена,
 Которой пенями, угрозами, прошенъемъ
 Склонялъ княжну и насъ вшоричнымъ возвращенъемъ:
 Но слыша отъ нее недружештвенну рѣчь,
 Мешался, воздыкалъ, и въ грудь вонзилъ свой мечъ!
 Увидя кровь ево, Фалестра поблѣднѣла,
 Мразъ въ кровь ее вспунилъ и вся оцепенѣла.
 Но то, что у другихъ всѣ силы прочъ беретъ,
 То крѣпость новую Фалестрѣ подаетъ.
 Опомнясь вопіетъ: подите прочъ шираны,
 И къ шѣлу прибѣжавъ, кровавой ищете раны;
 Одежду на себѣ во испуленъи рветъ,
 Аіакса голосомъ опчаяннымъ зоветъ,

Текущу кровь ево рукой остановляешъ ,
 Дыханьемъ устѣ своихъ безгласна оживляешъ ;
 Не слыша словъ его надъ шѣломъ симъ падешъ ,
 Въ кошоромъ живоша уже признаковъ иѣшъ ;
 Отверстыя уста и раны лобызаешъ ,
 Безмолвна, плачуща власы свои шерзаешъ ;
 Испоргнувъ наконецъ изъ сѣрдца сей кинжалъ ,
 Кошорымъ самъ себя любовникъ поражалъ ,
 Пронзила грудь свою ! Ихъ жарка кровь смѣшалась ;
 Но смерщью, кажешся, ихъ горестъ уменшалась ;
 Какъ будшо зрѣлися въ супружескомъ вѣдѣ ,
 Спокойшвіе у нихъ являлось на лицѣ .
 Славяне слѣзы льющъ и Локры шамъ рыдающъ ,
 Послѣдняго онѣ васъ приказа ожидающъ .

МАРТЕЗІЯ.

О ! смерщъ, ужасна смерщъ, ково ты опнила !
 Я двухъ любовниковъ изъ свѣша изнала .
 О ! шѣни жалосшны, о ! шѣни мнѣ любезны ,
 Не буду проливашъ для васъ пошоки слезны ;
 Другую жершву вамъ сулишъ моя любовь ,
 Прольешся и моя изъ страшна сѣрдца кровь ;
 Пущъ вмѣстѣ всѣхъ троихъ оплачешъ насъ вселенна ;
 Пойду кинжала ихъ искашь окровавленна ;
 Пускай онѣ всѣхъ троихъ въ сей день искоренишъ ,
 Онѣ разлучаешъ насъ , ахъ ! онѣ и сѣединишъ .

СЛАВЕНЪ.

Не множь , Мартезїя , моихъ печалей вѣчныхъ ,
 Не разшравляй моихъ глубокихъ ранъ сердечныхъ ;

К

Сей

Сей случай будешъ мнѣ всегдашнихъ слезъ виной,
Мнѣ боги казни шлюшъ, ты сжался надо мной.

МАРТЕЗІЯ.

Оставь меня, злодѣй, ты всѣхъ мнѣ мукъ содѣшель,
Ты ложную являлъ донинѣ добродѣшель;
Твоей поражена сестра моя рукой!

Ты всѣхъ насъ возмушилъ! ты опиялъ нашъ покой!
И вшайнѣ, можешъ бышь, подѣ видомъ нѣжной спрасши
Давно гошовилъ намъ ты всѣмъ шроимъ напасши.

СЛАВЕНЪ.

Ахъ! шѣмъ ли я злодѣй, что я себя спасалъ?

МАРТЕЗІЯ.

За чемъ ты воиновъ за ними посылалъ?

СЛАВЕНЪ.

Не славѣ ли швоей шѣ воины радѣли!
Безъ ихъ Аіакса мы не больше здѣсь бы зрѣли.
О! преужасной рокъ, о! злополучны дни.

МАРТЕЗІЯ.

Пускай бы скрылися отъ глазъ моихъ они:
Я шѣмъ бы мысль свою и сердце веселила,
Что съ ними ихъ любовь заочно бы дѣлила.
Теперь не буду ихъ уже во вѣки зрѣшь!
А ихъ лишенная, могу ль не умереть!
Я смерти ихъ виной въ семъ градѣ почитаюсь,
Но въ немъ еще живу и воздухомъ питаюсь!
Ахъ! что о мнѣ шеперь народы говоряшъ,
Которы ихъ шѣла окровавленны зрашъ;

Въ слезахъ и въ шрепетѣ на небеса взирающъ ,

Убійцею меня невинныхъ называющъ :

Я мыслямъ ихъ страшна, прошивна ихъ очамъ !

Пойду, ошдамъ себя на жертву ихъ мечамъ !

СЛАВЕНЪ.

Посшой, Мартезія, прейдушъ минушы спрѡги.

МАРТЕЗІЯ.

Сокройте отъ сего меня злодѣя боги !

Миѣ онѣ ужасенѣ шалѣ, и сей ужасенѣ градѣ,

Сей воздухъ, кажется, въ себѣ питаешѣ ядѣ.

(Амазонкамъ.)

Сокроемся отсель !

СЛАВЕНЪ.

Когда мой взорѣ скучаетѣ ,

Сей мечѣ шебѣ отмститѣ, онѣ жизнь мою скончаетѣ.

МАРТЕЗІЯ.

Поди изъ глазѣ, тиранѣ, храни для тѣхѣ свой мечѣ,

Которымѣ вѣкѣ чужой нежалостно пресѣчь !

Пускай онѣ кровь въ швоей державѣ проливаетѣ,

Нещасливыхѣ казнишѣ, невинныхѣ убиваетѣ !

Я вскорѣ удаюсь отъ страшной сей земли.

(Амазонкамъ.)

Пойдемѣ скоряй, пойдемѣ на наши корабли ;

Мой слухѣ со всѣхѣ сторонѣ, здѣсь вопль и слѣзы внем-
летѣ ,

Мой разумѣ у меня шоска моя отѣемлетѣ ;

Куда я скроюсь злодѣйшво учиня ?

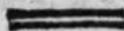
Здѣсь кровь невинная лѣется на меня !

Фалестринѣ слышу плачѣ , Аіаксово рыданье!
 Мнѣ представляешся при смерти ихѣ спраданье.
 Прешеммы облакѣ ошѣ нихѣ меня дѣлашѣ ,
 И боги на меня взирашѣ имѣ не веляшѣ ;
 Бѣгущѣ ошѣ глазѣ моихѣ , когда на нихѣ взираю!
 Хладѣешѣ грудь моя! взорѣ меркнешѣ! умираю.

СЛАВЕНЪ.

Спремилешъ небеса весь гнѣвъ свой вооружилъ,
 И выныше духѣ мой вонѣ , я не желаю жить.

Конецъ трагедіи.

БОРИСЛАВЪ

ТРАГЕДІЯ,

МИХАЙЛА ХЕРАСКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

БОРИСЛАВЪ, Царь Богемскій.

ФЛАВІЯ, дочь Царева.

ПРЕНЕСТЬ, князь Варяжскій.

ВАНДОРЬ, бояринъ.

РАТИМА, наперсница Флавїина.

ВЕЛЬМОЖИ и ВОИНЫ.

Дѣйствіе естъ въ Богемїи въ столичномъ городѣ.

БОРИСЛАВЪ

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

БОРИСЛАВЪ *одинъ.*

Нѣтъ сердцу моему покоя ни на часъ,
Всемѣстно слышишся мнѣ шомный нѣкій гласъ,
Который въ совѣсти меня изобличаетъ;
Иль небо скипетры на муки намъ вручаетъ!
Меня смущаетъ день, меня тревожитъ ночь!
Мечшанья спрашныя не отступаютъ прочь!
Бѣгу друзей моихъ, и ближнихъ ненавижу,
Въ крови шрепещущихъ Князей Богемскихъ вижу,
Которыхъ смертію пріобрѣшенъ мнѣ шронъ!
Повсюду слышишся мнѣ вопль; повсюду стонъ;
Убийства вопіютъ и казни велегласно:
Покайся Бориславъ! . . . Ахъ! каюсь я всечасно;
Терзаюсь совѣстью! — На чтожъ терзаюсь я? . .
Крѣпись и бодрствуй ты смущенна мысль моя!

Миѣль должно шрепешать закона и усшавовѣ,
 Предписанныхъ рабамъ для обузданья нравовѣ!
 Ошавимъ ихъ сшенащъ! — но ахъ! я самъ сшеню;
 Ошъ сердца горесши ничемъ не ошгоню;
 Въ унынїе вхожу, чшо дочь шому вручаю,
 Въ комъ новаго себѣ злодѣя получаю.
 Но нѣшъ, хошя миѣ дочь моя и дорога,
 Хошя Пренесшъ ей миѣ, я вижу въ немъ врага;
 Народомъ онъ любимъ; моей короной лсшищся;
 Сїя любовь ему въ погибель обрашщся;
 Пошлемъ его ошсель. . . .

ЯВЛЕНІЕ II.

БОРИСЛАВЪ и ВАНДОРЪ.

БОРИСЛАВЪ.

За чемъ ты Вандоръ вшелъ?

ВАНДОРЪ.

Великій Государь, я швой приказъ имѣлъ,
 Предсшать передъ шбой!

БОРИСЛАВЪ.

Будь грусти шой свидѣшель,
 Въ кошору погруженъ нещасшннй швой владѣшель;
 Зри сколько мучишся на пышномъ шрой Царь!

ВАНДОРЪ.

Не знаю грусти сей причины Государь.

БОРИСЛАВЪ.

Не знаешь, выдачи вездѣ слѣды измѣны!
 Всѣ полны улицы, всѣ полны градски стѣны
 Коварствѣ, смяшеніевѣ, злодѣйства, мятежа;
 Какъ въ адѣ мучусь я Богомїей княжа:
 Вошѣ миѣ ошѣ подданныхъ за всѣ труды ошплатѣ;
 Ахъ! подлинно, что шронѣ спокойной жизни шраша.

ВАНДОРЪ.

Но ктошѣ тебя мой Князь прогнѣваши дерзалѣ
 И оскорбленіе въ народѣ показалѣ?

БОРИСЛАВЪ.

Кшо сродникомѣ моимѣ, и другомѣ кшо объявленѣ,
 На шронѣ княжескомѣ равно со мной поставленѣ,
 Кому вручаю я единородну дочь,
 Ошѣ шрона моего шомѣ върность гонцшѣ прочѣ.

ВАНДОРЪ.

Твой другѣ, Пренестѣ швой другѣ?

БОРИСЛАВЪ.

Сшалѣ нынѣ миѣ злодѣемѣ!
 Вошѣ мы на что друзей и сродниковѣ имѣемѣ.
 Чемѣ ближе мы хопимѣ съ собою ихѣ равняшѣ,
 Тѣмѣ больше силѣ они у насѣ хопяшѣ ошпяшѣ,
 И шчасшьемѣ никакимѣ не будучи довольны,
 Взираюшѣ съ завистью на выгоды престольны,
 А кропкими себя въ народѣ пришвора,
 Злодѣйственную съшь сплешаюшѣ для Царя.

ВАНДОРЪ.

Пренестѣ злодѣемѣ спалѣ? могутъ шому повѣришь?
 Нѣтъ! честная душа не можетъ лицемерить.
 Прости мнѣ Государь, что слово шо изрекѣ;
 Ты Царь мой; шолько шы такой же человекѣ,
 Ты можешь бышь легко сумнѣнїемѣ обманушь;
 А жесвидѣтели шопѣ часѣ шебѣ предстанушь,
 Когда кого нибудѣ захочешѣ обвиняшь;
 Преспань, о Государь, намѣ грусти причиняшь!
 Взгляни на подданныхѣ, взгляни на ихѣ шы дома,
 Куда шы ни бросалѣ свои во гнѣвѣ громы;
 Завѣсу черную печаль просперла здѣсь,
 И взора швоего шрепещетѣ городѣ весь,
 Кошъ будешѣ Бориславѣ Пренесшу бѣдѣ содѣшель;
 Какая устоитѣ вѣ семѣ царствѣ добродѣшель?
 Терпѣнье, Государь, шы выведешѣ изѣ мѣрѣ;
 Варяжскїй Князь Пренестѣ, ешь истинны примѣрѣ,
 Онѣ крошокѣ, милосивѣ! . . .

БОРИСЛАВЪ.

Сего и ужасаюсь:

Я больше пишины, чемѣ бурей опасуюсь;
 Кажусь неправеднымѣ рамамѣ жестокѣ и строгѣ;
 Но злобныхѣ изшребляшь велишѣ законѣ и Богѣ.
 Забыли вы чемѣ я прешола спалѣ достоинѣ?
 Вѣнчаннй ранами и дѣлѣ геройшвомѣ воинѣ,
 Изшоргѣ державу я изѣ слабыхѣ оныхѣ рукѣ,
 Ошѣ коихѣ умолчалѣ Богемской славы звукѣ;

И ставъ отечества разстроена рачитель ,
 Злодѣямъ общества казался бышь мучитель .
 Миѣ нынѣ явно шо , любимъ колико я ,
 Почтены предо мной здѣсь Скифскіе Князья .

ВАНДОРЪ.

Ахъ ! естли наша кровь шебѣ нужна вѣ защишу ,
 Ты узришь за себя ее рѣками лишу .
 Коль скипетръ данъ шебѣ и княжескій вѣнецъ ,
 Мы дѣши всѣ швои , шы подданнымъ ошечъ .

БОРИСЛАВЪ.

Не крови жажду я , сего ширановѣ свойства ,
 Хочу отечеству и самъ себѣ спокойства ;
 Хочу я правдою прешолъ свой окружишь ,
 Щедроты проливашъ , и мечъ свой положишь ;
 Грызенью ихъ сердецъ враговъ моихъ оставишь ,
 Дни царства моего наградами прославишь ;
 Ни малаго я зла врагамъ не сошворю ;
 Моравскій древній градъ Пренешу я дарю ,
 Страны мечемъ моимъ державѣ покоренны ,
 Обильной жашвою и златомъ одаренны .
 Довольна шаковѣ для спраника шепенъ ,
 Скажи ему , чшобъ онѣ ошправился вѣ сей день ,
 И принялъ княжество , кошорое вручаю ,
 По шомъ я бракъ его съ Княжною окончаю .

ВАНДОРЪ.

Возплачешъ Князь сію услыша злую вѣсть ,
 И будетъ шаковѣ ему прошивна честь ;
 Не разлучай шы ихъ !

БОРИСЛАВЪ.

Не разлучу конечно ;

Миѣ внятнѣ самому мученіе сердечно ;
 Но гдѣ велишь намъ долгъ отечеству служить ,
 Тамъ спрaстну можно мысль и слабость отложить .
 Поди и пригошовъ обѣихъ ихъ къ разлукѣ .

ВАНДОРЪ.

И къ горестнымъ слезамъ, и къ несшерпимой мукѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

БОРИСЛАВЪ (одинъ.)

Пускай злодѣйствами возвысися мой пронѣ .
 Пускай миѣ слышища въ народѣ плачѣ и стонѣ ,
 Пускай вздыхающѣ все ; но былъ бы я спокоенъ !
 Духъ робкій царствовашъ конечно не достоенъ ,
 Къ кровопролитію , къ злодѣйствамъ я привыкъ ,
 И въ свѣтѣ здѣлаася пороками великъ ;
 Миѣль жалоспливу бышь! . . Свои ширанства скрою ,
 И качества явлю присшойныя герою ,
 Отъ Флавіи се Пренесша ошдалю ,
 И тайною рукой заочно погублю :
 Но знаю то , что дщерь передо мной возстонетъ ;
 О духъ мой, иль себя и женска слабость пронетъ ?
 Когда въ злодѣйствахъ я не шрепешалъ небесъ ,
 Могуль дѣвическихъ бояшися я слезъ ?

Сцени нещасна дочь и не щади пы спона;
Дороже мнѣ шебя мой скипетръ и корона.

ЯВЛЕНІЕ IV.

БОРИСЛАВЪ, ФЛАВІЯ и РАТИМА.

ФЛАВІЯ.

При тѣхъ веселостяхъ, кошорыхъ я ждала,
Проси мнѣ, что къ тебѣ печальна я пришла.
Я льстилась, что сей день любовь мою вѣнчаетъ;
А онъ меня съ моимъ любезнымъ разлучаетъ!

БОРИСЛАВЪ.

Разлука шаковѣ тебѣ и мнѣ нужна,
И радовашь тебя, не огорчашь должна.
Коль женской склонности горячность и причина
Лишь только страсть одна, шакъ слабость шо едина.
Довольно ужъ на васъ разбѣлось клеветѣ,
За кои должно мнѣ народу дашь отвѣтѣ;
До нынѣ бури тѣ еще не укрощенны,
Что были на меня отъсюду обращенны;
До нынѣ кроушѣ ядъ злодѣйскія сердца,
Завидующія сѣянью вѣнца;
Заочно судашь насъ, мои поступки числятѣ,
Что я ни дѣлаю, о всемъ разврашно мыслятѣ.
Прошивающійся врагъ спокойству моему
Внушилъ велможамъ шо и городу всему,

Что

Что я отечество свое пренебрегаю,
 Въ несчастьи подданныхъ блаженство полагаю;
 Что рода Царскаго и ближнихъ не любя,
 Вручаю Скифскому пришельду я себя,
 Который у Варягъ межъ льдистыми горами,
 Для нагихъ грабежей воспитанъ со звѣрами,
 Который странной къ намъ судьбою привлеченъ;
 Но мною будучи на княжество взведенъ,
 Получивъ швой Пренесъ и средство и свободу
 Увѣришь подданныхъ, что онъ не врагъ народу;
 Черезъ шо злодѣйскія сумнѣнья изшребимъ.

ФЛАВІЯ.

Се Скифъ, о Государь! народомъ всемъ любимъ;
 На что изпышывашъ его душевны нравы?
 Не ради грабежей рожденъ онъ, ради славы.
 Вандоромъ обо мнѣ въ ихъ царствѣ извѣщенъ,
 И мною будучи заочно онъ прельщенъ,
 Пришелъ въ сей градъ, ты здѣсь его какъ друга встрѣ-
 шилъ;
 Ты прежде никакихъ въ немъ варварствъ не примѣшилъ;
 Меня любивъ его ты вскорѣ пріучилъ;
 Я душу отдала, онъ сердце мнѣ вручилъ;
 Не обличай ты въ томъ суровую природу,
 Кто другъ тебѣ, мнѣ милъ, и милъ всему народу.

БОРИСЛАВЪ.

Что Князь народу милъ, пускай заслужитъ шо;
 Отъ мысли сей меня не отвращивъ ничто;

Сердечныя слабости я строго опшметаю,
 И шолько истинныя заслуги почитаю.
 Ты помни, Флавія, что я шебѣ опещѣ,
 И знаю на какой все дѣлаю конецѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ФЛАВІЯ и РАТИМА.

ФЛАВІЯ.

Дщерь здѣшняго Царя, и Князю обрученна,
 Любима имѣ, должна я быши огорченна?
 Конечно не должна! но шо порокѣ Царей,
 Что жершвуютѣ они всемѣ гордости своей;
 Законы подають любовной нѣжной спрасши,
 И склонности хотяшѣ своей подвергнушѣ власти.
 Мы должны быше свое почши забышѣ,
 И ахѣ! по волѣ ихѣ спрягашѣся и любить.
 На что намѣ чувствія даются опѣ природы,
 Когда имѣ слѣдовать нѣшѣ воли, ни свободы?
 А ты которая свободна бышѣ должна,
 Любовь! ты наче всѣхѣ спрасшей ушѣсна.

РАТИМА.

Не сердце возмушишѣ, не духѣ швой возпревожишѣ,
 Князья веселости швой спремяшѣся множишѣ;
 Предай во всемѣ опцу судьбину своему.

ФЛАВІЯ.

Ум! кѣ нещастію призывкла я кѣ нему!

Сму-

Смущенный царскій взглядъ его и пламенные взоры,
 Не свойственны съ моей любовью разговоры,
 Холодность иѣкая примѣченная въ немъ,
 Увѣрили меня въ несчастіи моемъ;
 Погибла я на вѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и ПРЕНЕСТЪ.

ФЛАВІЯ.

Увы! мой Князь любезный,
 Взгляни на грусть мою! взгляни на шокъ мой слезный.

ПРЕНЕСТЪ.

Отъбемляюсь отъ твоихъ на долго я очей!

ФЛАВІЯ.

Отъбемлется отъ глазъ свѣтъ солнечныхъ лучей,
 Они мой князь, меня, они тогда прельщаютъ,
 Когда меня съ тобой въ семь градъ освѣщаютъ;
 Весь городъ будетъ пустъ, и ляжетъ шма надъ нимъ,
 Когда я разлучусь съ возлюбленнымъ моимъ.

На что намъ княжества? любовныя законы

И вѣрныя сердца, намъ щастье и короны.

Ахъ! можетъ ли мнѣ быть спелень мила твоя,

Когда черезъ нее себя лишаюсь я?

ПРЕНЕСТЪ.

И можноль мнѣ тогда княженемъ утѣшаться,

Когда велишь оно и мнѣ тебя лишаться?

Не

Не шиплами себя я въ сей спранѣ ласкалѣ,
 Я сердца своего и дружества искалѣ.
 Пойдушѣ ли чести въ умѣ лишенному любезной!
 Увы! я буду Князь народу бесполезной:
 Унынье и шоска шуда, не княжій судѣ,
 За мной вздыхающимѣ къ правленію пойдушѣ;
 Не шребую ошѣ васѣ сокровищей, ни града,
 Я шребую себя, и вошѣ моя награда!

ФЛАВІЯ.

Что сердце чувствуемѣ, любезный Князь, швое,
 Увы! то чувствуемѣ подобно и мое;
 Ахѣ! чувствуемѣ оно взаимное мученье,
 Взаимна шрасть у насѣ, равно и огорченье.

ПРЕНЕСТѢ.

Пойду сѣ опчаянемѣ, сѣ мученіемѣ моимѣ,
 Пойду, повергнуся передѣ опцемѣ швоимѣ,
 Изчислю передѣ нимѣ шпенанія и мѣки,
 Произпекаючи ошѣ люшья разлуки;
 Когда не варварѣ онѣ, то швердосшь словѣ моихѣ,
 Изображеніе шраданіевѣ швоихѣ,
 И прозьбы всѣхѣ вельможѣ смягчатѣ его конечно;
 Увидишѣ онѣ, какѣ я люблю себя сердечно,
 И что миѣ княжества милые шы сто разѣ.

ФЛАВІЯ.

Увидишѣ всю шоску и грусь изѣ шѣхѣ онѣ глазѣ,

Которы въ свѣтѣ всѣ веселья ненавидятъ,
 Когда они себя передъ собой не видятъ;
 Поди мой Князь, поди, напасши опирай.

ПРЕНЕСТЬ.

О небо! въ радости печали превращай.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЛАВІЯ и РАТИМА.

ФЛАВІЯ.

Свершилось все теперь, что я ни предвѣщала:
 Почто мнѣ радости надежда обѣщала!
 Неотвратимая пришла ко мнѣ бѣда,
 Увы! любезнаго лишаюсь на всегда.

РАТИМА.

Отецъ твой самъ тебя любовнику вручаетъ.

ФЛАВІЯ.

Мнѣ муки новыя отецъ мой приключаетъ:
 Онъ Князя шиплами высокими почтилъ;
 Но видѣшья ему со мною запретилъ,
 Доколь къ отбѣзду онъ совсемъ не утвердится,
 И намъ позволено съ нимъ только лишь простишья.

РАТИМА.

Какая же тебѣ опасность въ ономъ есть,
 Что твой любезный Князь приобрѣшаетъ честь?
 Державы княжеской на пышномъ сѣвъ престолѣ,
 Царевна! онъ тебя достоинъ будетъ болѣ.

ФЛАВІЯ.

Благополучна ты, что ты въ своей крови
 Не знаешь иѣжности и горестей любви,
 Не чувствуешь тѣхъ мукъ что рокъ намъ приключаетъ,
 Когда любовниковъ на долго разлучаетъ.

РАТИМА.

Я только мучусь тѣмъ, что спраждешь ты Княжна.

ФЛАВІЯ.

Я рвась! я спрадась! я слезы лишь должна,
 Пренестъ идетъ! увь! . . . Князь! . . . я себя лишаюсь!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЪ и ПРЕНЕСТЪ.

ПРЕНЕСТЪ.

Нѣтъ я съ тобой еще, Царевна, не прощаюсь;
 Оспавь опчаянье и горестей не множь;
 Къ спраданію о мнѣ я всѣхъ склонилъ вельможъ,
 Царевы сродники въ мою тоску вступились,
 Они просишь его всѣ купно успремились:
 Чшобъ онъ иль мой опѣвдѣ отсюда опмѣнилъ,
 Иль прежде бы меня съ тобой соединилъ,
 И наши пламенны сердца тѣмъ успокоилъ.

ФЛАВІЯ.

Ты симъ прошеніемъ вину свою удвоилъ;

На край шы пропасти меня влечешъ съ собой,
 Постраждушъ всѣ шеперь, и шы, и я съ шобой,
 Узнаешъ Царь, что мы съ шобою вмѣстѣ были;
 Мы спрасшью пламенной другъ друга погубили.

П Р Е Н Е С Т Ъ .

Пустымъ сумнѣніемъ тревожишь шы себя,
 Царь вѣдаешъ о томъ, что я люблю тебя.
 Онъ вѣдаешъ, что мнѣ минушы драгоцѣнны
 Съ шобой текущія, и вмѣстѣ провожденны;
 Пускай онъ княжесшва вельможамъ раздаешъ,
 Пускай онъ милосши на подданныхъ прольешъ;
 Пускай щедротами себя во свѣстѣ славитъ,
 А мнѣ сокровище одно, тебя оставитъ!
 Другова для меня нѣштъ въ царствѣ у него.

Ф Л А В І Я .

Не внемлетъ онъ въ своемъ упрямствѣ ничего,
 Безсильны передъ нимъ его вельможи, други,
 И надобны ему шеперь твои заслуги.

П Р Е Н Е С Т Ъ .

Иль мало я себя заслугами прославилъ?
 Свое опечество для сей спраны оставилъ;
 Оставилъ сродниковъ, и брата, и царя,
 И снѣги я прешелъ, и дальныя моря.
 Не ваши княжества влекли меня пространны,
 Во область швоему опцу богами данны;

Но слухомъ прелестей своихъ сюда влеченъ,
 Съ тобою былъ, Княжна, заочно обрученъ;
 Збылось то, что мое мнѣ сердце возеѣшило,
 Твое лице меня въ мгновение прельстило;
 Но только не збылось, чемъ я себя ласкалъ,
 Здѣсь рушатъ мой покой, котораго искалъ.

ФЛАВІЯ.

Здѣсь сердце ты нашелъ тобою возпаленно,
 И бышь несчастными намъ здѣсь опредѣленно.
 Минута смущенная, ты скоро прищечешь,
 И пущія ты намъ напасти навлечешь!

ПРЕНЕСТЬ.

Несчастныхъ небеса подъ свой покровъ пріемлютъ.

ФЛАВІЯ.

Не всякой разъ они степенью бѣдныхъ внемлютъ.
 Перуны близки къ намъ и вскорѣ возгремятъ,
 И райски наши дни намъ въ шаршаръ премѣнятъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЪ и ВАНДОРЪ.

ВАНДОРЪ.

Сокройтесе опселя любовники несчастны!
 Влечете на себя вы казни преужасны:
 Царь множествомъ своихъ вельможей окруженъ,
 Казааься яростью и гнѣвомъ разозженъ;

Мы всѣ его о васѣ молили со слезами:
 Онѣ распаленными взиралѣ на насѣ глазами;
 Теперь вѣ смяшеніе нашѣ дворѣ приходишѣ весь,
 Царѣ вѣдаетшѣ о томѣ, что вы сошлись здѣсь.
 Свиданіе сіе для васѣ не оспорожно:
 Отѣ взора царскаго сокрышѣ себя не можно;
 Оставше сей чертогѣ!

ФЛАВІЯ.

Се наша спрасшѣ рѣшилась!
 Ахѣ! Князь, шеперь ужѣ я на вѣкѣ тебя лишилась,
 Увы! оставь меня.

ПРЕНЕСТѢ.

Иль жалосши ни вѣ комѣ
 Не можно мнѣ найши вѣ отчаяннѣ шакомѣ?
 Лишусь ли я тебя!

ФЛАВІЯ.

О! злое воображеніе
 Ахѣ! лучше ты скоряй отправа на княженіе;
 Расстанься ты со мной, гнѣвѣ царскій пошуши.
 Поди, сѣ желаньемѣ симѣ спѣши, кѣ нему спѣши,
 Увы! избавь меня отчаяннѣ и муки.

ПРЕНЕСТѢ.

О небо! ждалѣ ли я шоль скоряя разлуки?
 Всѣ средсшва кѣ швоему спокойшвію яваю;
 Жизнь, шронѣ, бѣды сѣ шобой и все я раздѣляю!
 Не рвись Княжна моя!

ФЛАВІЯ.

Не можно миѣ не рваться!
 Поди отсель! увы! намъ должно расшаваться!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАНДОРЪ *одинъ.*

Не видно, Бориславъ, границъ пиранствѣ твоихъ!
 За что перзаешь ты, за что дѣшей своихъ?
 О ты престольный градъ! о Прага пренецасна!
 Во красотѣ своей ты зришься намъ ужасна;
 Довольно крови ты невинной напилась,
 Которой здѣшняя страна вся облилась.
 Не власть мы видимъ здѣсь, на сердцѣ носимъ камень;
 Но искра тлѣется, и скоро вспыхнетъ пламень.
 Простите, небеса, миѣ мысль и хипрось шу,
 Котору щасшѣемъ общенароднымъ чу.

ЯВЛЕНІЕ V.

БОРИСЛАВЪ и ВАНДОРЪ.

БОРИСЛАВЪ.

Нигдѣ ихъ нѣшъ! нигдѣ! они здѣсь вмѣстѣ были,
 Велѣяе мое и долгъ свой позабыли;
 Что пользы въ томъ, что я порфиною одѣшъ,
 Когда нигдѣ моимъ приказамъ мѣста нѣшъ?

Не

Не слушаютьъ царя рабы ему присяжны;
 Всѣ медлѣнны къ добру, но къ злости всѣ ошважны,
 Прощивъ меня мою вооружаютъ дочь!
 О честь величества, бѣги, бѣги шы прочь!
 Презрѣнье, ненависть, приказовъ преступленье,
 Сте отъ подданныхъ царю увеселенье.
 Не проиъ я вижу здѣсь, надъ пропастью стою:
 Мнѣ шамъ злодѣйствуютъ, гдѣ милосши лѣю,
 И правъ по шомъ Пренесъ?

ВАНДОРЪ.

Любовью правъ единой,

Она вины его, она была причиной.
 Во младости сердца коль спрасшю горящъ,
 На собствены свои одни ушѣхи зрящъ,
 Прощивны случаи они превозмогаютьъ,
 А для свиданія и смерть пренебрегаютъ.
 Царевнѣ милъ Пренесъ; она мила ему,
 И сей источникъ былъ свиданю сему.

БОРИСЛАВЪ.

Нѣтъ! въ мрачны души ихъ я далъ проникаю,
 Изъ глубины сердецъ всю шайну извлекаю.
 Сквозь всѣ намѣренья я вижу въ Князѣ семѣ,
 Что онъ спарается о скипетръ моемъ;
 Вельможей и народъ въ свою онъ дружбу ловищъ,
 Прельщаетъ Флавію, опца ее злословищъ;
 Народъ прельщается щедрошами его.
 Онъ врагъ мой, онъ злодѣй прешола моего!

Дочерне сердце онѣ къ себѣ привлекѣ обманомѣ,
Противѣ ширана самѣ явлюся я шираномѣ.

ВАНДОРЪ.

Не чаю, чшобѣ швоей короны онѣ хотѣлѣ;
Для Флавїи одной онѣ въ царство къ намѣ лешѣлѣ.
Со мной бесѣдовалѣ сей Князь неоднократно
И все казалось въ Княжнѣ ему прїяшно;
Но чшобѣ онѣ скоро шакѣ переѣнилѣ свой нравѣ,
Такѣ онѣ иль много хипрѣ, или во всемѣ онѣ правѣ.

БОРИСЛАВЪ.

Не правѣ онѣ, я въ его злодѣйствїяхѣ увѣренѣ,
И гнѣвѣ мой на него не можешѣ быть умѣренѣ.
На что державою и скипшромѣ обладашѣ,
Когда на шронѣ бывѣ отѣ подданныхѣ спрадашѣ?
Пришлецѣ изѣ рукѣ моихѣ правленїе отѣемлетѣ;
А городѣ весь молчитѣ, и видя все шо дремлетѣ.
Не допускайте вы меня до крайнихѣ золѣ;
Иль Князю Скифскому вручайше мой престолѣ.
Срывайте мой вѣнецѣ! и шопѣ, кшо милѣ вамѣ болѣ,
Пускай останешя въ семѣ царствѣ на престолѣ.

ВАНДОРЪ.

Останься шы на немѣ!

БОРИСЛАВЪ.

Внемли мою шы рѣчь;
Знай, я въ рукахѣ ношу и милосши и мечь,

Не мѣшкавѣ избирай, чего ты самѣ желаешь.

ВАНДОРЪ.

Я долженѣ все снести, что ты опредѣляешь.

БОРИСЛАВЪ.

Я власть мою тебѣ какѣ другу объявлю:
 Ты знаешь сколько я отечество люблю;
 Не мнѣ, но общему спокойствію радѣя,
 Избавь меня, избавь отѣ спрашнаго злодѣя,
 Который всѣхѣ своимѣ коварствомѣ обольстилѣ,
 Вѣ разбойничѣй вершнѣ сей городѣ превратилѣ.
 Сего Пренесша мнѣ и видѣшь непрѣяшно;
 Возми его отсель вѣ отечество обратно,
 И только отѣ меня получишь сей приказѣ,
 Не мѣшкавѣ ничего, вези его потѣ часѣ;
 Вооружи себя кѣ тому колико можно,
 И наблюдай вѣ пуши Пренесша осторожно.
 Но если рѣчь сію кому ты пронесешь,
 Такѣ вѣдай, что нигдѣ себя ты не спасешь.

ВАНДОРЪ.

Коль подданный Царю подашь совѣты смѣшнѣ,
 Кто душу чистую и праведну имѣешь;
 Такѣ славу моего отечества любя,
 Дерзаю остеречь совѣтами себя.
 Ты спрога кѣ своему намѣренію прислупишь,
 И новыя себѣ оклеветанья купишь;
 Не можно вдругѣ отсель Пренесша отдалить,
 Чшобѣ разныхѣ о себѣ сомнѣнѣй не вселить.

БО-

БОРИСЛАВЪ.

Не царь, но рабъ себя такъ можешь безпокоить:
 Я Княжескій отбѣздъ пошуся такъ устроишь,
 Что свѣшъ подозрѣваць ни въ чемъ не будешь насъ,
 Клевешниковъ моихъ умолкнешъ скоро гласъ:
 Поди.

ВАНДОРЪ.

Исполню все, что ты мнѣ ни прикажешь!

БОРИСЛАВЪ.

Ты дружество чрезъ то и вѣрность мнѣ докажешь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

БОРИСЛАВЪ *одинъ.*

Какова средства я къ спокойству ни ищу,
 Всѣмъ ужасъ навожу, и самъ я шрепещу!
 Но должныль бытъ мой шруды пренебреженны,
 Для полученія короны положенны?
 Я въ жизни не имѣлъ спокойнаго часа,
 До самой крайности прогнѣвалъ небеса,
 Они мнѣ кажутся и мрачны и суровы;
 Свой громъ прошивъ меня всегда мешаешь гошovy!
 Какимъ спашись пушемъ въ смяшеніи шакомъ?
 Любленьемъ честности . . . Мнѣ пушь сей не знакомъ.
 Не руководствуешь нигдѣ мнѣ добродѣшель;
 И подданнымъ я сшалъ гонимель, не владѣшель!

О Боже! если ты сердца злодѣевъ зришь,
(ставъ на колѣни.)

Почто ты мѣшкаешь, почто не возгремишь?
Брось молнію съ небесъ! яви на мнѣ опмищенье!
Иль совѣспи моей подай успокоенье.

(подумавъ возстаетъ.)

Но днесъ влечетъ меня къ раскаянью лишь страхъ;
Оно родилося не въ сердцѣ, но въ устахъ.
Мнѣ примиренія съ душой имѣшь не можно!
Я все то совершилъ, что спрашно и безбожно!
Мнѣ злоба новая, и хитросць здѣсь нужна,
И дочь мнѣ жерпвовать на свѣшѣ всемъ должна,
Ошъ разглашаемыхъ клеветъ меня искупитъ,
Взрыдаешъ, но къ моимъ намѣреньямъ приступитъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЯВЛЕНІЕ I.

БОРИСЛАВЪ и ФЛАВІЯ.

БОРИСЛАВЪ.

Теперь мнѣ сила вся любви швоей нужна,
 Чемъ дочь послушная родителю должна;
 Я признаюсь тебѣ, что жертва мнѣ толика,
 Безмѣрно и нужна, безмѣрно и велика;
 Но ты должна престолъ и жизнь мою спасать,
 Царевнамъ свойственный великій духъ казать.
 Будь швердостью души родителю подобна;
 Яви что слабостями ты повелѣшь способна!

ФЛАВІЯ.

Къ чему готовишься должна я, объяви.
 Всемъ жертвую тебѣ, опричь моей любви.

БОРИСЛАВЪ.

Внимаи мои слова, внимаи мое желанье:
 Ты знаешь, что рожденъ я въ бѣдномъ состояннѣ,
 Во мракѣ, гдѣ меня скрывала нищеза,
 Я шелъ, и къ щастію себѣ опверзъ врата;
 Мнѣ шысяди препятствѣ въ семъ дѣлѣ предстояли,
 Мечи прошивъ меня со всѣхъ сторонъ блисшали;
 Я видѣлъ молніи, я слышалъ громъ съ небесъ!
 Но грудь не робкую прошивъ Перуновъ несъ.

СКВОЗЪ

Сквозь множество препятствій отверзѣ я путь ко
 трону,
 И строгость разпростерѣ престола въ оборону;
 Тумѣ бури новыя возстали на меня.
 Къ несчастью моему не проходило дня,
 О пользѣ общества въ кошорый бы радѣя,
 Измѣны я не зрѣлъ и не просилъ злодѣя.
 Толико долженъ былъ я бѣдства перенесъ,
 Дабы пріобрѣсти спокойствіе и честь.
 Я началъ царствовать во славѣ сей страной;
 Вы сшали щасливы, и здѣсь почтены мною.
 Имѣюль право я, моя любезна дщерь,
 Пошребовать швоей покорности шеперь,
 Которая нужна ошечеству, народу,
 Тебѣ самой, и мнѣ, и Княжескому роду?
 Вошѣ шребуешѣ чего родитель швой и царь;
 Должна шы позабышѣ Пренесша

ФЛАВІЯ.

Государь!

БОРИСЛАВЪ.

Имѣй шерпѣніе; онѣ кажешся покоренѣ;
 Но сей смиренный врагѣ обманчивѣ и пришворенѣ,
 Уже онѣ шребуешѣ престола моего.

ФЛАВІЯ.

Онѣ шребуешѣ меня и больше ничего!

БОРИСЛАВЪ.

Не просвѣшлася шы сердецѣ людскихѣ въ разборѣ,
 Я самѣ обманушѣ былѣ; но осмотрѣлся вскорѣ,

Сквозь

Сквозь хитросни его узрѣлъ я наконецъ ,
 Что любишь не себя , онъ любитъ мой вѣнецъ ,
 И обращаешь въ намѣреняхъ опасныхъ .

ФЛАВІЯ.

Не слушай , Государь , клеветниковъ ужасныхъ :
 Они спаряются вражду въ себя вселишь ,
 Чтобъ только отъ тебя невинность отдалишь ,
 И послѣ въ дѣлый свѣтъ мучилемъ прославишь .

БОРИСЛАВЪ.

Дерзаетъ моего злодѣя ты оправить ?
 Врага хотящаго поколебать мой тронъ ?

ФЛАВІЯ.

Не думывалъ , мой Царь , о сей измѣнѣ онъ ;
 Что сказано тебѣ , такъ сказано то ложно ;
 Ему своимъ врагомъ , мой опче , быть не можно ;
 Онъ другъ тебѣ и мнѣ .

БОРИСЛАВЪ.

Онъ врагъ мнѣ и злодѣй !
 Оставь меня и ты , измѣннику радѣй ;
 Коль воля ты моей не хочешь быть подвласна ;
 Такъ видно , что и ты съ предашемъ согласна :
 Но знай , что крови я ни чьей не пощажу ,
 И что я царь , тебѣ на дѣлъ покажу .

ФЛАВІЯ.

Ничемъ къ разрыву съ нимъ меня ты не преклонишь ;
 Терзай и мучь меня , но спраси не изгонишь ,

Не

Не оплучишь того отъ сердца ни на часъ ,
 Кто власненъ здѣлался надъ нимъ единый разъ.
 Пусть всѣми презрѣна, пускай шобой гонима,
 Отъ рукъ твоихъ умру; но имъ умру любима.

БОРИСЛАВЪ.

Не будешь ты сея веселости имѣшь ;
 Но долженъ вмѣстѣ князь съ шобой умереть.

ФЛАВІЯ.

Такъ будешь не страшна уже мнѣ мрачность гроба,
 Когда съ возлюбленнымъ въ него мы входимъ оба.

БОРИСЛАВЪ.

Я нѣжности твои изъ сердца изгону ,
 И смерть твою для мукъ всегдашнихъ опмѣню ;
 Злодѣйка! ты свое упрямство взненавидишь ,
 Ты мертва предъ собой любовника увидишь ,
 И будешь вѣкъ надъ нимъ слезъ шоки проливашь.

ФЛАВІЯ.

Все легче, нежели мнѣ съ нимъ любовь прервать !

БОРИСЛАВЪ.

Тебя уговоришь я больше не надеженъ ;
 Но помни, что конецъ Пренесловъ неизбѣженъ.
 Скажи мнѣ, хочешь ли его ты позабышь ?

ФЛАВІЯ.

Клянуся, Государь, по смерть его любить.

БОРИСЛАВЪ (отходя.)

Сей часъ его шебъ разшерзанна представляю.

Пойдемъ. . . .

ФЛАВІЯ.

Постой! увы! Пренеста я оставлю!

Не вображала я нещастїя сего,

Чшо близокъ спошь конецъ драгова моего!

БОРИСЛАВЪ.

Теперь мою любовь обрашно ты получишь.

ФЛАВІЯ.

За чшо, о Государь, ты насъ шолико мучишь?

Когда не хочешь насъ друзьями почипашь,

Пуспи со Княземъ насъ въ пуспыни обипашь.

Въ глухихъ лѣсахъ мы жизнь нещастну расположимъ,

Тебя опшолѣ мы ничемъ не возпревожимъ.

БОРИСЛАВЪ.

Гдѣбъ ни былъ сей злодѣй, кудабъ ни скрылся онъ,

Встревожипѣ онъ меня, и поколеблешъ шронъ.

Нѣшъ, больше ты чрезъ шо, Княжна, себя прославишь,

Когда миѣ кляшву дашь, чшо ты его оставишь.

ФЛАВІЯ.

Чемъ кляшья, Государь, ахъ! чемъ ты миѣ велишь?

Тобою? ты меня съ собою самъ дѣлишь!

Любовникомъ? его ты у меня опѣмлешь;

Душей моей? увы! ты мукъ ея не внемлешь.

Кляшвопреступники прошивны небесамъ,

Назначъ свидѣтеля моей измѣнѣ самъ!

БОРИСЛАВЪ.

Чемъ хочешь ты клянись, лишь шо удержи мнѣ слово,
 Кошоро разлучить со Княземъ васѣ готово.
 Предѣ вельможами, предѣ нимѣ шо объяви,
 Чшо больше ты къ нему не чувствуешь любви;
 Но онѣ не будетѣ живѣ, коль ты меня обманешѣ.

ФЛАВІЯ.

Ахѣ! Князь мой дарагой, ты слушаешь рѣчь шу спанешь?
 Какѣ вымолвишь предѣ нимѣ я слово шо могу?
 Я небу, и себѣ, и Князю вѣ помѣ солгу;
 Найши шоль спрашныхѣ словѣ языкѣ мой не умѣетѣ;
 Изѣ сердца вынуть ихѣ? но имѣ Пренесѣ владѣетѣ;
 Уста наполнены нѣжнѣйшихѣ клятвѣ ему,
 Ошкуда рѣчи я суровыя возму?
 И сердце и душа Пренесу покоренны,
 Для нѣжностей мы сѣ нимѣ взаимныхѣ сотворенны;
 Нѣшѣ средства мнѣ ему невѣрность показать;
 Чего не чувствую, удобнѣ шо сказать?

БОРИСЛАВЪ.

Почувствуй, и умри! чшо нужды мнѣ до страсти!
 Нѣшѣ воли у тебя окромѣ царской власи;
 Уже сѣ вельможами Пренесѣ еѣ черстоги вшелѣ,
 Готовься встрѣшишь ихѣ, какѣ я шебѣ велѣлъ.

ФЛАВІЯ.

Увы!... мой Князь!... ты здѣсь!... я вся дрожу! и
 маблю!
 Почшо я бѣдная не пожрана землею?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЬ, ПРЕНЕСТЬ (и вельможи.)

БОРИСЛАВЪ.

Вѣщай!

ФЛАВІЯ.

Вельможи! Князь! внемлите симъ словамъ,
 Которы съ ужасомъ я возвѣщаю вамъ;
 Извѣстно вамъ, что мнѣ Пренестъ былъ милъ сердечно,
 Я льстилась, что его любими буду вѣчно . . .
 Но люшая судьба со Княземъ насъ дѣлаишь . . .
 И все его любить мнѣ больше не велишь.

(Ушла.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЯ.

ПРЕНЕСТЬ.

Что слышу я? . . . Княжна! весь духъ во мнѣ мушился,
 Мой Царь! увы! мой Царь! вели ей возвратиться!

БОРИСЛАВЪ.

Мы должны не на то дѣшей своихъ раждать,
 Чтобъ мучишь ихъ сердца, и къ страсти принуждашь.

ПРЕНЕСТЬ.

Не то глаза ея, не то мнѣ показали!

Что я еще ей милъ, они мнѣ то сказали!

БОРИСЛАВЪ.

Обманутъ иѣжностью дѣвическихъ шы глазъ,
 А если что въ нихъ зрѣлъ, то зрѣлъ въ послѣдній разъ.
 Не привидѣніемъ, забвенъ шы ею въ явѣ,
 Не помни Князь о ней, не помни шы о славѣ,
 Не шрашь цвѣшущихъ дней въ спенаньи и слезахъ,
 И радости своихъ ищи въ другихъ очахъ.

ПРЕНЕСТЬ.

Иль шолько въ сей странѣ сердца сіи рождашя,
 Которыя своей измѣны не стыдятся?
 Я слово данное до смерти собрегу,
 Въ Княжнѣ премѣнамъ симъ я вѣришь не могу!
 Пуши меня шы къ ней.

БОРИСЛАВЪ.

Ты нашу грусть умножишь,
 И самъ себя, о Князь! лишь пуще возпревожишь.
 Послѣдуй въ горести великихъ свойству душъ,
 И свѣшу покажи, что шы герой и мужъ;
 Не долженъ иѣжностью герой себя безславить.
 Ну, время, Князь, шеперь другъ друга намъ оставишь,
 Исполни Вандоръ шо, что я велѣлъ шебѣ.
 (отходя.)
 Просши, и покорись мой Князь своей судьбѣ.

ПРЕНЕСТЬ.

И такъ я осужденъ на вѣчную разлуку!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕНЕСТЬ и ВАНДОРЪ.

ПРЕНЕСТЬ.

Въ неожидану я вдругъ низверженъ муку!
О бѣдоносный градъ! о преужасный пущь!

ВАНДОРЪ.

Слѣши въ отечество, невѣрную забудь.

ПРЕНЕСТЬ.

Чтобъ я въ отечество понесъ сію обиду!
Умру, изъ хранивъ сихъ я живъ уже не выду!
Пускай здѣсь кровь моя ручьями потечетъ,
Пускай она по всѣмъ чертогамъ воплетъ,
Что люшая Княжна Пренеша погубила,
Котораго она какъ жизнь свою любила!

ВАНДОРЪ.

Тебя народъ къ себѣ, тебя твой братъ зоветъ.

ПРЕНЕСТЬ.

Въ отчаяннѣ моемъ, забылъ я дѣлый свѣтъ!
На что престола мнѣ возлюбленной лишенну?
Прервемъ печальну жизнь, мнѣ ядомъ превращенну:
Скажи Княжиѣ, что я невѣрность ей простилъ,
И всѣ ея вины кинжаломъ симъ отмстилъ.

(Хочетъ захолатся.)

ВАНДОРЪ (Удерживая его.)

Что дѣлаешь мой Князь!

ПРЕ-

ПРЕНЕСТЬ.

Печальну жизнь кончаю,
Въ кошорой зрѣшь своей любезной ужѣ не чаю! . .

ВАНДОРЪ.

Опомнися, мой Князь, и сжался надѣ собой!

ПРЕНЕСТЬ *(взнося кинжалъ.)*

Опомнился швой другѣ! и умерѣ предѣ шбой!

ВАНДОРЪ *(вырывая кинжалъ.)*

Пренестѣ!

ПРЕНЕСТЬ *(бросаясь въ креслы.)*

На что меня кинжала шы лишаешь?

Ты мнѣ злодѣй, когда мнѣ умереть мѣшаешь.

ВАНДОРЪ *(ловергаясь на колѣни.)*

Прошу я именемъ Царевнинымѣ себя,

Скрѣпися, Государь, не убивай себя!

Она шебя о шомѣ въ слезахѣ заочно проситѣ.

ПРЕНЕСТЬ.

Она убійца мнѣ! она мнѣ смерть наноситѣ:

Дай мнѣ послѣдовашъ нежалостной судьбѣ,

И умереть мѣ шокѣ! . . .

ВАНДОРЪ.

Княжна вѣрна шебѣ!

ПРЕНЕСТЬ.

Вѣрна! . . не вѣрю я! . . . Ахѣ! шы мнѣ льспишь словами,

Неправда царшвуетѣ и обишаетѣ сѣ вами.

Я долженѣ всѣхѣ людей злодѣями считашъ,

Когда мнѣ Флавія могла невѣрной спашъ!

Увы! она сама измѣну мнѣ ошкрыла.

М 4

ВАН-

ВАНДОРЪ.

Отцову рѣчь тебѣ она проговорила.
 Ко пресшупленію Княжна не рождена,
 Но слушаешься Царя была принуждена.

ПРЕНЕСТЬ.

Пойдемъ къ Княжнѣ; когда она не лицемѣришь,
 Единый взглядъ ея въ любви меня увѣришь.

ВАНДОРЪ.

Терпѣнѣемъ, мой Князь, себя превозмогай,
 Опасности Княжну съ собой не подвергай,
 Къ царевнѣ въ комнашы войши неосторожно,
 Въ сей храминѣ ея тебѣ увидѣшь можно.
 Изъ града мы съ тобой не выѣдемъ сей день,
 И только мрачная покроетъ землю шѣнь,
 Дорогой скрышою мы наки возвратимся,
 И здѣсь къ свиданію съ Княжной уговоримся;
 Тогда дадущь совѣшь вамъ нѣжныя сердца,
 Оспавить ей на вѣкъ тебя, или отца!

ПРЕНЕСТЬ.

Иль грудь мнѣ здѣсь пронзишь предѣней и предѣ шобою!
 Поди и нашей правь любовью и судьбою.

ВАНДОРЪ.

Я въ жершву жизнь мою нещаснымъ принесу;
 Иль самъ умру, иль васъ опѣ лютыхъ бѣдъ спасу.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕНЕСТЬ (одинъ.)

Вездѣ на свѣтѣ семѣ гонима добродѣшель!
Здѣсь царствуешь ея злодѣй, а не владѣшель!
Къ безчестнымъ правиламъ и дочь принудилъ онъ!
Увы! мнѣ слышится Царевнинъ плачъ и стонъ;
Среди отчаянья, среди тоски и муки,
Мнѣ кажется она ко мнѣ простерши руки,
Въ слезахъ, въ отчаяньѣ несчастна вопіетъ:
Приди ко мнѣ Пренестъ! тебя здѣсь сердце ждетъ!
Приди! избавь ево отъ муки безконечной,
Котору приключилъ мнѣ Царь безчеловѣчной!
Не винна ты Княжна, не винна предо мной,
И не распанусь я съ плачевной сей страной.
Доколѣ я себя отъ муки не избавлю;
Цѣной свободы сей я жизнь мою поставлю!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРЕНЕСТЬ и ВАНДОРЬ.

ПРЕНЕСТЬ.

Иль мнѣ судьба мою любезну возвратишь,
Иль смерть въ сіи часы здѣсь вѣкъ мой прекратишь.
О щедры небеса, вы жаръ сердечный зрѣли,
Которымъ долго мы съ Царевною горѣли;
Не возмущайте вы спокойства здѣшнихъ мѣстъ,
Возможнымъ сдѣлайте съ Царевной мой отъѣздъ:
Скажи мнѣ, подлинноль она прійти согласна?
Увы! мнѣ всякая минуша здѣсь ужасна!

ВАНДОРЬ.

Успокоенія она въ черпотахъ ждесть. . . .

Я слышу шумъ въ близи!

ПРЕНЕСТЬ (*Остановясь.*)

Пойдемъ! — се Царь идетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЬ и БОРИСЛАВЪ.

БОРИСЛАВЪ.

Кто здѣсь? —

ПРЕ-

ПРЕНЕСТЬ.

Твой другъ!

БОРИСЛАВЪ.

Злодѣй! — Приспавники войдите,

Отъ двухъ измѣнниковъ Монарха защитише.

(Воины входятъ.)

ПРЕНЕСТЬ (отдавая мечъ.)

Тебѣ вручаю мечъ!

БОРИСЛАВЪ (бросаясь съ мечемъ къ Пренесту.)

Умри подъ симъ мечемъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЬ, ФЛАВІЯ *вбѣгая* удерживаетъ Борислава.

ФЛАВІЯ.

Рази меня, рази, не виней онъ ни въ чемъ!

Я князю бышь ко мнѣ въ чершогѣ приказала.

ПРЕНЕСТЬ.

Намѣреній моихъ она совсѣмъ не знала,

И хочешь на себя вину сѣю взнести,

Чтобъ только лишь меня нещастія спасти!

ФЛАВІЯ.

Ни малыхъ вины Князь Скифскій не имѣетъ,

Лишь гнѣву своему предашь меня жалѣетъ.

ВАНДОРЪ (ставъ на колѣни.)

Невинны государь, невинны ахъ! они,

Я ихъ на все склонилъ, меня шы и казни!

БОРИСЛАВЪ.

Такъ вы мнѣ здѣлались злодѣями всѣ шрое!
 Нигдѣ не слыхано коварство шаковое,
 Не памяшующѣ здѣсь ни дружбы, ни родства!
 Ни правилъ чесности! ни правилъ ешества!
 Вѣ какія пронаши ввергалъ мя рокъ ужасный.
 Мнѣ дочь злодѣйшвуешъ! увы ошецѣ нещасный!
 Куда ни обращусь, имзѣну вижу я;
 Раби не вѣрны мнѣ! мя предали друзья!
 До хранинѣ внушренихѣ просперлась вражья злоба.
 Не домъ я вижу здѣсь, я вижу нѣдры гроба!
 Вы стали здѣсь Цари; на что мнѣ больше шронѣ?
 Врагами окруженѣ, мнѣ адомѣ зришея онѣ.

П Р Е Н Е С Т Ъ.

Не преданѣ лести я, сей пагубной отправѣ,
 Кошорая у насѣ вѣ презрѣнни, здѣсь во славѣ,
 Тебѣ я признаюсь, что дочь швою люблю;
 Но чесши для любви во вѣкѣ не погублю,
 Не мни, чшобѣ я швоей завидовалѣ порфирѣ,
 Не шрономѣ, мужешвомѣ хочу бышъ славенѣ вѣ мѣрѣ.
 Хошѣлѣ я ошѣ тебя сѣ Княжною убѣжашъ,
 Но вѣ варваршеѣ тебѣ не думалѣ подражашъ.

БОРИСЛАВЪ (воинамѣ.)

Скорѣй прешунниковѣ, скорѣй ошсель ведите,
 И вѣ разныхѣ комнашахѣ подѣ стражу посадите,
 Доколь сберушся здѣсь Вельможи на совѣтѣ.

П Р Е Н Е С Т Ъ.

Вѣ послѣдней разѣ Княжна мы зримѣ сѣ шобой на свѣтѣ;
 Ни

Ни что съ тобою насъ отъ смерти не спасаетъ,
 И красота швоя и вѣкъ твой погасаетъ,
 Кошорья бѣ могли свѣтъ цѣлый украшать,
 Ошда при старости и ближнихъ ушѣшашъ.

ФЛАВІЯ.

Спокойно я, мой Князь, спокойно умираю:
 Увы! я ничево на свѣтѣ не шераю,
 Всѣ радости мои беру во гробъ съ собой,
 Я въ немъ скрываюся, любезный Князь, съ тобой.

БОРИСЛАВЪ.

Такою ты любовь родителю являешь?

ФЛАВІЯ.

Ты самъ любишь меня смерть люшу заставляешь;
 Любовь родителску отъ сердца гонишь прочь,
 Лишенну матери казнишь не винну дочь.
 О ты! кошорой мя произвела ушроба,
 О мать любезная! возстань! возстань изъ гроба!
 Нещасной дочери внемли плачевный гласъ;
 Вступись дражайша шѣнь, вступишь шеперь за насъ.
 Но шщешно шѣнь сію шоскуя призываю;
 Ахъ! скоро встрѣшишься съ ней въ гробъ уповаю,
 Увидишь шамъ она не винныя сердца! . . .
 Увы! яви ты намъ, и мать и ошца!
 Яви родител мой ты мысль великодушну,
 Ты сына въ немъ найдешь, и дочь во мнѣ послушну.

БОРИСЛАВЪ.

Нѣтъ; вы не сжалились и сами надо мной;
 Смушили жизнь мою, мнѣ спали бѣдѣ виной,

И праведно свои заслужите вы бѣдства.

ФЛАВІЯ.

Прости Пренестѣ, намѣ жишь не оспается средства,

Прости и жди къ себѣ мою во гробѣ тѣнь.

ПРЕНЕСТѢ.

Скрѣпись!

БОРИСЛАВЪ.

Вспрѣчайшеса во адѣ вы вѣ сей день.

ПРЕНЕСТѢ (Флавіи.)

На что, Княжна моя, меня ты полюбила!

ФЛАВІЯ.

На то, чшобѣ я тебя любовью погубила!

БОРИСЛАВЪ.

Подите вы отсель, я сѣшу то явлю,

Чшо паче дочери я истинну люблю.

ФЛАВІЯ (Пренесту.)

Увы! на вѣкъ тебя княжна швоя шеряетѣ.

ПРЕНЕСТѢ.

Она шрепещетѣ вся! блѣднѣетѣ! умираетѣ!

Ахѣ! сжался ты надѣ ней!

БОРИСЛАВЪ.

Возмите прочѣ ее!

Лишило дочери злодѣйство мя швое.

ФЛАВІЯ.

Всево лишились мы!

ПРЕНЕСТѢ.

Намѣ дверь ошверсна гроба.

Прости любезная!

ФЛА-

ФЛАВІЯ (Пренесту.)

Прости!

БОРИСЛАВЪ.

Подите оба!

(Воины ихъ уводятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

БОРИСЛАВЪ и ВАНДОРЪ.

БОРИСЛАВЪ.

А ты, который всѣхъ злодѣйствѣхъ участникъ былъ,
И кляшву данную, и честность позабылъ,
Предатель истинныи и всей моей прїязни,
Достойной нѣшъ тебѣ въ пространномъ мѣрѣ казни!

ВАНДОРЪ.

Вѣи шѣло ты мое, на муки я готовъ!
Забудь, что я тебѣ вѣрнѣйшій изъ рабовъ,
Что праотцы мои Опечесству служили,
И свой животи они во браняхъ положили;
Что я служилъ тебѣ колико было силъ,
И часто жизнь мою на жертву приносилъ;
Но облачаюсь шѣмъ въ злодѣйствахъ преужасныхъ,
Что сжалился на двухъ любовниковъ несчастныхъ,
Изъ коихъ, государь, едина дочь твоя,
Другой, съ кѣмъ друженъ былъ тебѣ въ угодность я.

БО-

БОРИСЛАВЪ.

И съ кѣмъ ты прешунилъ границы вѣрной службы;
Иль должно измѣнять Монархамъ ради дружбы?
Скажи въ послѣдней разѣ, желаешь ли ты жить?

ВАНДОРЪ.

Чтобъ имя честности въ попомкахъ заслужишь.

БОРИСЛАВЪ.

Погубишь ты ево, и въ кляшвѣ будешь вѣчно,
Когда не скажешь мнѣ шого чистосердечно,
Почшо, и какъ сюда Пренесѣ обратно вшелъ?
Какія онѣ съ Княжной намѣренья имѣлъ?
И какъ онѣ о ея любви извѣстился?

ВАНДОРЪ.

Князь ѣдущій ошель съ Княжною не просилясь,
Безвременно тобой ошправленный въ свой путь,
Желалъ въ послѣдній разѣ предѣ нею воздохнуть,
Оспраду принести ихъ мукамъ и спраданию,
Я все ему ошкрылъ, и средство далъ къ свиданью.

БОРИСЛАВЪ.

За искренность твою вины тебѣ прощу,
Чинами награжду, твой родъ обогащу;
А ты спаси мое Ошечество любезно!

ВАНДОРЪ (къ сторонѣ).

Теперь мнѣ шверду бышь и нужно и полезно.

БОРИСЛАВЪ.

Меня безчестія, народъ стыда спаси;
И шайно Князю ты ошраву принеси.

ВАН-

ВАНДОРЪ.

Не дѣлай Царь меня орудіемъ злодѣйства,
 Страшусь, и шрепелду я шаковаго дѣйства.

БОРИСЛАВЪ.

Поди, и шѣмъ себя ошѣ казни шы избавь.

ВАНДОРЪ.

Возми мою главу, и совѣсть мнѣ оставь!

БОРИСЛАВЪ.

Колелблешся! шеперь швою я душу вижу;

Спокойся; я и самъ злодѣйства ненавижу.

Ошнимѣ Вандора я шану почишашь;

Я совѣсть лишъ швою спарался испышашь.

ВАНДОРЪ (*къ сторонѣ*)

Могуль ширанскимѣ бышь раскааньемѣ увѣренѣ?

БОРИСЛАВЪ.

Поди, и знай, что я ихѣ всѣхѣ простишь намѣренѣ.

ВАНДОРЪ (*уходя къ сторонѣ.*)

Жди варварѣ шы конца злодѣйству своему.

ЯВЛЕНІЕ V.

БОРИСЛАВЪ *одинѣ.*

О хипрость! шы нужна спокойшву моему!

Лишаюся друзей, лишаюся и славы,

И человекшства хочу нарушить правы,

Безвинной кровію напишья я хочу!

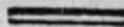
Но чтошжѣ, спокойшво шѣмѣ я шолько получу?

Н

Я

Я беззаконѣмъ свой цѣлый вѣкъ наполнилъ,
 Я дружбы никогда, заслугъ ни чьихъ не помнилъ;
 Улики въ совѣсти не зналъ я никакой,
 И меньше зналъ всею, что въ свѣтѣ есть покой!
 Кто жилъ во свѣтѣ семь полъ гнусно и безчесно!
 Увы! скрывается сіяніе небесно!
 Здѣсь шѣни изъ гробовъ кровзвы воспеають!
 Дрожи! ширанъ дрожи! они мнѣ вопіють,
 Готовься въ бѣдешія мучительямъ наследны.
 Здѣсь кости движутся, и лица зряща блѣдны!
 Повсюду царствуетъ уныніе и страхъ!
 Се шаршаръ! -- ахъ! шеперь въ подземныхъ ямѣстахъ,
 Не шаршаръ вижу я, не шемныя здѣсь гробы!
 Се домъ исполненный моихъ шираншѣв и злобы.
 Куда сокроюсь я! - - - мой каждый шагъ и взглядъ
 Здѣсь мѣсто всякое преобразуесть въ адъ!
 До самой царскія пріятныя степени,
 За мною слѣдуютъ мучительныя шѣни!
 Кровавыми мои мнѣ кажутся слѣды!
 Гдѣ скроюся отъ сей напасти и бѣды?
 Адъ стонетъ подо мной; меня онъ въ жертву проситъ;
 Но ахъ! доколѣ смерть еще меня не скоситъ;
 Предвидутъ мнѣ отсель враги мои во адъ;
 Мнѣ нѣкого жалѣшь; гори, пылай весь градъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЛАВІЯ и РАТИМА.

ФЛАВІЯ.

Вездѣ смятеніе, пылаешь весь дворецъ;
Увы! Пренесѣ, увы! приходишь свой конецъ;
Всѣ стражи прочь шекушѣ, какое приключенье!
Мнѣ вопли слышашся и рашно ополченье.
Пойдемъ туда

РАТИМА.

Постой, что хочешь ты начать?

ФЛАВІЯ.

Нещастну жизнь свою во пламени скончашь.

РАТИМА.

Почто отчаяньемъ ты сердце оправляешь,
И смерть Пренестову съ чево ты представляешь?

ФЛАВІЯ.

То сердце чувствуешь, мои по очи зряшѣ:
Ахъ! гдѣ мой Князь сокрышѣ, чертоги тѣ горяшѣ;
Все свойственно, увы! шому жестоку нраву,
Который рокомъ злымъ низпосланѣ Бориславу;
Изъ подозрѣіеѣвѣ поступокъ свой извлечь,
Велѣлъ нарочно онѣ чертоги вокругѣ зажечь.

Н 2

Ахъ!

Ахъ! Князь мой дарагой, въ сѣи ступая стѣны,
 Ты чаялъ ли отъ насъ шоль страшныя измѣны,
 Какъ бѣдспвенный мой взоръ тебя воспламенялъ,
 Какъ нѣжностью меня взаимно ты пламялъ;
 Могло ли намъ сѣе на мысли вобразиться,
 Что нашъ любовный жаръ намъ въ смерть преобразится!
 Ты спонешь и шеперь, ты въ пламени горишь,
 Вдыхаешь, мечешься, и смерть опшсюду зришь;
 А я еще живу и въ пламень не бросаюсь!
 Опчаянемъ однимъ отъ смерти я спасаюсь.

РАТИМА.

Княжна опчаянѣи твоихъ я опасуюсь;
 Еще успеешь ты опшавить жизнь и сѣшъ,
 Когда увѣришься, что въ немъ Пренеста нѣшъ.
 Пойдемъ искашь ево.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЪ и БОРИСЛАВЪ (съ воинами)

БОРИСЛАВЪ (воинамъ.)

Теперь сей врагъ найдется,
 И скоро кровь его во градъ семъ прольется.

(Флавїи.)

Ошдай злодѣйка мнѣ Пренеста своево.

ФЛАВІЯ.

Увы! похишилъ ты изъ рукъ моихъ ево;
 Ково ты требуешь? притворству нѣшъ ужъ мѣста.
 Ошдай родитель мнѣ любезнаго Пренеста,

Для

Для слезъ, которыя передъ тобой лѣю ;
 Воспомни дочь во мнѣ, вспомни мать мою,
 Для сей несчастливой, для той дражайшей крови,
 Не буди недругомъ невинныя любви ;
 Ошдай Пренесша мнѣ! Когдажъ ты злость свершилъ,
 И Князя моего пріятныхъ дней лишилъ,
 Не мѣшкай, обаграй въ крови дочерней руки,
 И тѣмъ окончи вдругъ мою доску и муки!
 Насышься злой ошецъ ошчаянемъ моимъ!

БОРИСЛАВЪ.

Не раздражаюсь я ошчаянемъ своимъ ;
 Твоя доска мое смущенье ушояетъ,
 Она погибель мнѣ враговъ моихъ являетъ.
 Когда Пренесша иѣшъ, спокоенъ швой ошецъ,
 И жизни я швоей и щастія шворецъ ;
 Могу я радости швои опять возставишь,
 И лучшаго тебѣ супруга здѣсь представишь,
 Который будешъ мнѣ не врагъ, но вѣрный другъ.

ФЛАВІЯ.

Но мнѣ онъ будешъ врагъ, ктобъ ни былъ сей супругъ.

БОРИСЛАВЪ.

Твоя любовь шеперь подъ пепломъ ушущишь,
 Гдѣ вмѣстѣ зданіе съ Пренесномъ сокрушишь,
 И злоба общая угаснешъ вмѣстѣ съ нимъ ;
 Благодари за то стараніямъ моимъ,
 Что ошнялъ я у всей Богеміи опасность.

ФЛАВІЯ.

Ошкрылась мнѣ шеперь сей лютой тайны ланость.

БОРИСЛАВЪ (отвѣдъ къ сторонѣ Флавію.)

Знай... въ пламень я повергъ злодѣя моево!
 Пойду спокойно зрѣшь на страшну смерть ево.
 (Бориславъ уходитъ.)

ФЛАВІЯ.

Поди и люшостью своею насыщайся,
 По шомѣ на смерть взглянуть дочерню возвращайся.
 Увы! лишилась я драгова моево!
 Могу ли больше жить лишенная ево,
 Кончайся жизнь моя!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЪ и ВАНДОРЪ.

ВАНДОРЪ.

Сшупай Княжна за мною,
 Смяшеньемъ пользуйся и шемношой ночью;
 Тебя любовникѣ швой къ себѣ велѣлъ вести.

ФЛАВІЯ.

Онѣ живѣ! Пренесѣ мой живѣ! гдѣ онѣ? куда ити?
 Ахѣ! Вандорѣ, Вандорѣ! я всѣхѣ силѣ моихѣ лишаюсь.
 (Улаждаетъ въ кресла.)

ВАНДОРЪ.

О слабости швоей, Царевна, сокрушаюсь,
 Не погуби себя, и сихѣ не шрашѣ минушѣ;
 Ты вѣдаешѣ о шомѣ, сколь швой родишель люшѣ.
 Онѣ скрышѣ шيرانское намѣреніе льстился,
 Велѣлъ сей домѣ зажечь, о шомѣ я извѣстился;

И пользуясь въ ночи злодѣйствами его,
 Отъ близкой смерти спасъ Пренеста швоево.
 Сквозь пламень я прешелъ, Пренеста я избавилъ,
 Среди моихъ друзей теперь его оставилъ,
 Которыя прейдуть за вами цѣлый свѣтъ,
 Искати мѣстъ, гдѣ злыхъ и гдѣ убійцовъ нѣтъ:
 Но если насъ швое согласіе обманетъ,
 Здѣсь буря страшная въ мгновеніе возстанетъ.
 При воспаленіи буншующихъ сердецъ,
 Погибнуть можешь ты, мы всѣ, и швой отецъ;
 Никшо не вступишься тогда за Борислава,
 Въ швоихъ рукахъ теперь покой и Царства слава.
 Машежъ или отъѣздъ, что хочешь избери.

ФЛАВІЯ.

О небо! въ крайности на бѣдную возри!
 Въ одномъ любовника, въ другомъ отца имѣю;
 Обѣихъ я люблю, обѣихъ и жалѣю:
 Родителя теперь покинуть я должна;
 Или шого забудь, съ кѣмъ сердцемъ сопряжена:
 Одно ужасно мнѣ, другое не возможно;
 На что ни покушусь, все спрашно и безбожно;
 Чшо дѣлать мнѣ теперь въ смяшеніи шакомъ?
 Но ахъ! Пренестъ мой живъ! удержимъ спрашный
 громъ,
 Который близокъ къ намъ! . . . Я швердость ощущаю.
 Отъѣздомъ жизнь отцу и Царство возвращаю.
 (хочетъ ити.)

БОРИСЛАВЪ съ воинами.

Измѣническій вашъ поступокъ подтвержденъ :
Вашъ другъ, а мой злодѣй изъ плѣна свободенъ,
То ваши хитрости ; потчасъ ево отдайте ,
Иль всѣ мучительной кончины ожидайте !

ФЛАВІЯ.

Увы ! могуль извлечь изъ пламени ево !

БОРИСЛАВЪ.

Тобою онъ спасенъ , погибни за него.

(Хочетъ ее заколотъ.)

ВАНДОРЪ *(Удерживая царя.)*

Постой ! не варварствуй , не буди ей губитель !
Терзая насъ , хоть ей останься ты родитель.

Гдѣ скрылся Князь , о томъ швоя не знаетъ дщерь.

БОРИСЛАВЪ.

Ты мнѣ ево смиди !

ВАНДОРЪ.

Смиду ево шеперь.

ФЛАВІЯ.

Ахъ ! что ты дѣлаешь ? Ты Князю измѣняешь !

Отъ казни сохранивъ ты двѣ мнѣ причиняешь ;

Рази ево мой Царь , рази мою ты грудь ,

Пренеспу для меня отверсшъ Вандоромъ путь.

Ево во градъ иѣшъ.

ВАН-

ВАНДОРЪ.

Во градѣ онѣ хранился,
И потчасѣ предѣ шобой въ чершюгахѣ сихѣ явился;
Кленуся совѣстью, кленуся въ шомѣ главой,
Что онѣ придетѣ сюда; но гнѣвъ скрѣпи шы свой,
Доколѣ съ нимѣ меня обратно не дождешия.
Все можешѣ потерять, коль Флавїи коснешся.

БОРИСЛАВЪ.

Все потеряшь! поди, ей зла не прикалчу.

ФЛАВІЯ.

Не приводи ево, я смерть приняшь хочу!
Измѣнникѣ! вспомни шы ково губишь шы, друга.

ВАНДОРЪ.

Сѣ симѣ дѣломѣ сопряжена ошечеству услуга.

(Ушель.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖѢ кромѣ ВАНДОРА.

БОРИСЛАВЪ.

Должна ли шы жалѣшь ошечества врага?
Ни жизнь моя тебѣ, ни чешѣ не дорогѣ.
Ни слава обѣдая, ни пагуба не вняшна!
Измѣна лишь тебѣ Пренешова прїяшна.
Ты ищешѣ зрѣнїемѣ ево въ чершюгѣ семѣ;
Мечтаешѣ шы врага шекуцаго сѣ мечемѣ
Спасаши жизнь швою, мнѣ люшу смерть даюца:
Не дѣйствуешѣ въ тебѣ природа вопїюца,

Ты хочешь смерти мнѣ. . . измѣнница, постой!
 Все зло я получилъ швоею красою ;
 Но дѣйствіе ее шеперь тебя обманетъ,
 Зашмишься мой вѣнецъ, и съ нимъ она уванетъ.
 Возмите, воины преступницу сію,
 Мечами кровь изъ ней изчерпайте мою . . .
 Постойте! . . здѣсь врага я долженъ дожидаться,
 И вкупѣ смершью ихъ обѣихъ усладяться!
 Рыдаешь ты! швое рыданье мнѣ позоръ:
 Злодѣйка отвращай ты отъ меня свой взоръ,
 Онъ шалъ ужасенъ мнѣ.

ФЛАВІЯ *Бросаясь целовать его руки.*

Родитель мой любезный!

Съ чего ужасенъ шалъ и взоръ шобъ мой слезный!
 Нѣшъ, я вѣрна шобъ!

БОРИСЛАВЪ.

Поди злодѣйка прочь,

Ты люшая змѣя, измѣнница, не дочь!
 Любуясь симъ мечемъ, любишься здѣшнимъ мѣстомъ;
 Здѣсь плавать во крови вы будете съ Пренесомъ.
 Блѣднѣешь люшая! . . шени и шрепещи! . . .
 Нѣшъ, не смягчишь меня! . . отца ты не ищи;
 Своей измѣною сво шы погубила,
 Возненавидѣла, злодѣя полюбила.
 И съ нимъ соединишься . . но прежде хъ адъ прежди!

ФЛАВІЯ.

Моею смершью, смершь сво предупреди.

Без-

Безчестіе терпѣшь и рвасься по неволѣ,
Сего мученья мнѣ не будетъ вѣ адѣ болѣ!

БОРИСЛАВЪ.

А мнѣ ушѣшная не будетъ тѣхъ минутъ,
Какъ тѣни двухъ враговъ ошель во адѣ пойдушь!
Мнѣ гнусны вы, я васъ обѣихъ ненавижу!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и ПРЕНЕСТЪ.

ПРЕНЕСТЪ *Входя на театрѣ.*

Гдѣ дѣлась Флавія? . . . но здѣсь Царя я вижу!

ФЛАВІЯ,

Бѣги сихъ мѣстъ мой Князь!

БОРИСЛАВЪ.

Не убѣжишь теперь!

Умри жестокой врагъ, и ты противна дщерь!

(Бросается съ мечемъ на Пренеста, но онъ его обезоруживаетъ и отнимаетъ мечъ.)

ФЛАВІЯ *Бросаясь между ими.*

Пренестъ! . . . родитель мой!

ПРЕНЕСТЪ.

Царю ли быши злобну?

Спарайся вѣ подданныхъ исправиль злосшь подобну;

Вѣ моихъ рукахъ теперь швой шронъ и жизнь швоа,

Но я не мщю тебѣ!

БОРИСЛАВЪ.

Товобѣ не дѣлалъ я.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕНЕСТЬ , БОРИСЛАВЪ , ФЛАВІЯ , ВАНДОРЪ
и другія вельможи.

ВАНДОРЪ (*имѣя Царскій вѣнецъ въ рукахъ
повергается лередъ Пренестомъ.*)

Жрецы, народъ, мы всѣ, твоей защиты просимъ,
Тирана свергли мы, шебѣ вѣнецъ приносимъ:
Будь Флавіи супругъ и царствуй въ сей странѣ!

БОРИСЛАВЪ.

Похитя скипетръ мой, мой мечъ отдайте мнѣ!

ВАНДОРЪ.

Спращишесь новаго злодѣйства и обмана!

ОДИНЪ ИЗЪ ВЕЛЬМОЖЕЙ.

Единая смерть ево спасетъ насъ отъ тирана.

ДРУГИЙ ВЕЛЬМОЖА (*изторгнувъ мечъ.*)

Сразимъ врага!

ФЛАВІЯ (*обнявъ Борислава.*)

Постой! — онъ врагъ вамъ, мнѣ отецъ!

Меня разите съ нимъ!

ВСѢ ВЕЛЬМОЖИ (*изторгалъ мечи.*)

Пришелъ его конецъ!

БОРИСЛАВЪ.

Злодѣи!

ПРЕНЕСТЬ Бориславу.

Я твой другъ!

ФЛА-

ФЛАВІЯ (Пренесту.)

Будь намъ во оборону!

ПРЕНЕСТЪ (вручая мечъ Бориславу)

Се мечъ швой, защищай животь свой и корону.

ВАНДОРЪ.

Погибнешь ты Пренестъ!

ПРЕНЕСТЪ.

Геройску смерть приму;

Но не послѣдую примѣру швоему.

Коль Царь я вашъ, ему вины ево прощаю;

Когда я подданный Монарха защищаю.

Оставляя страшныя намѣренья свои,

Ошринше днесъ и вы оружія сѣи:

Великодушіе мнѣ Царское вѣщаетъ,

Что вашей онѣ вины и дерзости прощаетъ;

Онѣ знаетъ, что влечетъ ко злобѣ слабость васъ,

На лицахъ вашихъ зрѣтъ раскаянье въ сей часъ:

Вы всѣ блѣднѣете! препещутъ ваши руки!

(Ставъ на колѣни передъ Бориславоу.)

Прости ихъ Государь! избавь сердца ихъ муки:

Возри на слезы ихъ; они черезъ меня

Прощенья ошъ себя во страхъ ждуть сшени.

(возставъ.)

Се новой вѣрностью они шобѣ клянутся.

Пускай злыше дни въ Богеміи начнутся;

Когда же должно ихъ измѣну наказашъ,

Я былъ всему виной, вели меня шерзашъ.

ВЕЛЬ.

ВЕЛЬМОЖИ.

О! Князь, достойный Князь!

ВАНДОРЪ.

Герой богамъ подобный!

БОРИСЛАВЪ.

Смягчаешься мой нравъ, мой люшый нравъ и злобный.

ФЛАВІЯ (Пренесту.)

Къ ногамъ пвоимъ паду весь ужасъ ошгона!

Спасаячи ошда, спасаешь ты меня.

БОРИСЛАВЪ (ловергнувъ мечъ.)

На что мнѣ мечъ шеперь, о! Князь, о! дочь любезна,

Я зрю, что ваша спрась и мнѣ и вамъ полезна;

Спрягите вы сердца и будьте мнѣ друзья;

Слагаю мой вѣнецъ и скроюсь мира я.

(Указавъ на Пренеста.)

Богемцы! се вашъ Царь; за прежни дни нещаснымъ,

Когда вы были мнѣ со шренешомъ подвластны,

Ничемъ я не могу инымъ воздаши вамъ,

Какъ скипшрѣ шому ошдашь, подобенъ кто богамъ.

Конецъ трагедіи.

Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ на Имперашорскомъ театрѣ

1772 года, Ноября 7 дня.

ИДОЛОПОКЛОННИКИ

или

ГОРИСЛАВА

ТРАГЕДІЯ,

МИХАЙЛА ХЕРАСКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

ВЛАДИМИРЪ, великій Князь Кіевской.

РОГНЕДА, нареченная Гориславою, его
супруга.

СВЯТОПОЛКЪ, Князь и мнимый сынъ Яро-
полковъ.

ДОБРЫНЯ, сродникъ Владимировъ.

ИЗЯСЛАВЪ, сынъ Гориславинъ, отъ Вла-
димира.

ЗОЛИБА, великій жрецъ.

КЛИДА, мамка Гориславина.

Вѣстникъ.

Придворные.

Вельможи.

Дѣйствіе въ Княжескомъ домѣ.

ИДОЛОПОКЛОННИКИ

или

ГОРИСЛАВА

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ, въ царскомъ домѣ между двумя переходами, въ концѣ своемъ затворенный храмъ Перуновъ.

ВЛАДИМИРЪ и **ДОБРЫНЯ**, *изходяще изъ храма боковыми дверьми.*

ВЛАДИМИРЪ.

Исчезло прежнее мое къ богамъ вниманье,
И самое на нихъ исчезло упованье;
Священный ужасъ шотъ, который ощущалъ,
Когда я капища и храмы посѣждалъ,

О

Во

Во равнодушїе сей ужасъ претворился ;
Гдѣ Бога видѣлъ я, мнѣ шамъ кумиръ открылся !

ДОБРЫНЯ.

Ты самъ защипникъ былъ, Владимиръ, сихъ боговъ ;
Принудилъ вѣришь въ нихъ князей, народъ, сыноѣвъ :
По волѣ я швоей вездѣ кумировъ спавилъ ;
Не швердо держишься священныхъ царскихъ правилъ ;
Коль подданныхъ твоихъ къ сей вѣрѣ ты привлекъ,
И самъ себя рабомъ сей вѣры ты нарекъ.
Въ законѣ слабый Царь бышь можешъ самъ нещастенъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что я сооружилъ, я шо разрушишь властенъ.

ДОБРЫНЯ.

Но шрудно, Государь, преобразать умы,
И шо не уважать, что обожали мы.
Хотя всечасною покрыты шемношою,
Но мы, о! Князь, своей довольны слѣпотою ;
Ты самъ насъ ослѣпилъ, и сихъ боговъ намъ далъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Не шако мышаю я, какъ прежде разсуждалъ ;
Неразумѣнїя шогда покрышый мракомъ,
Плѣнился божешва я шѣнью и призракомъ :
Съ народомъ шраншвовалъ невѣжешва въ ночи ;
Теперь являющя мнѣ Истинны лучи,
За нею слѣдую ; однако дамъ свободу
Законы избирашь, вельможамъ и народу.

ДОБРЫНЯ.

Ты вѣдаешь мое усердіе къ себѣ;
Я вѣрность прищипавъ лѣшѣ доказывалъ тебѣ;
Мой первый есть законъ, и Богъ мой добродѣтель;
Кумиры сущь мои, Россія и владѣтель.
Се главные мои Владимирѣ, божества,
Но помня дружбы долгъ, и помня долгъ родства,
Въ которыхъ все мое блаженство полагаю,
Тебя какъ подданный, мой князь, остерегаю,
Какъ другъ совѣшую, какъ сродникъ говорю:
Во предпріятіи швоемъ опасность зрю.
Ошпоргнушь ошъ боговъ, надѣюсь, безопасно
Единой новостью пѣняемый всечасно,
Въ порабоженіи швой дремлющій народъ:
Но сонмище сіе, подобно шоку водъ,
Который волновашь и малый вѣшрѣ удобенъ;
Онъ крошокъ подъ жезломъ, разшоргнувъ узы, злобенъ;
Не забывай о! Князь, что гордыя жрецы,
Ошъ подданныхъ швоихъ такъ чшмы, какъ ошцы,
И помни, что хощя со славою владѣешь,
Въ боярехъ шы враговѣ, во ближнихъ шы имѣешь,
Ошважный Свяшопоакъ. . . .

ВЛАДИМИРЪ.

Проникъ я мысль швою!

Но вѣ Богъ ушвердилъ надежду всю мою,
Въ шомъ Богъ, сошворилъ который всю вселенну;
Коль поклонилися народы древу шѣбину,

Поклоняшся они неслѣнну Существу,
 И нашимъ разумаѣмъ понятну Божеству.
 Ошваженъ Свяшополкъ, но дерзкій Князь не знаетъ,
 Не знаетъ чей онъ сынъ, кого ошцемъ считаешъ,
 Я средствы можешъ бышь надежныя сыщу,
 Сего младаго льва чрезъ кои укрошу.

ДОБРЫНЯ.

Но памяшна ль тебѣ, Владимиръ, Горислава,
 О коей вся швоя болѣзнуешъ держава?
 Ошринуша тобой, прибѣгшая къ богамъ,
 Она просперла грушъ и жалосъ по сердцаѣмъ;
 А сожалѣнїе коль мѣры превосходитъ,
 Досады, ропосъ, гнѣвъ и мценье производитъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Но сожалѣнїе къ несчастной сей женѣ,
 Не мценье и не гнѣвъ произвело во мнѣ;
 Хотя моя рука Рогвольда сокрушила,
 Побѣда жребій шотъ съ ея ошцемъ рѣшила;
 Когда бы было то угодно небесамъ,
 Я могъ бы ошъ него лишиться жизни самъ;
 Иныя вѣ обществѣ, другїя правы вѣ полѣ;
 Разрушилъ Полоцкѣ я, разрушилъ по неволѣ;
 Но самъ я возрыдалъ среди побѣды шой.
 Рогнеда младосшью, шенаньемъ, красотой,
 Ошмстила за ошца, ошмстила мнѣ Рогнеда,
 Вѣ очахъ ея ждала Владимира побѣда,

И сожалѣніе вдохнуло мнѣ любовь,
 Кошорая мою воспламенила кровь;
 Я сжалъ невольникомъ, и прелестъ сей дѣвицы,
 Внушила гнусный мнѣ порокъ брашоубійцы;
 Вопль совѣсти моей тогда во мнѣ умолкъ;
 Мной въ ревности убишъ несчастный Ярополкъ!
 Я скипетръ пріобрѣлъ и шронъ рукой кровавой;
 Тогда имяновалъ Рогнеду Гориславой,
 Дабы женихъ ея, отецъ, и злополучный рокъ,
 Рогнеды съ именемъ швердиться ей не могъ.
 Я шронъ съ ней раздѣлилъ; но все то безуспѣшно,
 Рогнеда подъ вѣнцемъ рыдала безуспѣшно;
 Ея унылый стонъ досаду мнѣ внушалъ,
 И слезный шокъ ея мой пламень пошущалъ;
 Мысль она, что меня Рогнеда не любила,
 Всѣ искры моя любви истребила:
 Но горькихъ слезъ ея причины не ищу;
 Ей съ сыномъ возвратишь спокойство я хочу....
 Се жрецъ и Святополкъ! они враги мнѣ оба;
 Пойдемъ! прискорбна ихъ бесѣда мнѣ и злоба!
 (Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗОЛИБА и СВЯТОПОЛКЪ.

ЗОЛИБА.

Какой суровый къ намъ Владимиръ мещетъ изглядъ!
 Въ чертахъ его лица презрѣніе и хладъ:

О 3

Не

Не чшишь сей Князь боговъ, ни жертвъ не возжигаетъ,
 Скучаетъ въ капищахъ, и насъ пренебрегаетъ;
 Погибъ шотъ челоуѣкъ, кшо зло такое зришь,
 И миднемъ общую напастъ не предваришь!

СВЯТОПОЛКЪ.

Но боги оскорбляшь князей не позволяють!

ЗОЛИБА.

Коль князи ко богамъ почшеня не являютъ,
 Почшеня хранишь не должно къ нимъ въ сердцахъ.
 Передъ богами князь, какъ мы, такой же прахъ;
 Не чшущий божества, хоть Царь вселенной буди,
 Онъ людямъ общій врагъ, ему враги все люди.
 Чшо сей щеславный князь владѣетъ въ сей странѣ,
 Чшо здѣсь усилился, онъ шѣмъ обязанъ миѣ;
 Но на челѣ его народомъ нашимъ чшиму,
 Зрю кровью брашною покрышу дѣдиму!
 Чшо я напомнилъ те, прости миѣ Святополкъ;
 Миѣ совѣсть разшерзалъ ошецъ твой Ярополкъ;
 Вездѣ миѣ кажешся опмщенія онъ просишь,
 Опмщенія врагу, кшо здѣсь порфиру носишь,
 И кѣмъ изъ свѣша онъ злодѣйски изшребленъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Увы! родитель мой! шеперь ты прахъ и шѣнъ,
 Но шѣнномъ будучи ты чувствуешь опмщенье;
 А сынъ швой, слабый сынъ, живетъ въ порабощеньѣ;
 Не чувствуешь шого, что совѣсть говоритъ,

И на убійду онъ спокойнымъ окомъ зрѣтъ:
 Не князи мы, рабы Владимировой власши:
 Мы шерпимъ отъ него презрѣнье и напасти;
 Проспершу руку ту мы должны лобызати,
 Которой хошетъ онъ во узы насъ вязати,
 Единаго отъ насъ алкая почитанья,
 Не позволяешъ намъ въ уныньи и ропшанья;
 Минешся ли когда неволя шакова!

ЗОЛИБА.

Дбьяня нужны намъ, о сынъ мой! не слова;
 Кшо порицаніемъ языкъ свой оправляетъ,
 Душевыи слабости, не храбрость пошъ являетъ,
 И клевета гнусна, подобно какъ и лестъ:
 Въ обидахъ не слова, нужна въ обидахъ мечь.

СВЯТОПОЛКЪ.

И вся она теперь изъ сердца изшошится!
 Прешанетъ шбнь швоа, родитель мой, крушишься,
 Сражусь ошчаянный съ прошивнымъ миъ царемъ,
 Въ чертогахъ у него, предъ самымъ олшаремъ,
 И мечь въ его крови оставлю пошущенну.

ЗОЛИБА.

Зрю младость я швою еще не искушенну,
 Рожденъ о Святополкъ! ты храбрый духъ являшь,
 Но храбростью своей учися управляшь;
 Пылая мщеніемъ не видишь ты препоны,
 Кшору учинашь шевъ, народъ, законы;

Противу моря ты опасностей идешь,
 Не укропишь валовъ, и въ бездну самъ падешь;
 Представь народъ къ Царю привязанный любовью:
 Всегда ли омывашь кинжалы спанемъ кровью?
 При томъ Россійскому престолу нуженъ Князь,
 Который бы блисталъ порфирой не спыдаясь,
 И будешь ты сего величества достоинъ,
 Лишь будь искусный мужъ, и буди крошкѣй воинъ.
 Намъ явныхъ мяшежей не можно здѣсь возжечь,
 Успѣхи помрачишь блеснувшей въ градъ мечъ:
 Владимиръ думаетъ законъ принять отъ Грековъ,
 Отъ сихъ привѣшливыхъ но хищныхъ челоуковъ,
 Которы сляшся въ единомъ томъ успѣшь,
 Подъ видомъ свяшости чшобъ царствами владѣшь:
 Опишемъ пагубнымъ сіе непостоянство,
 Народу бѣдственнымъ представимъ христіанство,
 Дающе бремена и новы узы имъ,
 И мы къ Владимиру вниманье испребимъ,
 Народную любовь преобразимъ въ злодѣйство,
 Я независшь вдохну, ты зло устроишь въ дѣйство.

СВЯТОПОЛКЪ.

О пастыръ мой! шебъ во всемъ покоренъ я.
 Хошя встревоженъ умъ, кипитъ вся кровь моя,
 И за родителея опмищеніемъ пылаешь;
 Священный швой сошнъ сей пламень уполяетъ;
 Влекущаго меня къ опмищенью каждый часъ,
 Запечашаѣшся на время сердца гласъ.

Но угошованну волненія отправу,
 Принудимъ напередъ взапкаши Гориславу;
 Печаль, она себя вѣ кошору облекла,
 И плачемъ весь народъ къ любви привлекла,
 Коль можешъ бышь она вѣ изшѣ умыслѣ пріобщенна,
 Вѣ народъ вспыхнувѣ месшѣ, не будешъ пошущенна. . .
 Но се она идетъ — о коль прискорбный видѣ!
 Ошмцаша за себя онѣ кажетъся велишѣ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢЖЬ и ГОРИСЛАВА, *провождаемая*
Клидою и многими дѣвами,
жертвы во храмъ несущими.

ЗОЛИБА.

Дщерь горести и слезѣ! шерзаема шоскою,
 Куда стремишься шы, душѣ искашь покою?
 Ахѣ! кажетъся и днешь предписанна судьбой,
 Во храмѣ боговѣ печаль влечешъ за тобой.

ГОРИСЛАВА.

Кѣ чему миѣ вѣ горести, кѣ чему прибѣгнушь болѣ,
 Не вижу ни луча ушѣхи ни ошколѣ;
 Ошталися шеперь вѣ сей бѣдшвенной спранѣ,
 Друзья, родня, ошцы едины боги миѣ!

КЛИДА.

И шолько горькихѣ слезѣ лѣющѣяся шокш!

ЗОЛИБА.

Не всѣ свирѣпы здѣсь; и боги не жестшокш.

Внимають плачущихъ моленіямъ они,
И могутъ премѣнить во свѣшлы мрачны дни;
Со умиленіемъ къ престолу ихъ прибѣгни.

СВЯТОПОЛКЪ.

И слабость свойшвенну рабынямъ ты отвергни,
Престань въ унынїяхъ двѣшудій вѣкъ губишь,
И Гориславою престань отнынѣ бышь,
Явись Рогнедою, и бѣдства укрошатся,
Не всѣ Владиміры шираны здѣсь родятся;
Во сластолюбїе супругъ твой погруженъ,
Такъ хоцешъ и боговъ перемѣняшь какъ женъ;
И что тебѣ твоя молитва помогаетъ,
Молишва ко богамъ, онѣ коихъ отвергаетъ?

ЗОЛИБА.

Забудь его; тебѣ останушся друзья,
И боги Кїевски, и Свяшполкъ, и я!

ГОРИСЛАВА.

Поспой! не льсти мнѣ ты ни дружбой, ни услугой;
Съ Владиміровой днесъ бесѣдуешь супругой,
Ты помнишь то, что онѣ владѣтель въ сей странѣ;
Коль онѣ меня забылъ, кто въ мїрѣ нуженъ мнѣ?
Я въ немъ единомъ чшу опраду, счастье, славу;
Владимиръ мнѣ супругъ, отецъ онѣ Изяславу;
Коль вѣрностью его безсильна я привлечь,
Могу ли въ немъ любовь холодностью возжечь!
И естли жалость вы еще ко мнѣ храните,
Какъ я супруга чшу, и вы подобно чшите.

ЗОЛИБА.

Не о почтеньѣ мы, Рогнеда, говоримъ,
 На бѣдства мы швои во смушномъ духѣ зримъ,
 И насъ швоя крушимъ печаль и часъ сурова,
 Какова мщенія ты хочешь?

ГОРИСЛАВА.

Никакова! —

Опшченіе мое всходяще до небесъ,
 Есть мой всечасный стонъ и шоки горькихъ слезъ.
 Спенаніевъ моихъ когда не внемлютъ боги,
 Мнѣ въ мѣрѣ нѣшъ иной ко счастью дороги.
 О разліянная болѣзнь въ груди моей!
 Терзай меня, круши! но заключайся въ ней. —
 Ропшаніе шогда досады лишь сугубишь,
 Коль кто любилъ кого, и больше не возлюбитъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Предъ гордымъ Княземъ ты смираешься вопще,
 Онъ врагъ швой и злодѣй; . .

ГОРИСЛАВА.

Но онъ мнѣ милъ еще!

ЗОЛИБА.

Коль наши дружески совѣшны опшвергаешь,
 Худую на боговъ надежду возлагаешь,
 Страшисъ со Княземъ ты Перунова огня.

ГОРИСЛАВА.

Пускай разишь сей огонь, но ахъ! одну меня.

ЗОЛИБА.

Увянуть хочешь ты, Царица, въ лучшемъ цвѣтѣ?

ГОРИСЛАВА.

Супругъ меня забылъ, на что мнѣ жить во свѣтѣ!

СВЯТОПОЛКЪ.

Коль свѣтѣ забыла ты несчастливо любя,
 То знашь не прогаюшъ безчувственну себя,
 Ни Ярополкова всечасно шѣнь стелюща,
 Ни кровь Рогвольдова, опмищенія просяща,
 Ни братьевъ швоихъ, ни сестрѣ плачевный рокъ,
 Ни подданныхъ швоихъ въ оковахъ слезный шокъ,
 И ешъли все сіе исчисливъ ты спокойна,
 Такъ ты шоски и слезъ несчастная достойна!

ГОРИСЛАВА.

Спокойна! . . чувшва я не вѣдаю сего:
 Князь! Князь! иль ты лица не видишь моего,
 Не примѣчаешь слезъ по немъ рѣками шекшихъ,
 Не слышишь споновъ швоихъ мой духъ почти извлекшихъ;
 Чемъ сердце шомное сѣдася мое,
 Слезами на очахъ написано сіе:
 Но подлинно къ другимъ я чувшвамъ неспособна,
 Кумирамъ каменнымъ являюся подобна,
 Едва бѣеся грудь; едва не мерзнетъ кровь;
 Я чувшвую одну несчастную любовь,
 Кошорая во мнѣ всѣ чувшвы погасила.

СВЯТОПОЛКЪ.

Велика сей любви, но бесполезна сила!

ЗОЛИБА.

Умрешь въ поскѣ, умрешь симъ чувспвамъ волю давъ,
Скрѣпись. . .

ГОРИСЛАВА.

Ахъ! естли бы не сынъ мой Изяславъ,
Давнобъ окончила мою несносу муку,
Давнобъ моей рукой. . . .

СВЯТОПОЛКЪ.

Проспри къ злодѣю руку.
Дерзни невольничьи оковы разрывать,
И непрезрѣнная Царица будь и машь.

ГОРИСЛАВА.

Коль ты коварствами меня не уловляешь,
Такъ знай, что ты мой слухъ и сердце оскорбляешь;
Мнѣ рѣчь твоя страшна; пойду къ моимъ богамъ,
Нигдѣ отрады нѣтъ, моя отрада шамъ;
Онлачу тамо я мои напасти многи!

(Уходитъ.)

ЗОЛИБА.

Иди! несчастную да успокоятъ боги!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗОЛИБА и СВЯТОПОЛКЪ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Доколѣ мы ея любви не испребимъ,
Не привлечемъ ее ко умысламъ своимъ.

ЗОЛИБА.

Во дерзновеніи, о Князь! ты не умѣренъ;
 Будь скромнѣ, ежели ты дѣйствовашь намѣренъ;
 Коль хочешь мясежа пожарѣ произвести,
 Умѣй ты еѣ шайнѣ огонь къ возженію нести;
 Измѣна шоржешвомѣ въ успѣхахѣ нареченна,
 Но подлый есть порокѣ измѣна обличенна.
 Ся несчастная и слабая жена,
 Бышь въ наши шайнства вводимы не должна;
 Ея спенаніе, ея намѣ слезы нужны;
 А намѣ смиренія и крошости наружны,
 И Князя обманушь удобна скромностьъ твѣ.
 Ты знаешь, что сїи священныя врага,
 Которыя во храмѣ Перуновѣ заключены,
 Вѣщающѣ зло, когда бывающѣ отворены;
 Надѣ Гориславою подѣйствующѣ они,
 И воспаменяшся въ ней ошмщенія огни.
 Иди мой сынѣ! иди ко подвигу полезну,
 Мы скрышой молнтей низвергнемѣ Князя въ бездну,
 Да боги пушь двятѣ тебѣ своей рукой.

СВЯТОПОЛКЪ.

Мнѣ предводилель мечь, свѣшило, разумѣ швой:
 Въ народѣ нѣкую довѣренность имѣю,
 Ядѣ злобы во сердцаѣ, и смѣлость въ дѣши всѣю.
 (Уходитъ)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОРИСЛАВА и КЛИДА *изходящія изъ храма.*

ГОРИСЛАВА.

Что сердце томное, ахъ! что ты ощущаешь?
 Какой мнѣ новый страхъ, душа моя, вѣщаешь?
 Или мольбы мои мнѣ спавяшся виной;
 Я ужаса бѣгу, онѣ слѣдуетъ за мной.
 Когда Перуна я въ объятіяхъ держала,
 Вся внутренна во мнѣ тревожилась, дрожала,
 И древо видѣлось одушевленнымъ мнѣ.
 Нѣтъ, Клида! зрѣла я конечно не во снѣ:
 Кумиръ въ моихъ рукахъ явился оживленнымъ,
 Не швердымъ камнемъ былъ, онѣ былъ не древомъ
 шлѣбнымъ,
 Движеніе имѣлъ и стонѣ произносилъ.
 Сей стонѣ! родительскимъ подобенъ стѣбнамъ былъ,
 Которой памятенъ мнѣ къ вѣчныя печали!
 Увы! они меня злодѣйствомъ уличали. . . .
 Нѣтъ больше для меня, ужъ нѣтъ покою здѣсь,
 Спрадаю; пренешу, мяшется духъ мой весь!

К Л И Д А (*ее поддерживая*)

Ихъ тѣни страждущи опраду въ томъ находятъ,
 Когда на дщерь свою печальный взоръ возводятъ,
 Но

Но не въ поскѣ себя желаютъ зрѣшь они,
 Для пользы вѣщшя твои имъ нужны дни,
 Мечтающа шебѣ ихъ шѣни возмущенны
 За шѣмъ, что онѣ шебя за смерть не ошомщенны.

ГОРИСЛАВА.

Мнѣ мстишь! — увы! — кому за ихъ я смерть
 ошмщу?

Когда свирѣпаго убійцу я ищу,
 Ищу, и нахожу любезнаго супруга;
 Пребеззаконною явися мнѣ услуга,
 Услуга, чѣмъ моимъ родителямъ должна. . . .
 Ахъ! дочь Рогвольдова Владимиру жена.

КЛИДА.

Неволей брачныя уставленны союзы,
 Чувствительнымъ сердцамъ сущъ тягосныя узы,
 И позволяющъ ихъ и боги разрывать,
 И кляшвы, данныя неволей, забывать.

ГОРИСЛАВА.

Всѣ кляшвы я богамъ, кошоры приносила,
 Всѣ кляшвы брачныя, я съ сердцемъ согласила,
 Владимиръ слышалъ ихъ, Перунъ, народъ и храмъ,
 Кляшвопресшудники ужасны небесамъ!

КЛИДА.

Но кляшвы данныя Владимиромъ забвенны.

ГОРИСЛАВА.

Тѣмъ паче мной мои бышь должны соблюденны.
 Когдабъ мы оба ихъ изгнали изъ сердецъ,
 Разшоргся бы давно супружескй вѣнецъ;

Хоть

Хоть изшрѣбилася во князѣ спрась любовьна,
 Я будучи вѣрна, предѣ княземѣ не виновна,
 Что онѣ раскаешся, льщу сердце, льщу мой духѣ;
 Кѣ совѣшамѣ пагубнымѣ не приклоню мой слухѣ....
 Но Святополкѣ идетѣ - - Слова его суровы,
 Всегда приносяшѣ мнѣ шоску и слезы новы!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖѢ и СВЯТОПОЛКѢ.

СВЯТОПОЛКѢ.

Не сѣшуй, что вѣ швоей несчастливой судьбѣ,
 Прѣумножаю плачѣ, ко скорбямѣ скорбѣ шебѣ;
 Пекуся о шебѣ я жалостію пронущѣ,
 Однако не одни здѣсь жены шолько стонущѣ,
 Спонаешѣ весь народѣ, наполненѣ градѣ шоски,
 Гнѣшомый бременемѣ мучительской руки;
 Владимирѣ гордости границѣ не полагаешѣ,
 Сѣ пришельцами себя вѣ чершоти заключаешѣ,
 Прѣемлешѣ ихѣ вѣ совѣшѣ, пренебрегаешѣ насѣ,
 Изѣ храминѣ наконецѣ онѣ изгналѣ женѣ сей часѣ,
 Мы шерпимѣ, но давно привыкли мы кѣ шерпѣнью,
 Насѣ вопли княжьихѣ женѣ влекушѣ ко сожалѣнью;
 Владимирѣ громѣ вознесѣ несчастливыхѣ губя,
 И грянешѣ можешѣ бышь на первую шебя;
 Не защищаема супруги перьвой правомѣ
 Ты будешѣ спранствовашѣ вѣ шпеняхѣ со Изяславомѣ.

II

ГО-

ГОРИСЛАВА.

Какую новость мнѣ жестокой князь принесѣ!
 Вину къ слезамъ! но я бываю ли безъ слезъ?
 Владимирову мнѣ вѣщаешь шы суровость,
 Ужъ десять лѣтъ грызешъ меня шакая новость;
 Отвержешъ онъ! — но я отверженна давно:
 Что въ градѣ, что въ степи, мнѣ бѣдствовашъ равно,
 Равно мнѣ слезы лишь, но неравно въ злой долѣ,
 Бышь другомъ иль врагомъ съ сѣдящимъ на престолѣ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Однако хочешь ли изшедъ изъ моря бѣдъ,
 Въ ошечество швое сокрышья съ сыномъ . . .

ГОРИСЛАВА.

. . . . Нѣтъ!

Тѣ средства, кои я къ спасенію предвижу,
 Тѣ средства во швоихъ совѣсахъ ненавижу;
 Владимиромъ шоски въ волнахъ погружена,
 Владимиромъ изъ нихъ изпоргнушья должна.
 Мнѣ ль разумъ упражнять въ коварствахъ и въ обманѣ?
 О! небо, что я есмь? песчинка въ окѣанѣ,
 Песчинка слабая падающая на дно,
 Погибну, иль спасусь, для свѣша все равно.

КЛИДА.

Но неравно для насъ, и не равно для сына,
 Котораго съ швоей сопряжена судьбина.

ГОРИСЛАВА.

Есть боги на широмъ взирающи съ небесъ,
 Перебѣняющи на радость шокъ ихъ слезъ.

СВЯ-

СВЯТОПОЛКЪ.

Боговъ ты защищать клялась предъ небесами!

ГОРИСЛАВА.

Они сильнѣй меня и защищаяся сами!

СВЯТОПОЛКЪ.

Опечесству любовь и подданнымъ яви.

ГОРИСЛАВА.

Люблю Владимира, и нѣшѣ иной любви,
 Ахъ! нѣшѣ, къ которой бы умѣла я рѣшиться!
 Но долгъ и вамъ велишѣ враждебныхъ думъ страшиться,
 Межъ вами сѣять я разврата не хочу,
 И клеветы твои предъ Княземъ умолчу;
 Однако далѣ злыхъ мыслей не стремише,
 Я спражду паче всѣхъ, съ меня примѣръ возмите,
 Любите князя вы . . .

СВЯТОПОЛКЪ.

Съ небесъ которой зрятъ,

Иное Боги мнѣ иное говорятъ,
 Я болѣе тебѣ досады не прибавлю;
 На произвольную тебѣ напасть оставлю;
 Рвись, мучься съ сыномъ ты, щерзайся и стени,
 Другова жребія твои не стоятъ дни!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ГОРИСЛАВА и КЛИДА.

КЛИДА.

Проспершую къ тебѣ ты отвергаешь руку,
Которой онѣ твою пресѣчь намѣренѣ муку!

ГОРИСЛАВА.

Которой ходишь онѣ всѣ раны разсправишь,
И въ сердцѣ радости послѣдни умершвишь;
Нѣшь!... другомѣ шощѣ моимѣ вовѣкъ не наречешся,
Кшо до Владимира и мыслью злой коснешся!

КЛИДА.

Губя цвѣшущія дни вѣка своего,
Дивлюсь, что пламенно такѣ любишь ты ево!
Во слабости такой тебѣ не подражаю;
Повсеминушно я Рогвольда вображаю,
Въ пыли, межѣ воиновѣ лежащаго въ крови!
И маперь зрю твою достойную любви . . .

ГОРИСЛАВА.

Молчи! . . . не вображай минушы преужасной,
Лишь пуще дѣлаешь она меня несчастной,
Всю душу вовѣ влекушь поль страшныя слова,
На что меня мершвишь, почши ужѣ я мершва!

КЛИДА.

Но ты къ Владимиру сихѣ чувстей не имѣла,
Какѣ слава дѣлаѣ его вкругѣ Полоцка гремѣла;
Какѣ

Какъ предковъ онъ своихъ престолъ окровавилъ,
 Подъ лаврами себя своимъ очамъ явилъ,
 Когда заразами своими воспаленный,
 Онъ брата ревностью замучилъ ослабленный!

ГОРИСЛАВА.

Мой врагъ подъ лаврами тогда мнѣ спрашенъ былъ,
 Но врагъ сей сдѣлавшись супругомъ, спалъ мнѣ милъ,
 Увы! Владимиромъ мой убитъ родишель!
 Но ахъ! въ убійцѣ семъ предсталъ мнѣ побѣдишель,
 Любовникъ во врагъ въ злодѣѣ нѣжный другъ,
 Въ моемъ гонителѣ, и Царь мой, и супругъ!

КЛИДА.

И самъ Владимиръ здѣсь... коль грозны взоры мещешъ!

ГОРИСЛАВА.

(Увидя Владимира)

Волнуешь мой духъ, вся внутренна трепещешъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЪ и ВЛАДИМИРЪ *(провожаемый
 Добрынею и тѣлохранителями.)*

ВЛАДИМИРЪ.

Въ позорной празности несвойственной Царю,
 На слабости мои я смутнымъ окомъ зрю;
 Давно меня не зришь подъ лавромъ Горислава,
 Умолкъ побѣды громъ, уснула здѣсь и слава;

Я въ морѣ слабостей любовныхъ ушопалъ,
 Въ ея оковахъ я какъ плѣнникъ засыпалъ;
 Но воздремавшая душа моя проснулась,
 Мракъ скрылся, слава мнѣ моя напомянулась;
 Наспали времена, за нею въ слѣдъ мнѣ печь,
 И узы отложивъ простерть къ побѣдамъ мечъ;
 Прибавишь ко вѣнцу Россійску лавры новы,
 Разпоргнувши свои, разпоргнушь женѣ оковы.
 Влекомъ изъ Кіева со воинствомъ моимъ,
 Любовны цепи снявъ, я далъ свободу имъ;
 Но ты по первенству, по Княжеской породѣ,
 Ты Горислава здѣсь живи въ иной свободѣ,
 Супруги Царскія права оставь себѣ,
 Тебя вельможи чшущъ, я буду другъ шебѣ;
 Останься безъ меня народомъ здѣшнимъ чшима,
 Хоть мной оставлена, но всѣми ты любима.

ГОРИСЛАВА.

Чшо можешъ мнѣ мой рокъ пріятнѣй учинишь!
 И кшо любовь твою мнѣ можешъ замѣнишь!
 Ахъ! дай мнѣ Государь, ахъ! дай едину волю,
 Всегда оплакивать мою несчастну долю;
 Не надобно мнѣ Князь вниманіе ни чье,
 Чшо мнѣ въ чужемъ, коль я ушрашила свое?
 Но ахъ умолкну я! . . .

ВЛАДИМИРЪ.

Коль гордое упорство!
 Крушишь меня твоей плачь, крушишь и непокорство,
 На

На то ли мнѣ себя съ собою купно зрѣшь,
 Улику совѣсши чтобъ вѣчную имѣшь,
 Твоими бышь всегда терзаему рѣчами,
 Копорыми меня разишь шы какъ мечами,
 Не знаю, какъ швою мнѣ скорбь имяновашь?
 И ненависть могу я въ ней подозрѣвашь!

ГОРИСЛАВА.

О! Князь шы новый ядѣ мнѣ въ сердце изливашь,
 Уже и слезы шы мои подозрѣвашь!
 Коль сердце мучишься мое во мнѣ когда,
 Не о Роговдѣ я терзаюся тогда,
 Не стѣны Полодки во прахъ преобращенны,
 Не рокъ приходишь мой мнѣ въ мысли возмущенны,
 Не свѣша за меня лишенный Ярополкъ,
 Давно плачевный гласъ о нихъ во мнѣ умолкъ;
 Родителей, престолъ, гражданъ я позабыла,
 Сильнѣйшая печаль печаль сію убила;
 Коль плачу я о чемъ, такъ плачу я спеня,
 Что болѣе уже не любишь шы меня,
 Что спрасшь швою. . .

ВЛАДИМИРЪ.

Уже изъ сердца истощенна.

Тобой она зажглась, побой и пошущенна.
 Я помню, что я былъ швоихъ причиной слезъ;
 Но право то войны, и воля то небесъ,
 Опредѣляющихъ намъ жребій въ ратномъ полѣ,
 Кому шоржешивовашь и бышь кому въ неволя;

Я швой разрушилъ шронъ; но ты отмстила мнѣ,
 Во побѣжденной сталъ я плѣнникомъ шранъ,
 Любовь моя шебѣ уронъ швой заплашила,
 А ты на шронъ возшедъ, мнѣ и на шронъ мстила:
 Поверженъ предъ шобой, какъ рабъ швой многи дни,
 Твой спонъ одинъ внималъ и слезы зрѣлъ одни,
 Я жаръ къ шебѣ являлъ, ты хладъ ко мнѣ являла,
 Тушила пламень мой, и нѣжность умаляла;
 Мнѣ спонъ швой, скорбный видъ, швой плачъ и
 мрачный взглядъ
 Вѣдали, что шебѣ ужасенъ я какъ адъ;
 И спрасъ моя къ шебѣ изъ мыслей излещѣла.

ГОРИСЛАВА.

Увы! такъ я шебѣ прошивной бышь хотѣла?
 Такъ спонъ, сей шяжкѣй спонъ, и слезы кои лью,
 Когда въ очахъ швоихъ холодность зрю швою,
 И спонъ, и грусть сія, и всѣ мои печали,
 Въ моей несклонности меня изобличали?
 Въ несклонности къ шебѣ! — о коль несчастна я!
 Что звѣршвомъ кажешся и нѣжна спрасъ моя;
 Но любишь ли мой духъ тебя, иль ненавидишь,
 То видишь весь народъ, Перунъ, и небо видишь.
 Вы, коихъ прахъ помимъ позорна спрасъ моя,
 Скажите вы, о комъ рвалась и рвуся я.
 Вину шоски моей родители скажите,
 Но не ево, меня за плачъ мой накажите.

ВЛАДИМИРЪ.

Я горькихъ слезъ твоихъ причины не ищу,
Не мстишь тебѣ, тебя зрѣшь щастливу хошу;
Какимъ желаешь здѣсь ты насладишься правомъ?

ГОРИСЛАВА.

Пусти меня въ мою страну со Изяславомъ,
Гдѣ прахъ шенерь лежитъ родителей моихъ;
Я спану омываш слезами гробы ихъ:
Тамъ подданныхъ моихъ едины кости шлѣютъ,
Лишь враны шамъ живутъ, и шолько вѣпры вѣютъ
Одни развалины, гдѣ градъ стоялъ и шронъ,
И раздавашся шамъ мой будешъ плачъ и шонъ,
Пушъ буду я рыдаш съ младенцемъ въ злой судьбинѣ;
Опасна бышъ могуль живущая въ пустынѣ?
Ахъ! нѣшъ, опасно тебѣ могу я бышъ,
Что буду я и шамъ еще тебя любишъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Коваршвуй! и влеки меня во ослѣпленье,
Швавъ сѣши мнѣ свои, ты швавъ во уловенье,
Ужасны для тебя, какъ я сіи мѣста,
Противенъ воздухъ сей, страна прѣятна ша,
Гдѣ шронъ поверженный, разрушенныя шѣны,
Не погребли еще злодѣйства и измѣны,
Гдѣ шѣни шраншвуютъ еще враговъ моихъ; . . .
Достойну зрю тебя родителей твоихъ!
Но помни ештли швой шупругъ тебя забудешъ,
То Горислава здѣсь, Рогнедой паки будешъ.

ГОРИСЛАВА.

Не Гориславою хочу Рогнедой бышь;
Рогнеду ты любилъ, а шу пресналъ любишь!

ВЛАДИМИРЪ.

Сей лесью не любовь вселяешь мнѣ презрѣнье!

ГОРИСЛАВА.

Поспой о Государь! храни ко мнѣ почтение,
Не возгордися шѣмъ, что я тебя люблю;
Я все могу спернѣшь, презрѣнья не сперплю;
Смошри, чтобы не спалъ казаться побѣдитель,
Не спалъ казаться мнѣ, мой врагъ, злодѣй мучитель.

ВЛАДИМИРЪ.

Угрозы женскія я спавлю ни во что,
Люби иль ненавидь, равно шдишаю шо.

РОГНЕДА.

Когда бы та любовь, кошора еѣ сердцѣ тлится,
Могла бы еѣ ненависть, любовь преобращишь,
Рогвольдова бы шѣнь пресшала посковать,
Не спала бы я слезѣ единыхъ проливать;
Слезамибѣ ты омылѣ надѣ Полодкомѣ побѣду,
И гордую тогда узналѣ бы ты Рогнеду!

ВЛАДИМИРЪ.

Поди отѣ глазѣ моихъ! . . . увы! поспой на часѣ!
Вѣ минушу вспыхнулѣ тѣбѣ, вѣ минушу и погасѣ!
О благѣ я швоемѣ, какѣ нѣжный другѣ радѣю,
А ты ошвѣстшвуешь мнѣ будшо бы злодѣю;
Великодушіе и жалосшь я кажу,
Вѣ шееѣ суровосши и гордосшь нахожу,

Или

Или къ моимъ врагамъ ты хочешь прѣобщиться?

ГОРИСЛАВА.

Ахъ! лъзяль тебѣ мой князь, моей любви спрашиться!

Когда губишь кого, меня губишь она;

Не дѣлаю того, что дѣлала я должна;

Тоскую, сѣшую, слезами обливаюсь,

Вотъ всѣ враги твои, съ кошорыми я знаюсь;

Мой сынъ, любезный сынъ, рожденный отъ тебя,

Не можешь въ младости всунуишься за себя,

Онъ учился рыдать и бѣдствовать со мною,

Съ твоею плакашь въ вѣкъ, назначенной женою;

Не опасайся насъ! — Есть можешь быть враги,

Отъ коихъ жизнь, мой Князь, и скипетръ ты бречи,

Враги сокрышныя не слезы льно льющи,

Но сѣши вокругъ тебя въ молчаніи плешуци;

Ты око, Государь, недремлюще имѣи,

Спрашися лести ихъ, а не тоски моей!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЛАДИМИРЪ и ДОБРЫНЯ.

ВЛАДИМИРЪ.

Она несчастлива! но я, мой другъ, жалѣю,

Что въ сердцѣ къ ней любви взаимной не имѣю!

ДОБРЫНЯ.

Но словъ не надлежитъ ея пренебрегать,

И возбѣдаему опасность отвергать.

Хоть

Хоть бури плавашель не зришь въ спокойномъ морѣ,
 Но буря взволновать пучину можешь вскорѣ,
 И въ самой тишинѣ боишься встровѣ онѣ,
 Народъ швой Окѣанѣ, корабль въ волнахъ, швой шронѣ.

ВЛАДИМИРЪ.

Несчастный человекъ, такой бы былъ владѣшель,
 Которой бы любя народъ и добродѣшель,
 Рачащій какъ отецъ о подданныхъ своихъ,
 Страхъ въ сердцѣ бы носилъ, подозрѣвая ихъ;
 Которы на людей перуны сѣпо мецущъ,
 Мучители одни на пронахъ ихъ шрепещущъ;
 Бояшсья должно ли злодѣевъ благъ шворцу,
 И безпокойну бышь между сыновъ ошцу?

ДОБРЫНЯ.

Ты подданнымъ отецъ, и то мнѣ Князь извѣстно,
 Что съ твердою душой бышь слабости невѣстно;
 Но ешь о Государь, шропшивыя сердца,
 Которы сущъ враги всегдашнѣя вѣща.
 Мнѣ памясны слова смущенной Гориславы,
 И памясны иныхъ Князей разврашны нравы.

ВЛАДИМИРЪ.

Ихъ нравы вредны имъ; а мнѣ извѣстно то,
 Что на меня ропшашъ не можешь здѣсь ни кто.
 Я царства моего разпрощранилъ предѣлы,
 Я грады новыя устроилъ, новы селы,

Законъ крошкѣя изрекѣ я сей спранѣ,
 Которы подданнымѣ полезнѣй, нежели мнѣ,
 Изкоренилѣ грабежѣ, обманы и злодѣйство,
 Россію за одно я чшу мое семейство.
 Въ обѣщанія мои вдовѣ принялѣ и сиротѣ,
 Такіяль сѣмяна дадутѣ шерновый плодѣ?
 Нѣшѣ, другѣ мой, какѣ ошедѣ я Россами владѣю,
 Враговѣ я не имѣлѣ, и нынѣ не имѣю.

ДОБРЫНЯ.

Любимѣ ты всѣми былѣ, и не имѣлѣ враговѣ,
 Доколѣ презирашѣ не начиналѣ боговѣ;
 Законѣ въ поняшѣи не почишаю строгомѣ,
 Мнѣ Богѣ Владимировѣ моимѣ явшися богомѣ;
 Какую вѣру ты владѣя ни имѣй,
 Мной будешѣ ты любимѣ, лишь праведно владѣй;
 Но шайныя враги бывающѣ государства,
 Одни отѣ слѣпоты, другія отѣ коварства,
 Которы за святой почнутѣ себѣ предлогѣ
 Возжечѣ смяшеніе, что ихѣ поруганѣ богѣ.
 И суевѣрїе усердія въ личинѣ,
 Придастѣ похвальный видѣ измѣны злой причинѣ,
 Тогда въ опасности, о Князь, швой будешѣ шронѣ;
 Отѣ Грековѣ ты берешѣ супругу и законѣ;
 Доколѣ новости сія не ушверженны,
 Бышѣ должны шражею всегда мы огражденны.

ВЛАДИМИРЪ.

Что хочешѣ дѣлай ты, ставѣ шражу ты, иль нѣшѣ;
 Участія ни въ чемѣ Владимирѣ не берешѣ;

Коль

Коль ешь враги, моихъ враговъ пренебрегаю;
 На Бога я судьбу, на правду возлагаю,
 Сумнѣнїй ошъ себя и шѣни удаю,
 Не оскорблю людей, ихъ другомъ быть люблю;
 Храни ты не мое, народное спокойство,
 На шронѣ шрепешашъ Монарховъ слабыхъ свойство;
 Увѣришь, что враговъ сокрытыхъ не спашусь,
 Скажи, что въ комнашы мои не возвращусь,
 И не пишajúщїй сумнѣнїя во нравѣ,
 Иду безъ шрепеша въ чертогъ ко Гориславѣ,
 Гдѣ стражи нѣшъ, ошколь убѣгнушъ стражи прощъ.
 Покровы мрачныя уже спустила ночь,
 Вину движенья войскъ зашра имъ предшавимъ,
 И съ ними берега Днепровскїя ошавимъ.

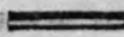
ДОБРЫНЯ.

Да будетъ ночь сїя безбѣдной для себя;
 Но помни, что швоя супруга и любя
 Спрадала, — спраждушїй бываетъ къ месши близокъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Но для Владимира и видѣ сумнѣнїй низокъ!

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОРИСЛАВА *одна.*

О шѣни спраждуци оспавыше вы меня!
 Не рвите вы души передо мной спеня! . . .
 За мной они шекушѣ! . . . И раны мнѣ являюшѣ,
 Ихѣ помныя слѣды весь домѣ окровавляюшѣ!
 Увы! родисель мой! любезна мать моя!
 Не мспшите мнѣ! ужѣ и пакѣ опмщенна я,
 Вашѣ прахѣ передомной помится и спонаешѣ,
 Гдѣ скрышся? ваша дочь убѣжища не знаешѣ;
 Владимирѣ мучишѣ памѣ, дщерь мучите вы здѣсь!
 Вы скрылися опѣ глазѣ, но духѣ вспревоженѣ весь!

ЯВЛЕНІЕ II.

ГОРИСЛАВА и КЛИДА.

ГОРИСЛАВА.

Увы! почшо меня оставила шы Клида!

КЛИДА.

Спращуся швоего опчаяннаго вида!

Чшо сдѣлалось съ шобой? глаза швои вѣ слезахѣ,
 На блѣдномѣ на лицѣ написанѣ смершый страхѣ,

Или

Или о бѣдшвенной своей узнала долѣ?

ГОРИСЛАВА.

Какова ожидашь еще мнѣ бѣдства болѣ?

Всю ярость на меня рокъ люшый испощилъ,
Свирѣпшвовалъ, гремѣлъ, и жребій мой рѣшилъ;

До высочайшія просперлось зло шепени;

Родшелей моихъ представились мнѣ шѣни.

Ахъ! видѣла я ихъ, я видѣла въ крови;

Они враги моей супружеской любви.

Вся совѣсть, мысли всѣ, на чаши раздѣленны,

Колешюшя они ничѣмъ не подкрѣпленны;

Спрадаю, гибну я, что злая сей доли ешь?

КЛИДА.

Сѣя не поразшь шбя не можешъ вѣшь.

ГОРИСЛАВА.

Вѣщай! . . . пусть всѣ бѣды въ одну совокупяшя,

И дни мои однимъ ударомъ прекращашя.

КЛИДА.

Одними видами шревожшся швой духъ,

Но сердце уязвшъ какъ мечъ, сей новый слухъ;

Не ожидала шы судьбины шоль плачевной,

Владимиръ съ Греческой спрягаешя Царешной;

Однако можешъ бышь пуста сѣя молва.

ГОРИСЛАВА.

Ахъ! праведенъ сей слухъ, всѣ праведны слова,

Вѣщаюшъ мнѣ о томъ сей воздухъ, домъ и шѣны,

Вездѣ изображенъ ужасный видъ измѣны;

Но

Но паче сердце днесъ вѣдзаетъ мнѣ о томѣ ,
 Владимирѣ пасмуренѣ вспунилъ вѣ Рогнединѣ домѣ ;
 Не соопшѣвшисвуя моимъ слезамъ и спонѣ ,
 Онѣ рекѣ : заупра я опсель иду кѣ Херсону ;
 Хошу я новаго искзашъ побѣдѣ плода ! . . .
 За чѣмѣ сей гордый Князь , за чѣмѣ идешѣ шуда ;
 Монархамѣ первымѣ онѣ своею славою равенѣ ,
 Неколебимоспью любви лишь не славенѣ .
 По томѣ на одрѣ сей Князь безмолвешвуя возлегѣ ,
 Бесѣду онѣ мою и сына пренебрегѣ ;
 Со спрахомѣ на него я очи обращаала ,
 Неизреченную тоску я ощущаала ,
 И слезы пролила ! — вдругѣ вѣ явѣ иль во снѣ ,
 Моихѣ родителей явились шѣни мнѣ ,
 Зашрепешалѣ чершогѣ , и шѣни шѣ любезны ,
 Являя раны мнѣ пошоки лица слезны ,
 Я зрѣла лица ихѣ , я ихѣ внимала гласѣ ,
 Опмсти Владимиру , вѣщали мнѣ , за насѣ ;
 Опмсти за насѣ ! увы ! нашѣ прахѣ ты долго мучишь ,
 Опѣ перваго Жреца орудіе получишь ,
 Которое вонзи Владимиру во грудь ;
 Бѣжала я опѣ нихѣ , и забывала пушь ,
 Ихѣ видѣла , на что я очи ни вводиала ,
 Опѣ ногѣ моихѣ земля , казалось , уходила . . .
 Не знаю какѣ вѣ сѣи досстигла я мѣша . . .
 Ахѣ ! скройся ! скройся ты плачевная мечша !

КЛИДА.

Почто, когда тебя въ объятіяхъ носила,
 Почто несчастную тебя не умертвила,
 Иль жизни своєю плачевной въ первый день,
 Почто не смертная тебя покрыла шбнь!
 Свершается все то, что я ни предвѣщала:
 Совмѣспницѣ я твоихъ въ печали посѣщала.
 О коль ихъ бѣдственъ рокъ! коль жалостны ихъ дни!
 Стыдяшся въ горести на свѣтѣ взглянуть они;
 Ихъ Князь ихъ и супругъ отъ взора отвергаешъ,
 И весь ихъ дворъ теперь, весь градъ пренебрегаешъ;
 Онъ имъ любовь являлъ, подобно какъ тебѣ,
 И равной съ ними ты подвергнешься судьбѣ,
 Ты будешь можешь быть Гречанкиной рабою.

ГОРИСЛАВА.

О храмъ! Перуновъ храмъ! клянуся предъ тобою,
 Предъ вами, шбни, я родительски клянусь,
 Что я позорной сей судьбины не дождусь;
 О жизни не пекусь и не пекусь о смѣѣ,
 Препоручу его всевидящей судьбинѣ. . . .
 Несчастный Изяславъ! но мнѣль рабою быть,
 И люшаго еще Владимира любишь!
 Вамъ боги сироту, я вамъ его вручаю,
 Пойду и жизнь мою во храмъ окончаю!

(Клидѣ.)

Прости въ послѣдній разъ! .. ожесточенъ мой духъ! ..
 Какія жалобы пронзаютъ здѣсь мой слухъ,
 Но кто передо мной! . . .

КЛИ-

КЛИДА.

Родишельскія шѣни,

Рыдаюшѣ здѣсь они и произносятѣ пени,
 Что ты несчастна дщерь не мстящая за нихѣ,
 Вооружаешся прошиву дней твоихѣ.

ГОРИСЛАВА.

Оставь, оставь меня, о лютое мечпанье!
 Ахѣ! слышу вашѣ я стонѣ, совѣшы и роппанье,
 Но не внимая вамѣ, скончаю жизнь шеперь! . .
 (*Идетѣ ко храму.*)

Увы! отверзлася ужасна храма дверь,
 Что значитѣ страхѣ такой! . .

КЛИДА.

Золиба кѣ намѣ приходитѣ!

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢЖЬ, (*и когда отверзлася съ громомѣ
 тайная дверь Перунова храма,
 является Золиба съ кинжаломѣ.*)

ГОРИСЛАВА.

Онѣ блѣденѣ, видѣ его мнѣ смершный страхѣ наводитѣ,
 (*Золибѣ.*)

На что отверзѣ, на что ты спрашны враша?

ЗОЛИБА.

Слушила весь мой духѣ ужасная мечта,
 Во храмѣ мнѣ швои родители явились,
 И двери предо мной со громомѣ отворились;
 Иду кѣ тебѣ. . . .

ГОРИСЛАВА.

Какой въ рукѣ швоей кинжалъ!

ЗОЛИБА.

Копорымъ швой супругъ Рогвольда поражалъ!
Кинжалъ на олшарѣ лежащій указала,
И блѣдна шбнь его миѣ рѣчь сію сказала:
Рогнеда симъ ошместишь за смерть мою должна.

ГОРИСЛАВА.

Ахъ! кровь на немъ моихъ родителей видна.
Увы! лишаюсь силъ! . . .

ЗОЛИБА.

Ошмести за кровь кипящу!

Вонзи кинжалъ во грудь въ чершогохъ Князю спящу!

ГОРИСЛАВА.

Престанъ суровостью миѣ сердце заражать,
Насъ Боги могутъ ли къ убійству воужать?
Ахъ! прежде жизни бытъ сама хочу лишена.

ЗОЛИБА.

Умри, коль хочешь шы, но шолько опомщенна,
Покоршвай небесамъ, послушай шы Боговъ,
Карай родителскихъ и божіихъ враговъ!
Ихъ жрець шевѣ велишъ привестъ ихъ волю въ дѣйство.

ГОРИСЛАВА.

Нѣшъ! долженъ сей кинжалъ мое крашъ злодѣйство,
Я спрасшю могла ко ихъ врагу горѣшь,
И я должна шеперь, не мой супругъ умреть.

ЗОЛИБА.

Я разрѣшаю бракъ и ты опмѣцать во власти.

ГОРИСЛАВА.

Ты разрѣшаешь бракъ! но кто отъ нѣжной страсти,
Кто сердце отъ любви къ супругу разрѣшилъ?

ЗОЛИБА.

Тотъ Богъ, кошорый здѣсь судьбину всѣхъ вершилъ,
Рази! . . .

ГОРИСЛАВА, *(Взявъ кинжалъ.)*

Подай! увы! колеблюся чертоги!

Къ жилищу моему не вижу я дороги!

Все меркнетъ вокругъ меня!

ЗОЛИБА, *(взявъ ее за руку.)*

Иди во свой чертогъ;

Но помни, что себя гремящій видишь Богъ,

На жизнь твою дерзашь тебѣ онъ запрещаетъ!

ГОРИСЛАВА.

Не то мнѣ сердце днесь, увы, не то вѣщаетъ.

О Боги не явлюсь виновной ни предъ кѣмъ,

Виновны оба мы, такъ оба и умремъ.

Иду! . . . трепещетъ грудь! . . . о! Боги подкрѣпите;

Или свирѣлости во грудь мою вступите.

(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗОЛИБА и КЛИДА.

|ЗОЛИБА (слыша сраженіе.)

Но что за вопль возсталъ!.. я слышу звукъ мечей,
Чье шествіе сюда, и стонъ внимаю чей?

Приходишь Святополкъ, смущенъ, обезоруженъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТБЖЪ и СВЯТОПОЛКЪ *безъ шлема и меча.*

СВЯТОПОЛКЪ (въ отчаяніи.)

Увы! погибли мы!... покровъ Боговъ намъ нуженъ.
Я свергнутъ въ ночь сію Владимира хотѣлъ,
Со множествомъ друзей во Княжей дворъ влѣтъ,
И стражу я сломилъ... Внезапу дерзновенный
Добрыня съ воинствомъ предсталъ вооруженный,
Лишилъ меня щита, союзниковъ плѣнилъ...

ЗОЛИБА.

Себя несчастнымъ ты и всѣхъ насъ учинилъ.

Рогнеда поразить супруга устремлена,

Но вопль Владимира возбудитъ усыпленна.

СВЯТОПОЛКЪ.

Предупрежду напасть, за нею поспѣшу,

И съ помощью Боговъ убійство совершу.

ЗОЛИБА.

Надежду тщетную на промыслъ ихъ имѣешь,

Лишенъ меча, друзей, ты въ чемъ теперь успѣешь?

Вла-

Владимиръ живъ! — онъ живъ! его внимаю гласъ!
 Погибло все! пойдѣмъ! да скроушѣ боги насъ!

СВЯТОПОЛКЪ (*идушій за жрецомъ*
(во храмъ.))

Злой случай, не мяшежъ мою отбемлешъ славу!
(Уходятъ оба)

КЛИДА (*одна.*)

Увы! на казнь влечешъ Владимиръ Гориславу!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЛАДИМИРЪ, ГОРИСЛАВА и КЛИДА.

ВЛАДИМИРЪ (*держащій кинжалъ*
Гориславъ)

Измѣнища! я зрѣлъ кинжалъ въ рукахъ твоихъ!
 Ты въ умыслы вошла; пощчасъ открой мнѣ ихъ,
 Ошъ громкихъ воплей я мяшежныхъ пробудился,
 И паче во швоемъ злодѣйствѣ ушвердился.

ГОРИСЛАВА.

Велѣли Боги мнѣ кинжалъ вонзить въ себя,
 А я хошѣла имѣ пронзить сама себя!

ВЛАДИМИРЪ.

Когда меня во гробъ злодѣйски низвергаешъ,
 Еще ко хипроси, еще шы прибѣгаешъ;
 Ты льспишь, покорствуешъ, свирѣпостью дыша;
 Въ себя вмѣстилась вся Рогвольдова душа:

Но онъ злодѣй мой былъ; а ты моя супруга,
Въ немъ я врага щилалъ, въ тебѣ щилалъ я друга,
И другъ сей кровь мою намѣрился пролить.

ГОРИСЛАВА.

Съ тобой дѣляща жизнь и смерть я раздѣлишь,
Съ тобой не жалостнымъ супругомъ уповала:
Но мнѣ свирѣпости судьба не даровала;
Не обращалася я въ умыслахъ ни съ кѣмъ,
На что чужой мнѣ ядъ! ядъ въ сердцѣ есть моемъ,
Довольно бы его къ возженью мессти спало,
Но ахъ! прошивъ любви явилось яда мало,
И я сама мой вѣкъ кончала за тебя.

ВЛАДИМИРЪ (подавая ей кинжалъ.)

Кинжалъ въ твоихъ рукахъ вонзи его въ себя,
Да будешь собственнымъ змѣя пронзена жалою!

ГОРИСЛАВА.

Весь родъ мой истребилъ, мой Князь, ты симъ кин-
жаломъ,

Что должно дѣлать мнѣ въ отчаяньи моемъ,

Я вижу кровью то написано на немъ.

О ближнія мои изъ свѣта истреблены!

Моими горькими слезами окроплены,

Осталось для моихъ на семъ кинжалъ глазъ,

Лишь крови нѣсколько запекшейся отъ васъ,

Сей крови жалостной опмищенія просящей.

ВЛАДИМИРЪ.

Моей погибели и смерти мнѣ хомящей.

ГОРИСЛАВА.

Владимиръ , ты привыкъ свой мечь окровавляшь,
И гнѣвъ свой въ пагубномъ убійствѣ ушляшь,
Благопріятшсшвуешъ теперь шебѣ судьбина,

(*Становясь на холми.*)

Рази меня рази ! спаси лишь шолько сына !
Коль не совсѣмъ въ шебѣ умолкло естество,
Такъ шронься на его взирая широщство,
На младость лѣшѣ его, на бѣдность, на мученье,
Являй ко миѣ одной швое ожесточенье ;
Рази , и сѣ предками меня соедини.

К Д И Д А (*на холмиахъ*)

Увы и сѣ ней меня несчастную казни !

В Л А Д И М И Р Ъ (*лоднимая обѣихъ*)

Жестокія ! вы миѣ злодѣйски нынѣ мстите ,
Вѣ мучишеля меня преобразишь хошите ;
Но вамъ теперь душа изобразилѣ моя,
Защитникѣ ли и другѣ, иль врагѣ вамъ больше я ;
Я вижу вашу злость, за злость не опомщаю,
Невѣрность вашу зрю , невѣрность вамъ прощаю :
Чшу женской слабостью, что долженѣ наказашъ,
(*Гориславъ.*)

Забуду все ! . . . престанъ и шы меня шерзашъ ;
Не швой кинжалѣ меня, но спонѣ швой убиваетѣ.

ГОРИСЛАВА.

Всѣ горести швоя супруга забываетѣ :
Не шолько въ жизни сей меня остановишь ,
Одинѣ швой взглядѣ меня удобенѣ оживишь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЬ и ДОБРЫНЯ.

ДОБРЫНЯ (имѣя щитъ и мечъ въ рукахъ.)

Исполнилось все, что мною предреченно,
 Смяшенье вспыхнуло, но мною пошущенно;
 Я въ помощь съ воинствомъ ко спрѣжѣ прибѣжалъ,
 И бурю мясежа чрезъ силу удержалъ,
 Измѣнники шесей касаея державы,
 Ломилась съ имянемъ въ домъ Царскій Гориславы,
 Одинъ разсѣянъ, другія взяты въ пѣнѣ.

ВЛАДИМИРЪ.

А я селъ змии коварствомъ уловленъ,
 Я съ нею о ея судьбинѣ сокрушался,
 Когда вѣнца онѣй ней и скипетра лишался.
 Изрядный жаръ любви готовила ты мнѣ.

ГОРИСЛАВА.

Что слышу я, того не зрѣла и во снѣ:
 На что мнѣ, Государь, на что швоя держава!
 Жить въ свѣтѣ безъ тебя не можетъ Горислава.
 Извѣстно было мнѣ, что вѣкѣй умыслъ есть,
 Войши въ него любовь, открышь прешила честь!

ВЛАДИМИРЪ.

Ты вѣдала о шомъ, и мнѣ не объявила,
 Убійца ты, хоши меня не умершенила;
 Злодѣй шомъ, кшо себя въ измѣнники включишь,
 И вѣдая о шомъ, злодѣй кшо умолчишь.

Я

Я подданныхъ имѣлъ, и чаялъ бышь спокоенъ;
Священный сей покой злодѣями разшироенъ.

(Гориславъ.)

А все сіе шерплю, шерплю я опѣ шебя.

ГОРИСЛАВА.

Ты раздражилъ Боговъ, шакъ самъ вини себя.

ВЛАДИМИРЪ.

Или, несчастная, запрись въ твои чершогн:
Но ежели шебя къ убійству нудашъ Боги,
Такъ шы оставъ Боговъ свирѣпныхъ шаковыхъ,
Въ божницы не входи учишься зла у нихъ;
Коль будешь волъ шы моей повинешся,
Симъ шолько предо мной шы можешъ оправдаться;
Терпѣнне я имѣлъ, однако не забудъ,
Чшо можешъ рушишься оно когда нибудъ.

ГОРИСЛАВА (уходя.)

Пишай ко мнѣ враждой свои шы мысли шверды;
Коль шы не милосердѣ, мнѣ Боги милосерды!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВЛАДИМИРЪ и ДОБРЫНЯ.

ВЛАДИМИРЪ.

Чей мечъ въ рукахъ шволхъ?

ДОБРЫНЯ.

Сей острый мечъ и шшшъ

Тсбѣ начальника измѣны объявшъ;

Онѣ

Онъ помощію тьмы ночной опѣ насѣ укрылся,
Но чающъ, что въ сѣи чершюги удалился.

ВЛАДИМИРЪ (взявъ щитъ.)

Я болѣ сего и вѣдашь не хочу.

Сей щитъ, увы! сей мечъ, слезами омочу;

О! коль несчастны тѣ владѣтели бывающъ,

Которые враговъ во ближнихъ познѣваютъ!

Смѣдъ сѣ ними бытъ въ родствѣ и жалость ихъ карашъ,

Не могущъ Княжеской души не раздирать;

И кто изъ подданныхъ монарху вѣренъ будешъ,

Коль ближнѣя родство, супруга долѣ забудешъ!

Сумнѣнье новое раждается во мнѣ!

О небо! не яви во злѣйшей ихъ винѣ.

ДОБРЫНЯ.

Захваченныя мной мяшежники суровы,

Для безопасности заключены въ оковы;

Но искры первыя измѣны испребишь,

Вели ихъ смершю, Владимиръ, погубишь.

Грызенья совѣсти прешупникамъ прибавишь,

Велѣлъ знашнѣйшихъ я передъ тебя представишь;

Звучатъ оковы здѣсь, и се приводятъ ихъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ТБЖЪ (*и узники во дятся подъ стражею.*)

ДОБРЫНЯ.

Что дѣлашь повелишь?

ВЛАДИМИРЪ.

Сними оковы съ нихъ! . . .

Коль мы врагамъ себя свирѣпыми являемъ,
Лишь пуще ихъ вражду въ ихъ мысляхъ расправляемъ;
Да наказуются щедротами они;

Не смерть мнѣ подданныхъ, мнѣ надобны ихъ дни!

ДОБРЫНЯ (*Когда уладають освобожденныя невольники на холми.*)

Великодушіе сіе неизреченно!

ВЛАДИМИРЪ.

Оно по должности Монаршей учиненно.

Восстанте! вижу днесъ на вашихъ я челахъ,

Возженное у васъ раскаянье въ сердцахъ.

Ахъ! льстился прежде я, что я дѣшми владѣю,

Что подданныхъ любя, моимъ друзьямъ радѣю;

Увидѣлъ въ чадахъ я злодѣевъ наконецъ! . . .

Коль вы не дѣши мнѣ, я вгмъ еще ошецъ.

Какъ строгій судія свирѣпость ощущаю,

Но какъ родителъ васъ моихъ дѣшей прощаю.

ДОБРЫНЯ.

Коль корня сей вражды, о Князь, не истребишь,

Такъ древа ты сего самъ вѣшви подкрѣпишь,

Подъ

Подъ пѣнь котораго злодѣи пришекають ,
 На жизнь свою съ своимъ начальникомъ алкають .

ВЛАДИМИРЪ.

Сего несчастнаго начальника сыщу ,
 И такъ его какъ сихъ, любезный другъ, прошу ;
 Мой духъ веселіе въ щедротахъ ощущаетъ ;
 Тотъ малъ, кто помнишь зло ; великъ тотъ, кто
 прощаетъ .

Идите ! * Мучусь я ! * * Но вѣдай ты единъ ,
 Что сей сокрытый врагъ, что Святополкъ, мой сынъ .

ДОБРЫНЯ.

Твой сынъ ! о Государь ! твой брательникъ ему родителю ,

ВЛАДИМИРЪ.

Будь важной тайны сей до времени хранитель .
 Намъренъ какъ овецъ я сына наказашъ ,
 Теку обняшь его, простишь и лобызашъ .

Конецъ третьяго дѣйствія.

* Неволиникамъ, которыхъ уходятъ .

** Добрынь .

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗОЛИБА и СВЯТОПОДКЪ,

(Исходящіе изъ храма.)

З О Л И Б А.

Бѣги чершоговѣ сихъ злодѣйствомъ окруженныхъ,
 Бѣги сихъ мѣстѣ, бѣги, въ пороки погруженныхъ;
 Тебя опсюду, князь, честь гонитъ, а не страхъ;
 Но въ ближнихъ крайся ты до упрія лѣсахъ,
 Погаснетъ, можешь быть, Владимирова слава;
 Во храмѣ скрыта здѣсь стѣняца Горислава,
 На жертву не отдавъ супруга намъ она,
 Сама быть жертвою руки своей должна;
 Ея шекуца кровь пошребуетъ ошмищенья,
 И возгорится огнь въ народѣ возмущенья.
 Умреть! . . . Рогнеды смерть, и слезный гласъ жреца,
 Удобны ошврашишь суровоснью сердца;
 Коль ближнія Царя и други покидаютъ,
 Подпоры зыблются и шроны упадаютъ;
 Вънедѣ, порфира, шронѣ не дѣлаютъ Царей;
 Царь шотъ же человекъ и нижшій безъ людей;
 А ешлы въ ночь сію Владимиръ въ храмѣ явшися,
 Моей предѣ олшаремъ рукою умервшися.

С В Я Т О П О Д К Ъ.

Что всѣми онѣ любимъ, Золиба, не забудь;
 Насъ можешь и сія надежда обмануть.

ЗОЛИБА.

Тогда оставь шы, Князь, оставь Днепровы брѣги,
 Или въ страну, гдѣ есть суровы Печенеги,
 Сѣи всегдашнѣя Россійскія враги;
 Вдохни имѣ огонь войны, и дерзость въ нихъ зажги;
 Ты безѣ Владимира во градѣ сей возвратишься,
 И здѣсь торжественно на прониѣ утвердишься,
 Пусть славой онѣ гремишь и побѣдишь Херсонѣ,
 Тебѣ вручатѣ вѣнецѣ я, Боги и законѣ!
 Не умствующій Царѣ, не увѣнчанный воинѣ,
 Но любящій боговѣ престола есть достоинѣ.
 Иди мой сынѣ, престолѣ Россійскій ждещѣ тебя.

(уходитъ.)

СВЯТОПОЛКЪ.

Вѣ обѣщанія боговѣ вручаю днесѣ себя!

ЯВЛЕНІЕ II.

СВЯТОПОЛКЪ *одинѣ.*

Едва, едва мои опселя влекушя ноги,
 И помрачашя и храмы и чертоги.
 Я ужасѣ чувствую взирая къ небесамѣ! . . .
 Чья тѣнь являешя? . . .

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМИРЪ со щитомъ и СВЯТОПОЛКЪ.

ВЛАДИМИРЪ.

Кпо здѣсь?

СВЯТОПОЛКЪ.

Владимиръ самъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Се ты о Святуполкѣ? . . . себя ни шемность ночи,
 Ни свѣшай день въ мои не представляюшъ очи;
 Куда ты кроешься? . . . О Князь! возми сей щитъ,
 Мнѣ кажешся, что онъ тебѣ принадлежишъ.

СВЯТОПОЛКЪ.

Онъ мнѣ принадлежишъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Терзаемый признаемъ,

Взгляни на Князя ты, взгляни ты со вниманьемъ;
 Скажи, ты другъ ли мнѣ?

СВЯТОПОЛКЪ.

Тебѣ я другъ ли? . . . Нѣтъ!

И ямо на щитѣ написанъ мой отвѣтъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ ты пропниъ меня воспашъ не ушрашился,
 Забылъ со мной родство, къ злодѣямъ пріобидиася.
 И не стыдишся ты намбрѣнй такихъ?

СВЯТОПОЛКЪ.

Стыжусь, что не привелъ ко окончанью ихъ!

С

ВЛА.

ВЛАДИМИРЪ.

Коль къ сану моему почтеніе перлешь,
Ты друга во врага несчастный претворяешь.

СВЯТОПОЛКЪ.

Я врагъ Царю, коль Царь богамъ злодѣемъ сталъ,
Которыхъ прежде самъ любилъ и почиталъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Тебѣ ли, юноша, бышь спрогимъ судією
Надъ волею моею, надъ совѣстью моею!
Я храмы зиждѣлъ здѣсь, кумировъ ставилъ сихъ,
И зная ихъ щцету, разрушилъ властенъ ихъ.
Погибни въра ша, которая внушаетъ
Ко ближнимъ ненависть, и дружбу разрушаетъ;
Въ тебѣ развратный духъ посѣялся ошъ ней.

СВЯТОПОЛКЪ.

Величествомъ души я есмь обязанъ ей;
Ты права скипешромъ, бышь выше смертныхъ чашъ;
Мы существуемъ ли, того не примѣчаешь;
Сей гордостью надменъ ты въ насъ вперяешь страхъ,
И думаешь, что мы передъ тобою прахъ:
Но знай, что люди есть, которые имѣютъ
Достоинства Царей, хошя и не владѣютъ;
Не мысли во своей ты счастливой судьбѣ,
Что ползавъ предъ тобою мы бога чшимъ въ тебѣ,
Что любимъ всѣ тебя. . . я первый ненавижу,
Въ тебѣ несчастный сынъ отцеубійцу вижу!

ВЛАДИМИРЪ.

Но кто родитель твой!

СВЯТОПОЛКЪ.

Родитель твой былъ,

Кого во градѣ семь злодѣйски ты убилъ.

Коль ненавидишь самъ и кровныхъ не жалбешь,

Желашь моей любви ты права не имбешь.

ВЛАДИМИРЪ.

Имѣю болѣе, чѣмъ воображаешь ты,

Взгляни ты на мои и на свои черты,

На слезный покъ взгляни, изъ глазъ который льется,

Дай руку мнѣ свою, и зри, какъ сердце бьется.

Зри шрепешъ мой, мои вздыханія вмемли!

СВЯТОПОЛКЪ.

Не мни, чшобъ шоки слезъ меня смягчить могли;

Когда бы острый мечъ въ моей рукѣ явился,

Слезами бѣ купно ты и кровію омылся.

ВЛАДИМИРЪ.

Постой и обуздай спропшивый духъ на часъ;

Теперь мы здѣсь одни, никто не видитъ насъ;

Коль ты мое родство, о Князь, привелъ въ забвенье,

О юности твоей забылъ мое радѣнье,

Слаба прошиѣ меня твоя одна рѣчь;

Умножь вражду твою, возьми, возьми сей мечъ!

Присяги прешуни и должности границу,

Возьми, рази меня, сокроешь ноцъ убійду;

276 ИДОЛОПОКЛОН. ИЛИ ГОРИС.

Не уважай теперь порфиры иѣ вѣнца,
Природу устраши, и порази ошца! ..
Ошца ошѣ коего произведенѣ ты крови,
Кощораго къ шебѣ вся грудь полна любви!
Увы мой сынѣ! мой сынѣ!

СВЯТОПОЛКЪ.

Что, боги, слышу я!
Я сынѣ швой, Государь, и кровь во миѣ швоа!

ВЛАДИМИРЪ.

Сумнѣнью своему содѣлай окончанье,
Ты помнишь мащери швоей рукописанье;
Прочши сіе письмо. *(Отдаетъ ему письмо.)*

СВЯТОПОЛКЪ.

Любезна мащъ моя,
Твоей руки чершы кроплю слезами я!
(Читаетъ.)

Прости любезный сынѣ! Я торьку жизнь кончаю,
Но шайну, Святополкѣ, шебѣ препоручаю,
Что предписаніемѣ любви и судьбинѣ,
Не Ярополковѣ ты, Владимировѣ ты сынѣ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что кровь шебѣ гласишѣ?

СВЯТОПОЛКЪ *(на колѣняхъ.)*

Увы! родишель мой!
До внушренной моей проникнулѣ голосѣ швой,
Иную кровь ѣб моемѣ я сердцѣ ошущаю,
И взоры на шебя другія обращаю;

Мнѣ кажется, что я уничтожаюсь весь,
И въ ново-существо преображаюсь днесь!

ВЛАДИМИРЪ.

Восстань! мой сынъ, восстань! не гибь и опомщенье
Я въ сердцѣ несъ къ тебѣ, но дружбу и прощенье.

СВЯТОПОЛКЪ (воставъ.)

Позволь мнѣ грудь сѣю позволь облобызашъ,
Которую хотѣлъ я мучить и шерзашъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Постой! согласіе съ родителемъ воспавишь,
Скажи мнѣ, можешь ли кумировъ тых оставишь?

СВЯТОПОЛКЪ.

Оставишь мнѣ боговъ? любезны мнѣ они!
Я ими чрезъ тебя мои имѣю дни,
Спращуся словъ твоихъ! . . .

ВЛАДИМИРЪ.

Спращишься видовъ плѣнныхъ,
И суетвремъ понашій впечатлѣнныхъ;
Внемли: изъ древа ли изсѣченный кумиръ
Свѣшила сотворилъ и сей украсилъ мѣръ?
Того ли жизни мы своей почшимъ виною,
Кто принялъ бытїе, и здѣсь поставленъ мною?
О! сынъ мой, разсмотри; те плѣнь и камни те,
Прахъ въ груди собранный, мечта, или ничто;
Есть Богъ, о коемъ намъ вселенная вѣдаешъ,
Его глаза не зрашъ; но сердце ощущаешъ!

До ошущенія достигнуши сего,
Оставь кумировъ сихъ, чши Бога одного!

СВЯТОПОЛКЪ.

Перуна богомъ мы единымъ почитали!

ВЛАДИМИРЪ.

Мы нестинну тогда отъ сердца ошметали;

Но я сихъ идоловъ намъренъ истребишь.

СВЯТОПОЛКЪ.

Дай время, Государь, кумировъ миъ забышь.

ВЛАДИМИРЪ.

(Ударяетъ громъ во храмъ.)

Иди въ объятія! . . .

СВЯТОПОЛКЪ.

Но что за громы внемяю!

Я слышу подъ собой колеблемую землю!

Трепещетъ, движется, падетъ Перуновъ храмъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Лукавство злобствуетъ, таяшся козни шамъ;

Служащія жрецы безмолвнымъ истуканамъ,

Привыкли прибѣгать ко страхамъ и обманамъ.

Иду, и усмирю буншующихъ жрецовъ.

(Изторгаетъ мечъ.)

СВЯТОПОЛКЪ.

Постой! о, Государь! ты встрѣишь шамъ враговъ,

Которыхъ на тебя кинжалы изощренны,

И двери смерти тебѣ предшазавшъ ошворенны!

ВЛА-

ВЛАДИМИРЪ.

Не опасуюся, мой сынъ, враговъ такихъ ;
 Коль кроюшся они, пренебрегаю ихъ ;
 Злодѣйство, не кумиръ во храмъ грома мечетъ,
 Зри слабости его !

СВЯТОПОЛКЪ *(Удерживая.)*

Весь духъ во мнѣ шрепещетъ.

Постой! . . .

ВЛАДИМИРЪ *(Приближаясь ко дверямъ.)*

Ошверзишесь ужасныя врага !

(Врата отверзаются.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЪ и ГОРИСЛАВА *объемлющая под-
 ножіе истухана въ безламятствѣ ;
 и ло томъ ЗОЛИБА.*

ВЛАДИМИРЪ.

И Горислава здѣсь ! о страшная мечша !

ЗОЛИБА *(Во вратахъ поднимая
 кинжалъ.)*

Злодѣй Боговъ ! прими за нихъ мое опмщенье !

*(Святополкъ уставляетъ щитъ
 и отнимаетъ кинжалъ у жреца)*

ВЛАДИМИРЪ *(Наладая на Золибу съ
 мечемъ.)*

Прими злодѣй мой казнь ! прими за возмущенье !

(Святополкъ удерживаетъ его руку.)

ЗОЛИБА (*Уходя во внутренность
храма.*)

О нечестивый Царь! будь проклятъ отъ боговъ;
Раждай злѣдѣевъ шь! раждай шь не сыновъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЪ *кроль Золибы.*

СВЯТОПОЛКЪ.

Золиба, государь! въ отмищеніи опасенъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Но овъ Владимиру ни мало не ужасенъ.

(*Подшедь жъ Гориславъ встающей.*)

А шь виновница злой участи моей,
Сеголь я ждалъ плода отъ нѣжності швоей?
Злѣдѣйка дней моихъ! . . .

СВЯТОПОЛКЪ.

Лице ея блѣднѣетъ,

Едва дыханіе, едва она имѣетъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Не жизнь, но злосць ея потухла еъ ней на часъ.

ГОРИСЛАВА.

Увы!

СВЯТОПОЛКЪ.

Вѣдася смерть ея дрожащій гласъ!

ГОРИСЛАВА (*приближаясь.*)

Уже ли въ вѣчностъ я изъ свѣта преселилась? . . .
Владимировъ шнь! и здѣсь шь мнѣ явилась!

ВЛА-

ВЛАДИМИРЪ.

Давно достойная во пренеподней бышь,
Ты дышешь на земли еще меня губишь.

ГОРИСЛАВА.

О боги! жалосни ко мнѣ вы не льзати,
Когда безпамяшну меня не умершевили!

ВЛАДИМИРЪ.

Союзница моихъ измѣнниковъ, враговъ,
За чѣмъ входила ты, за чѣмъ во храмъ боговъ?

ГОРИСЛАВА.

Просиши у боговъ ходила защищенья,
И за шоску мою шебѣ, о Князь! ошмщенья.
Но за любовь къ шебѣ меня Перунъ винишь.

ВЛАДИМИРЪ.

Любовь нещастною тебя и учинишь;
Ты ею какъ змѣя скриваясь подъ цѣпями,
Ядъ въ сердцѣ заключа, ласкаешь мнѣ уснами;
Опасенъ только есть открытый намъ злодѣй,
Но врагъ ласкающей спрашише всѣхъ людей.
Ты крошкой агнидей, моимъ очамъ являлась,
Когда въ умѣ швоемъ измѣна сосшавлялась,
Когда тошовилась супруга умершевишь!

ГОРИСЛАВА.

Умѣлъ ты и меня свирѣпствомъ справишь.
Ахъ! слезы ты мои и нѣжность ненавидиши.

СВЯТОПОЛКЪ.

Она во всемъ правя, во мнѣ врага ты видишь;

Супругу я свою кинжаломъ воружалъ,
 Я мщеньемъ на себя въ ней душу раздражалъ;
 Золибою во храмъ неволей привлеченна,
 Она прошивъ себя была ожесточенна,
 Мечъ въ грудь себѣ воизвить она была должна.

ВЛАДИМИРЪ.

Но ты раскаялся, не каешься онъ.

(Гориславъ.)

Себя ты и меня въ сей жизни шолько мучишь,
 Но векорѣ люшая желанну смерть получишь;
 Коса ужъ надъ швоей главою ед висишь.

ГОРИСЛАВА.

Она мученїа несчастной прекратишь.

ВЛАДИМИРЪ.

Коль Царскїй слыша гнѣвъ, двлешься спокойна,
 Такъ ты несчастная умрешь мечемъ достойна.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и ДОБРЫНЯ (съ нѣсколькими придвор-
 ными и съ воинами.)

ДОБРЫНЯ.

Какъ чада своего владѣшела любя,
 Повсюду ищемъ мы, любезный Князь, тебя,
 Густая ноши шьма въ насъ робость умнежала,
 И въ разныхъ видахъ намъ нашъ рокъ воображала;

Но

Но живѣ ты! руку мы лобземъ днесь швою.

ВЛАДИМИРЪ.

Сей вѣрностью пронзенъ, сладчайши слезы зрю;

Меня спасла моя всещедрая судьбина,

И возвращила мнѣ во Святополкѣ сына;

Благодарю небесъ, что сжалялись они,

И преврашили ночь плачевну въ ясны дни!

Мое злощастіе полезнымъ мнѣ щитаю!

Супруги я лишенъ; но сына обрѣшаю.

СВЯТОПОЛКЪ.

Непостижимая судьба моя уму,

Ко оправданію послужишь моему.

ГОРИСЛАВА.

О коль несчастенъ шолъ, которому спрданье,

И слезы лишь одни бывающъ въ оправданье!

Ахъ! для чего судьбой не здѣшняя спрана,

Моимъ опечесвтомъ мнѣ спраждающей дана?

Я съ сыномъ бы моимъ не шолько князя чтила,

Была бы прощена, хощь Князю бѣ избѣнила.

Почто я бѣдная во свѣтѣ родилась!

Почто во младости и прелестъ мнѣ далась!

Съ родителеми жизнь безъ ней бы я скончала,

Не воспаменяла бы, и въ вѣкѣ не огорчала,

Не огорчала бы я сердца ни чьего.

(Владимиру.)

Властитель чувствъ моихъ, и рока моего!

Изъ словъ, изъ глазъ твоихъ, изъ мыслей примѣчаю,
 Что скоро отъ себя я жизнь мою скончаю;
 Увы! когда въ моихъ очахъ погаснетъ свѣтъ,
 И какъ мой сынъ меня безгласно призоветъ.
 Воспомни, что твоя свирѣпость погубила
 Жену, которая тебя какъ жизнь любила.

ВЛАДИМИРЪ.

Съ какою хитростью удобна льстить жена,
 Когда питаетъ желчь, и мыслитъ зло она!

ЯВЛЕНІЕ VII.**ТѢЖЪ и ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.****ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.**

Вражда, о Государь, въ жрецахъ воспламенилась,
 И безразсудна чернь къ ихъ союзу преклонилась;
 Подобно какъ рѣка въ перуновъ храмъ течетъ,
 Золибина ихъ злосць къ смясенію влечетъ;
 Вдохнуль ошмщеніе во звѣрскія онъ нравы;
 Чернь хочетъ сына взвезть на царство Гориславы.
 Твое презрѣніе толкуютъ ко богамъ;
 Зажженся вскорѣ бунтъ, спѣши скорай во храмъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Сей пламень мятежа тѣмъ самымъ испребишся,
 Чѣмъ онъ питается, и разожженный зрится.

Съ народомъ я моимъ сражаться не хочу,
Мятежныхъ сихъ сыновъ любовью укрошу.

(Добрынь.)

Иди, мой другъ, возспавъ спокойны дни во градъ;
Прощаю и самихъ жрецовъ я къ ихъ досадъ!

(Добрыня уходитъ съ воинами.)

Гориславъ.

А ты, кошорою шель вѣрно я любимъ,
Въ кошорой образъ мы священной правды зримъ.
Тебя народы чшутъ и защищаютъ боги;
Рогнедой нынѣ спавъ, иди въ твои чертоги;
Содѣлашь я хочу швоимъ слезамъ конедъ,
Одежды брачныя взложи зланыи вѣнецъ;
Умножишь моего къ тебѣ вниманья болѣ,
Предспавляю я себя народу на пресполѣ;
Тогда и ты яви, и я сѣ явлю,
Какъ любишь ты меня, какъ я тебя люблю.

ГОРИСЛАВА.

Чшо мною ты любимъ, чшо весь мой духъ прельщасшь,
Угм! шо знаюшъ все, единъ лишь ты не знаешь!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЪ кромѣ ГОРИСЛАВЫ.

ВЛАДИМИРЪ, Святополку.

Усердіе швое, мой сынъ, мнѣ докажи,
Сступай и спражей домъ Рогнединъ окружи;

Остань-

Останься съ ней, доколь услышишь повелѣнне,
Веси ее на мой престолъ за преступленне.

СВЯТОПОЛКЪ.

Загладить всѣ мои вины передъ тобой,
Я въ жертву жизнь отдамъ тебѣ, родишель мой.

ВЛАДИМИРЪ.

Жизнь въ жертву посвящай отечеству во брани,
А мнѣ любовь, иной не требую я дани!

Святополкъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ТѢЖЪ кромѣ СВЯТОПОЛКА.

ВЛАДИМИРЪ *Предъборныи мѣ.*

Вы други вѣрныя и ближнія мои,
Которымъ я открылъ всѣ тайнства свои,
Взявъ лещи и слѣпоша язычества извѣстна,
Поняшна истинна и благодать небесна;
Избавьте вы меня кумирницъ вредныхъ сихъ;
Для развращенія довольно въ градѣ ихъ,
Отъ сихъ нечестивыхъ вы меня Боговъ избавьте,
Очистите сей храмъ, и въ немъ престолъ поставьте;
Здѣсь славу идоловъ намѣренъ я зашмишь,
И кровію олшарь злодѣйскою омышь,
Изпоргнушь корень зла и обуздашь кичливость,
Владѣтелю одна пошребна справедливость;

Колѣ

Коль нужну строгость я теперь употребляю,
 На швердыхъ я сполахъ законъ возстановлю,
 Подписывая казнь хоть жалость ощущаю,
 Законъ вѣщаетъ казнь, не я ее вѣщаю.

Кумиръ свергните, внесите тронъ во храмъ,
 И покланяе всѣмъ предстаи вслѣможамъ шамъ.

Всѣ уходятъ во храмъ и двери оного

затворяются.

ЯВЛЕНІЕ X.

ВЛАДИМИРЪ *одинъ.*

И такъ я предаю на смерть мою супругу!
 И возвѣснѣшь молва всему земному кругу,
 Что Князь Владимиръ спалъ убійца и злодѣй!
 Дерзну ли самъ по шомъ казнишь я злыхъ людей!
 Вина Рогволова и брашняя опмщенна,
 А ты душа моя еще не насыщенна,
 И жаждешъ крови ты! какой! какихъ враговъ? . . .
 Мучишель! идольскихъ спрашишь ты боговъ! . . .
 Увы! что вижу я! мое злодѣйство мстятца,
 Мнѣ Ярополкова явилась тѣнь сшеняца!
 Какой она ко мнѣ суровый мечешъ взглядъ . . .
 Прости мою вину, возлюбленный мой братъ!
 Но тѣнь сокрылася! . . . ахъ! сей мечты причина,
 Лишь страхи внушрени и совѣсть лишь едина!
 Я суешно въ себѣ тиранскихъ чувствѣ ищу;
 Нѣтъ! нѣтъ! не варваръ я, супругу я прошу!

Карай

Карай твоихъ враговъ, мнѣ царскій долгъ вѣщаетъ;
 А милость вопіетъ: Царь щедрый всѣхъ прощаетъ;
 Къ щедростѣ жалость духъ, къ опмищенью долгъ вле-
 четъ;
 Прошу! но слабымъ свѣтъ меня весь наречетъ,
 И вышня власть мнѣ мечъ которая вручила,
 Упошребляшь сей мечъ меня и научила;
 Рогнеда въ гордости престоломъ душу льститъ?
 Продаешь ей супругъ, но Царь ей не простишь.

X

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ открытый храмъ Перуновъ, въ которомъ виденъ престолъ, покрытый чернымъ; кругомъ сидятъ вельможи въ печальныхъ одеждахъ.

СВЯТОПОЛКЪ и **ГОРИСЛАВА** (*держащая за руку Изяслава, выходятъ изъ своихъ чертоговъ со стражею*)

СВЯТОПОЛКЪ.

Царю и городу спокойство возвращенно,
Смяшеніе жрецовъ и черни укрождено:
Владимиръ взоромъ ихъ, какъ громомъ поразилъ,
Золиба мечъ въ себя въ опчаяннѣ вонзилъ;
Жрецы смирились . . . но есть молва во градѣ,
Ко гибели швоей, Владимиру къ досадѣ,
Супругъ швой склоненъ былъ вину швою простить,
И больше не хотѣлъ тебѣ ошъ нынѣ мспить;
Но паки гнѣвъ его какъ буря возмутился,
Навѣшъ прошиѣ тебя нечаянный сложился,
Что злешомъ шы народъ спаралась уловить,
На царство сына взвешъ, супруга умершвишъ:
Я клеветъ шакой едва ли вѣришъ смѣю.

ГОРИСЛАВА.

Ахъ! кромѣ слезъ, иныхъ сокровищъ не имѣю!

Т

Кого

Кого несчастная? къ чему могу склонить? . . .

Коль сильному легко безсильну обвинить!

СВЯТОПОЛКЪ.

Безсильны спонъ и плачъ себя ошъ бѣдъ избавишь:

Мой Царь велѣлъ себя во храмъ семъ оставишь.

ГОРИСЛАВА (*взирая на храмъ и на вельможей.*)

Сте почтеніе въ сей пагубной странѣ!

Сію Владимиръ честь! сей шронъ гошовишь мнѣ!

Возрѣши не могу ко храму безъ боязни! . . .

Нѣшъ, вижу не престолъ, я вижу мѣсто казни.

СВЯТОПОЛКЪ (*взирая на вельможей.*)

Наводишь ужасъ мнѣ печальны очи ихъ!

ГОРИСЛАВА.

Я вижу смерть мою написану на нихъ! . . .

(*Ко Изяславу.*)

О чемъ рыдаешь ты, о чемъ мой сынъ любезный!

ИЗЯСЛАВЪ.

Я вижу во швоихъ очахъ источникъ слезный!

ГОРИСЛАВА.

Или ты не привыкъ еще къ слезамъ моимъ?

Ты повседневный былъ, мой сынъ, свидѣтель имъ;

Въ слезахъ мы свѣшлый день, въ слезахъ луну встрѣ-
чаемъ.

Мы только ими грусть сердечну облегчаемъ.

ИЗЯСЛАВЪ.

Я чаялъ, что швоимъ бѣдамъ пришелъ конецъ,

Что съ нами сжалился Владимиръ мой отецъ.

СВЯ-

СВЯТОПОЛКЪ.

Спрадающихъ сердецъ едино облегчене,
 О слезы! нашихъ бѣдствѣ и грусти уличене,
 Вы бѣдныхъ пище непользующе имъ,
 Когда свирѣбный рокъ для нихъ неукрошимъ;
 Но камни швердыя шокъ водный умягчаешъ,
 И плачемъ укроженъ жестокій нравъ бываешъ.
 Иду Царю внушишь невинность вашу я.

(Уходитъ, стража остается.)

ЯВЛЕНІЕ П.

ГОРИСЛАВА и ИЗЯСЛАВЪ.

ИЗЯСЛАВЪ.

Любезна мать!

ГОРИСЛАВА.

Мой сынъ!

ИЗЯСЛАВЪ.

Дрожишь рука швоа,

И подсѣкающа швои во плачѣ ноги!

Пойдемъ скорай отсель, пойдемъ въ свои чертоги.

ГОРИСЛАВА.

Твоя отъ грусти мать нигдѣ не убѣжишь,

Которая у ней шеперь въ груди лежишь;

Но мнѣ и швои, и мой назначилъ повелишеть

Деждашся здѣсь сво, Владимиръ швои родишель.

ИЗЯСЛАВЪ.

Давно родилея, давно я не видалъ,
 Давно дражайшихъ рукъ его не лобызалъ.
 Когда, любезна мать, предъ нами онъ предстанетъ,
 Уже ли какъ опецъ на сына онъ не взглянетъ;
 Въ объятія къ нему могуль прибѣгнушь я?

ГОРИСЛАВА.

Ты кровь его мой сынъ, увь! и кровь моя!
 Любовь къ нему являшь, шебъ не воспрещаю. . .
 Ахъ! смертную поску въ душѣ я ощущаю,
 Смощрѣнемъ на него не насыщаю глазъ.

(Въ сторону.)

Объемлю, можешъ бышь, его въ послѣдній разъ! . .

ИЗЯСЛАВЪ.

Какія горести! какія и спенанья!
 Всю силу швоего я чувствую спраданья,
 Но что шы рвешся шакъ? гдѣ зрѣлъ я божество,
 Владимиръ для шебя ушпроилъ шоржештво,
 И предъ швоими всѣ преклоняшся ногами.

ГОРИСЛАВА.

Я скоро, Изяславъ, соединюсь съ богами,
 И награждатъ мое шерпѣнїе они,
 Твои въ покровѣ ихъ да процвѣтаютъ дни;
 О бѣдный Изяславъ! на шоль во свѣшъ родился,
 Чшобы шы плакалъ въ вѣкъ, рвался, шрадалъ, кру-

шился?

ИЗЯ-

ИЗЯСЛАВЪ.

Возлюбленная мать, швой взоръ обѣмлетъ мракъ,
Ахъ! въ жизни никогда ты не рыдала такъ!

Какую новую ты горестъ ощущаешь?

Печали отъ меня ты въ первый разъ скрываешь!

Когда ты не дѣлишь со мной шоски сшеня,

Знашь болѣе уже не любишь ты меня.

ГОРИСЛАВА.

Тебя я не люблю! ахъ! ешьлибъ не любила,

Безъ горести бы жизнь, безъ жалоспи губила;

Я шолько отъ шого мученье и шерплю,

Чшо любишь ты меня, чшо я шебя люблю;

Когда родишель швой лице свое покажешъ,

Родишель швой шебъ о сей печали скажешъ.

ИЗЯСЛАВЪ.

Къ его ногамъ, увы! несчастный упаду;

И ушѣшишеля въ моемъ отцѣ найду.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢЖЪ и СВЯТОПОЛКЪ *со свитою.*

ГОРИСЛАВА.

Не нужны, Святополкъ, швои миѣ разговоры,

Мое несчастіе швои являющъ взоры;

Когда ты обо миѣ Владимиру сказалъ,

Чшо онъ отшѣшествовалъ? какой онъ видъ казалъ?

СВЯТОПОЛКЪ.

Ко милосердію не зрю ни малой шѣни,
 Я щедно обнималъ въ слезахъ его колѣни:
 Свирѣпый нѣкій огонь блисталъ въ его очахъ,
 Гнѣвъ зрѣлся на лицѣ, смященіе въ рѣчахъ,
 Хотя является души его страданье,
 Но самое его ужасно воздыханье;
 Всему двору швою вину повѣдалъ онъ,
 И рекъ, не я казню Рогнеду, но законъ.
 Я защищалъ себя; но нѣкій лжесвидѣтель
 Во мракъ намъ швою представилъ добродѣтель;
 И словомъ, Царь велѣлъ тебѣ во храмъ итти;
 И на престолѣ возсѣсть . . .

ГОРИСЛАВА.

Прости! мой сынъ прости!
 Ахъ! казнь бы мнѣ была ошрада, не мученье,
 Но горько вѣчное съ тобою разлученье.
 Ожесточились всѣ прошиѣя тебѣ сердца;
 Нѣтъ друга у тебя, нѣтъ брата ни отца!
 Ахъ! скоро у тебя и машери не будетъ,
 Тебя, несчастный сынъ, весь свѣтъ тогда забудетъ:
 Но можешь быть моей несчастливѣ пы виной,
 И злополученъ шѣмъ, что въ свѣтъ родился мной.
 Когда погаснетъ свѣтъ, какъ жизнь моя увянетъ,
 Судьбина гнать тебя, любезный сынъ, престанетъ.
 Нѣтъ! рокъ намъ повелѣлъ во весь нашъ вѣкъ рыдать:
 И роду дѣлому Рогвольдову страдать;

Отецъ

Опецѣ мой живоша лишился со державой;
 Блеснули счастья лучи надѣ Гориславой,
 Но въ шучу мрачную сокрылися они,
 Дабы печальнѣе мои содѣлашь дни;
 Я зрѣла мащери любезной кровь шекущу,
 Кровь братьевѣ моихѣ на небо вопіющу;
 Кѣ печали праха ихѣ прольешся и моя . . .
 Да не прольешся кровь, любезный сынѣ, швоя!
 Коль весь мой, боги, родѣ вы истребляшь хошите,
 Оспалась я одна! единой мнѣ и мспшите!
 Такое мщеніе щедрошою почшу,
 Бросайте громѣ въ меня! спасите сироту!

(Изяславу уходя)

Прости!

ИЗЯСЛАВЪ.

Какой мнѣ страхѣ швои уста вѣщають!

Увы! любезну мать у сына похищаютѣ!

Хладѣешь кровь моя! уходишѣ свѣшѣ отѣ глазѣ!

ГОРИСЛАВА *его поддерживая.*

Приди Владимирѣ кѣ намѣ, взгляни шеперь на насѣ;

Ахѣ! сжалилсябѣ и шы супругу ненавида,

Вѣ ее обѣшїяхѣ спеняща сына вида!

ИЗЯСЛАВЪ *приходя въ себя.*

Еще я зрю шебя, возлюбленная мать!

Не долго будемѣ мы другѣ друга обнимашь!

Но прежни нѣжнoshi отѣ глазѣ швоихѣ сокрылись,

Зрю блѣднoshi на лицѣ! черты перемѣнились!

СВЯТОПОЛКЪ.

Не защищаютъ васъ ни жалость, ни любовь,
 Прольется скоро здѣсь супруги Царской кровь:
 Прими послѣднїя мои пенерь услуги,
 Мои тебя спасутъ отъ смерти вѣрны други;
 Сокройся ты опсель въ дремучїя лѣса,
 Подъ свой покровъ тебя прїмуть небеса,
 Сокройся, Княжїи гнѣбъ доколѣ утужишь;
 Гогово все, спѣши опсуду удалишься.

ГОРИСЛАВА.

Мнѣ помощь не нужна, не нуженъ твой совѣтъ,
 Мнѣ казни мѣстомъ весь проспанный зришься свѣтъ;
 Какїя пѹшпыни, какїя быстры рѣки,
 Дремучїя лѣса, какїя человѣки
 Нещастную жену отважашся принятьъ,
 Котору могъ супругъ измѣной обвиняшь?
 И я сама себя злодѣйкою прославлю,
 Коль скроюся опсель, а сына здѣсь опшавлю.

СВЯТОПОЛКЪ.

Зри, какъ рыдаешь онъ, возьми его съ побой.

ГОРИСЛАВА.

Онъ царствовать рожденъ, не рабствовать, судьбой,
 Онъ царствовать рожденъ, а не въ лѣсахъ скитаться.

ИЗЯСЛАВЪ.

Ни жить мнѣ безъ тебя, ни здѣсь не лзя опшаться.

СВЯТОПОЛКЪ.

Недавно сыномъ я Владимировымъ спалъ;
 Мучишелемъ его я прежде почишалъ,

Мучи-

Мучитель скрылся днесь, и зрится мнѣ родишель,
 Ужасный судія и грозный повелишель;
 Но сердца утѣлишь кипѣнье моего,
 И совѣсть сохранишь, я скроюсь ошѣ него!

ГОРИСЛАВА.

Нѣшѣ, Князь! ты долженѣ бышѣ родителю послушенѣ;
 Владимирѣ вашѣ ошецѣ ко всеѣмѣ великодушенѣ.
 Свирѣнѣ онѣ кажешя шерзая и гоня,
 Сѣ моимѣ несчастливимѣ семействомѣ лишѣ меня.
 Но спрогихѣ слѣдуешѣ судебѣ онѣ въ шомѣ уставу.
 Останься сѣ нимѣ, и будь защишникѣ Изяславу.
 Онѣ браншѣ шебѣ! онѣ сирѣ! несчастливѣ бѣденѣ, младѣ!
 Ахѣ! презришѣ безѣ меня весь дворѣ его, весь градѣ.

(На холвняхѣ)

Будѣ ты ошцемѣ ему! будѣ браншомѣ! буди другомѣ!
 И оправдай меня передѣ моимѣ супругомѣ!

(Возставѣ Изяславу)

Иду! во храмѣ иду жестокой казни ждашѣ!

СВЯТОПОДКЪ.

По шѣлу моему онѣ будешѣ въ храмѣ вступашѣ!
 Когда на свѣшѣ кшо шерзаетшя и спраждешѣ,
 Имѣешѣ слабый духѣ, коль смерши онѣ не жаждешѣ:
 Жизнь наша шѣнь одна; когда кончаешѣ вѣкѣ,
 Совсеѣмѣ разрушишя во свѣшѣ человекѣ;
 Въ послѣдній для него разѣ солнце закашишя,
 И вся его шоска сѣ нимѣ въ землю погрузишя.

На что спрадающимъ бѣдѣ злѣйшихъ ожидать?
 Жизнь кончить надлежитъ, и перестать спрадать.
 Кончину предваришь минушою одною,
 Дерзнешь ли ты пресѣчь, твоей вѣкъ своей рукою?
 Возьми кинжалъ!

ГОРИСЛАВА (*Принимая кинжалъ и на-
 мреваясь заколоться.*)

Подай! сама сразивъ себя,
 Женоубійцею слышь не допущу тебя.
 Владимиръ! твой порокъ не будетъ свѣту явленъ;
 Кинжаломъ буди симъ ошъ варварства избавленъ!

ИЗЯСЛАВЪ *бросая къ ней.*
 Въ меня кинжалъ вонзи! въ меня вонзи сперз!

ГОРИСЛАВА.
 Обезоружилъ меня твои слова!

СВЯТОПОЛКЪ.
 Владимира его печальный голосъ пронетъ;
 Увидя здѣсь ево природа въ немъ возспонетъ!
 Предсказать родителю вели въ слезахъ ему.

ИЗЯСЛАВЪ.
 Рыдающей его колѣна обѣиму!

ГОРИСЛАВА *Изяславу.*
 Надежды не имѣвъ смягчишь судьбину люту,
 Пойдемъ спешашъ съ шобой оставшую минуту!
 (*Удаляются.*)

СВЯТОПОЛКЪ.

Уже Владимировъ вдали внимаю гласъ,
Сокройшесь отъ его на время грозныхъ глазъ!

*Горислава и Изяславъ удаляются
во храмъ, Горислава садится на
престолъ и скрываетъ сына.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

СВЯТОПОЛКЪ *Одинъ.*

Снѣ ли новаго внушенія закона?
Во всемъ спремленіи пылаетъ злость отъ прона;
И кто отъ стрѣлъ ея и молией убѣжитъ,
Когда жены она несчастной не щадитъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЪ и ВЛАДИМИРЪ (*провождаетъ Добрынею.*)

ДОБРЫНЯ.

Князь, сжался ты надъ ней!

ВЛАДИМИРЪ *входя.*

Нѣтъ! жалости не внемлю!

Совѣтовъ ни какихъ къ щедротѣ не пріемлю,

Измѣнница умреть моимъ мечемъ должна!

(Увидя Гориславу.)

Уже на тронѣ взошла съ величешвомъ она!

Вель-

Вельможи подкрѣпляшь Россійскій прронѣ рожденны,
 На коихъ всѣ мои дѣянья ушверженны,
 Вы сами вѣрные свидѣтели тому,
 Позорѣ или чести принесть я пррону моему?
 Вашѣ часто видѣлѣ взорѣ, и осызали длани
 Тѣ язвы, получалѣ копоры я во брани.
 За Кіевскій пррешолѣ я крови не щадилѣ,
 Вѣ шрудахѣ ошечества блаженство находилѣ,
 И нынѣ нахожу! — Но злоба и лукавство,
 Мнѣ горькимѣ дѣлаюшѣ мое самодержавство,
 Порфиру бремяемѣ, и шернами вѣнецѣ;
 Преобращилась власть мнѣ вѣ узы наконецѣ;
 И долженѣ буду я, или пррешолѣ оставишь,
 Или опѣ язвы сей ошечество избавишь.

(Помолчавъ нѣскольکو.)

Чшо вы друзья мои, изѣ вашихѣ чшу очей!
 Злодѣйку толькѣ зрю вѣ супругѣ я моей.
 Закона строгости вѣ душѣ я осуждаю;
 Мой извлекая мечъ, колеблюся, рыдаю;
 Но какѣ законы чшишь я вамѣ примѣрѣ являю,
 Заплакавѣ общаго злодѣя истребляю.

(И дучи къ Гориславѣ.)

Умри несчастная, пришла швоя кончина.

(И дучи ко храму.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и ИЗЯСЛАВЪ *Изторгшись изъ храма.*

ИЗЯСЛАВЪ, *на колѣняхъ.*

Увы! родишель мой!

ВЛАДИМИРЪ.

Кого я вижу!

ИЗЯСЛАВЪ.

Сына!

Въ безмѣрной ярости мою шы машь рази,
Но прежде сыну въ грудь свирѣпый мечъ вонзи;
Коль шѣсенъ свѣшъ тебѣ и съ нею и со мною,
Рази насъ! но меня не дѣлай сиротою.

ВЛАДИМИРЪ *(Въ смущеніи.)*

Ахъ! кто тебя, мой сынъ, симъ нѣжностямъ училъ?
Меня швой взоръ! швой видъ! швой голосъ умягчилъ!
Во всей моей душѣ я жалось ощущаю.
Возстанъ мой сынъ! возстанъ! . . . я машь швою прощаю.

ИЗЯСЛАВЪ! *(Рогнеда въ сіе время низ-
ходитъ со престола.)*

Вшорично шы мнѣ жизнь, родишель мой, даешь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЪ и ГОРИСЛАВА *(Вбѣгая.)*

ГОРИСЛАВА.

Легка мнѣ смерть, его коль сыномъ шы зовешь.

ВЛА-

ВЛАДИМИРЪ.

Я вверженъ былъ тобой во глубину печали,
 Твои меня слова и взоры огорчали;
 Но мало убивалъ меня еще швой спонъ,
 Ты мыслила опнять и жизнь мою и шронъ!
 Любимъ отъ подданныхъ, я мучимъ былъ тобою;
 Суди меня шеперь! суди меня съ собою!

ГОРИСЛАВА.

Увы! мой Князь, ужъ я и такъ осуждена,
 Несчастнѣйшая спавъ во свѣшъ семъ жена.
 Ахъ! прономъ я себя и въ мысляхъ не ласкала,
 Одной любви швоей, одной любви искала.
 Но ежели и шѣмъ отъбемлю швой покой,
 Чшо воздухомъ однимъ дышу, мой Князь съ тобой,
 Чшо я на солнечны лучи съ тобой взираю,
 Такъ умершви меня! спокойна умираю!

ВЛАДИМИРЪ.

Вся жалоспью моя наполнилася грудь!
 Нашли швои слова и очи къ сердцу пущь!
 Иди въ обѣшя! несчастная супруга,
 Гонишела забудь и зри во миѣ шы друга!

СВЯТОПОЛКЪ.

Премѣну шакову какой содѣлалъ богъ?

ГОРИСЛАВА.

Кшо сердце, Князь, швое смягчишь мгновенно могъ?

ВЛА.

ВЛАДИМИРЪ.

Законъ, который насъ душевно просвѣщаетъ,
Законъ сей и врагамъ прощеніе вѣщаетъ.

Я долго правды зрѣлъ лучи издалека;

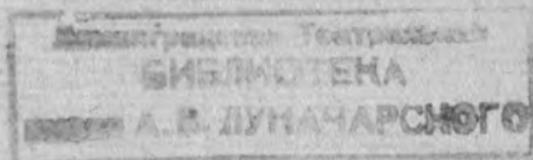
Но благодаши днесъ коснулась мнѣ рука,

И мой смягчила духъ: * вражду мою забудьте,

Владѣйше Полоцкомъ и мнѣ друзьями будьте.

* Гориславъ и Изяславу.

Конецъ трагедіи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

IV Ч а с т и.

	Стран.
I. Трагедія ПЛАМЕНА - - - -	3
II. ——— МАРТЕЗИЯ и ФАЛЕСТРА -	85
III. ——— БОРИСЛАВЪ - - -	165
IV. ——— ИДОЛОПОКЛОННИКИ —	
или ГОРИСЛАВА - -	223

